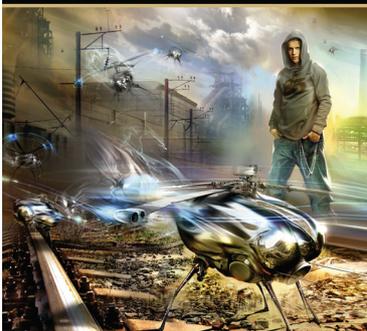

НОВЫЙ ДИВОВ
КОЛЛЕКЦИЯ

ОЛЕГ ДИВОВ
ГОРОД
СЧАСТЛИВЫХ РОБОТОВ

Олег Игоревич Дивов

Город счастливых роботов (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361065
Город счастливых роботов : сборник романов / Олег Дивов: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79224-5

Аннотация

Перекуси зубами кабель, оставь школу без интернета. А когда вырастешь и поумнееешь – встань стеной беде навстречу, защити людей от них самих, останови. Это страшно и больно, но счастливы только роботы, у них все всегда хорошо. А ты больше не робот. Что бы ты ни делал: крошечные вертолетики или настоящие автомобили, – ты не винтик в системе, а живой человек. Продвинутая микротехнология и простой сборочный конвейер ничем не отличаются, когда их хозяева одержимы жадной властью. Но ты сможешь все исправить, если захочешь.

Главное – запомни: бороться с идиотизмом надо хотя бы ради того, чтобы наши дети не выросли идиотами.

А объекты в зеркале заднего вида – ближе, чем кажутся.

Содержание

Объекты в зеркале заднего вида	5
Часть 1	5
Часть 2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Олег Дивов

Город счастливых роботов (сборник)

© Дивов О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Объекты в зеркале заднего вида

*To Irene, Michael and Andrew.
And to you, Donald, my dear friend.*

Часть 1 Как это было

Это было время, когда весь мир принадлежал нам и будущее зависело только от нас. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была молодость.

* * *

Я стоял на вединге, собирал цитрусы. Так это называлось в курилке. Вообще-то, курилки не было. И вединга. И цитрусов тоже не было.

Весело жили мы, заводские.

С заводом городу повезло, конечно.

– Это русская деловая хватка, – сказал однажды Кен Маклелланд. – Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят завод.

– Ну да, мы такие, – согласился я. – Запиши, а то забудешь.

Кен записал.

Город наш делился на Левобережье и Правобережье. «Левые» работали на заводе, «правые» занимались всем остальным. Не по каким-то там идейным соображениям, просто слева до завода было близко, а справа – только через реку, сквозь вечную пробку на дряхлом узком мосту. Все кандидаты в мэры шли на выборы с лозунгом «Я построю переправу!». А потом на федеральной трассе в пяти километрах к югу отгрохали шикарный виадук. Те, у кого машины побыстрее, сразу его освоили. Так и старый мост разгрузился, и стало всем хорошо, особенно политикам.

– Это русская смекалка, – сказал Кен. – Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят мост.

– Запиши, а то забудешь, – привычно согласился я.

Кен грустно покачал головой, но записал.

Его у нас долго не принимали всерьез. А потом как-то шли мы втроем – Кен, Михалыч и я, – тащили ржавое железо с кладбища автомобилей и наткнулись на стаю «правых». Вроде бы в восьмом классе мы учились, да, точно, в восьмом... «Правые» начали кричать нам всякое, как обычно бывает перед дракой. Ну и Кена пиндосом обозвали. А Кен этого очень не любил. Не был он пиндосом, честь ему и хвала. И дело тут не в обрусении – просто не был он пиндосом, и точка.

Кен тогда нес, как коромысло, на плечах реактивную тягу от «Жигулей». И пока мы с Михалычем думали, что бы «правым» ответить позлее, Кен схватил эту оглоблю наперевес, прыгнул вперед и заорал:

– Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов! Сюда идите, правые-неправые, остаться должен только один!

«Правые» как упали, так еле встали. Ржали до икоты. Кена полюбили безоговорочно. Я молчу, что в нашей школе творилось, когда мы рассказали. Фурор и триумф. Кен высту-

пил остроумно, а это ценится на обоих берегах реки; еще он наплевал на известный закон об оскорблении кого попало чем попало. Выразив готовность драться, Кен повел себя как парень, который не боится оказаться крайним, и это оценили вдвойне.

А из той правобережной стаи трое обалдуев выросли офицерами дорожной полиции, кардан им в ухо. И теперь если Кен слегка нарушает – не по злему умыслу, а исключительно по обрусению, – эти ему говорят:

– Зачем же вы хулиганите, Кеннет Дональдович? Как же вам не стыдно? Не надо так. Иначе придется в следующий раз наказать.

А Кен им:

– Да работа у меня нервная. Больше не буду, честное слово. Ну как твой цитрус, бегаешь? Ты когда погонишь его на ТО, не забудь сначала мне звякнуть, я там знаю кое-кого, прослежу, чтобы все было хай-энд...

Ну полное взаимопонимание и дружба народов. А всего-то десять лет назад пообещал навернуть тупым тяжелым предметом.

Мы с Кеном были не просто «левые», а «левые» в квадрате – наши отцы строили завод. Естественно, мы оба на завод и угодили. С той разницей, что я стоял на вединге, а Кеннет Дональдович бродил вдоль конвейера, при галстукке и с озабоченным лицом. Лицом Кен зарабатывал деньги. Галстукком он иногда, забывшись, утирал вспотевший лоб. Русских это умиляло, американцев смешило, а вот пиндосы на Кена стучали.

– Что за манера, твою мать, сморкаться в долбаный галстук?! – спрашивали Кена в дирекции. – Разве может так себя вести менеджер по долбаной культуре производства?!

«Культура производства» только звучит несерьезно. Не знаю, может, у вас так обзывается санитария на рабочем месте. А в нашей компании это и инженерно-креативный департамент, и гестапо сразу. «Культуристы» отвечают за долбаную эффективность. Страшнее ругательства, чем «эффективность», на заводе вообще нет.

– Я не сморкаюсь, – отвечал Кен. – Я вытираю трудовой пот. У меня работа нервная. Больше не буду, честное слово.

Кена штрафовали, он возвращался на конвейер и спрашивал линейного технолога Джейн Семашко:

– Какая падла?..

– В большой семье не щелкай клювом! – отвечала Джейн, выразительно поднимая вверх красивые глаза.

Кен затравленно обводил взглядом камеры слежения, потом ряды тонированных стекол под потолком – кабинеты начальства – и нервно теребил галстук. Джейн привычно давала ему по рукам.

– Оставь в покое удавку, – говорила она. – Пойдем на вединг, посмотрим, как там наши Мишки. Я буду следить, чтобы они все правильно делали, а ты – думать, как сделать так, чтобы они делали это лучше.

И они приходили и вставали у нас с Михалычем над душой.

Я был рад видеть ребят, да и к зрителям мы на вединге давно привыкли. Что инспекция, что делегация – первым делом все бегут к нам и торчат по полчаса в глубокой эйфории.

Есть в «женитьбе» некая мистика. Момент волшебства. Именно здесь автомобиль становится автомобилем. Недоделанной, но все-таки уже машиной. Понизу на вединг-пост выкатывается платформа: задний мост и передний модуль. Сверху приплывает кузов – чпок! – и поженились. И вот она, машинка.

А уж хорошенькая!.. Цитрусы, то есть, простите, «Циррусы» – симпатяги, облик у них условно «среднеевропейский», однако не зря к нему приложили руку итальянцы. Особенно трехдверки удались. Глядишь, любишь – и видишь, какая пропасть между Европой и Россией. Мы можем красиво дизайнить только военную технику. Наши танки, вертолеты и само-

леты исполнены такой гармонии – Кандинский бы обзавидовался. Но вот беда: когда у нас что-то отрисовано гармонично, оно сразу напоминает военную технику.

Если исходить из проверенного временем постулата «Всё – дизайн», выводы напрашиваются сами. Русские – нация очень добрых воинов. Мы бы всех победили, только нам их жалко, и вообще, лень оторвать задницу от лавки. И нечего стесняться. Может, это наше историческое предназначение: сидеть на берегу реки, вяло шкрябая точилом по дедовской катане, и ждать, когда мимо проплывет труп врага. А там, глядишь, придет кто-нибудь и завод построит...

В общем, я, русский воин, стоял на вединге и собирал цитрусы. А американцы смотрели. Молча. Оба знали, что такое конвейер, отнюдь не вприглядку, у Джейн была квалификация слесаря-сборщика С1, а у Кена полновесная С2, – и могли оценить четкость нашей работы как никто другой. И вякать мне под руку на вединг-посту они не посмели бы – несмотря на все свои инженерские полномочия. Даже по меркам нашего завода вединг показывал аномально низкий уровень брака. Завод был чемпионом марки, вединг – чемпионом завода, а моя с Михалычем смена была чемпионом среди чемпионов. Когда на горизонте возникали пиндосы, которым захотелось поглядеть, как шевелится конвейер под их мудрым руководством, тим-лидер буквально сдувал с нас пылинки. А то вдруг нам сейчас воткнут за некорпоративный внешний вид, мы из-за этого упадем духом, накосячим и испортим бригаде показатели.

Тяжко нам приходилось, честно говоря.

* * *

Конвейер, что называется, «сушит мозги». От монотонной работы на станке тоже сдуреть можно, но конвейер – нечто особенное. Его не остановишь на минуточку, просто чтобы отдышаться. Ты привязан к нему намертво. Он едет – и у тебя вслед за ним крыша едет. Поэтому рано или поздно ты начнешь злостно нарушать технологию, выполняя по две операции разом – крутить, допустим, левой рукой одну гайку, а правой – другую. Так можно выиграть по двадцать или даже тридцать секунд на каждой машине. Чтобы потом эти полминуты спокойно постоять в сторонке, «отдыхая», то есть оглядываясь, почесываясь, скаля зубы, подтягивая штаны, жалуясь на жизнь, ругая пиндосов, короче, совершая какие-то сугубо человеческие действия. Благодаря чему ты хоть ненадолго почувствуешь себя именно человеком, а не промышленным киборгом.

Мы себе такого позволить не могли.

За вечно хмурые физиономии нас обзывали «Дартами Веддерами». Мы в долгу не оставались: Темная Сторона Силы умеет ответить на дружескую шутку убедительно и отвратительно, – но чего греха таить, рожи у нашей «вединг-тим» и правда были каменные. Сосредоточенные донельзя.

В старые добрые времена на каждом вединг-посту суетилось четверо, а то и шестеро сборщиков. Сейчас мы с Михалычем плавно и, говорят, красиво орудовали вдвоем. Казалось бы, чего тут сложного – помочь Железному Джону совместить платформу с кузовом и завести с двух сторон рамы с гайковертами, проконтролировать момент затяжки да отправить машину дальше... Ну и кассеты с гайками вовремя заряжать. У робота трехмерный лазерный прицел, чуткие динамометры и соображалка на уровне среднего пиндоса. В общем, умный робот, но тупой. Если надо подвинуть детали на миллиметр, он просто снайпер. А как набежит полсантиметра от контрольной точки – Джонни либо впадет в панику, либо грохнет кузовом о платформу, наделав царапин и заусенцев. Поэтому нужен за ним глаз да глаз и время от времени – четко рассчитанный дружеский пинок. Иначе «свадьба» выйдет боком.

Вот для того и были мы с Михалычем – два русских надсмотрщика при одном американском железном работяге.

На конвейере многие спасаются тем, что, пока руками шуруют, стихи читают про себя или песни поют. Но я знал: стоит мне задуматься во время бритья – порежусь самым безопасным лезвием. А завод тебе не ванная, здесь можно без руки остаться запросто. Сам по молодости едва не схлопотал травму, спасибо конвейеру за науку, обошлось драным рукавом... Когда я дорос до веддинга, думал, наконец расслаблюсь – «вкальывают роботы, счастлив человек», – а стало еще хуже. По закону подлости, едва отвлекусь, простейшие операции вдруг идут вкривь и вкось. Поэтому на работе я именно работал. Иначе меня давно попросили бы из сборщиков в уборщики. Вариантов просто не виделось: либо я буду хорош, либо никакой.

Михалыч страдал такой же парадоксальной криворукостью. Он тоже не мог работать плохо и тоже уставал. Мы считались по заводским меркам ветеранами, чувствовали, как необратимо глупеем, и не раз обсуждали, на сколько еще нас хватит. Решили пока дотерпеть до следующей весны: Вася-Профсоюз намекнул, что зимой нам светит турне по европейским заводам – показать немецким туркам и турецким чуркам, как надо веддить цитрусы. Если, конечно, будем и дальше правильно себя вести, с оглядкой на Кодекс корпоративной этики, то есть нарушать технологию незаметно, жаловаться на жизнь негромко и ругать пиндосов нематерно... «А Железный Джон с нами поедет? – спросил Михалыч. – У него же настройки индивидуальные. Мы его два года дрессировали. Мы без своего робота никуда». Вася оглянулся на тим-лидера, а тот глубокомысленно кивнул в ответ. Васю заклинило, он пообещал все уточнить и убежал в сторону дирекции. Курилка долго хохотала.

Курилки не было, я сказал уже. И веддинга, строго говоря, никакого. А уж цитрусов не было и в помине.

* * *

«Курилкой» называли зону отдыха. Естественно, там никто не курил. У нас вообще мало кто этим увлекался даже в нерабочее время. Чтобы узнать, какой штраф полагается за курение на заводской территории, пришлось бы зарыться в самую глубь трудового договора. Поговаривали, будто этот пункт давно хотели выкинуть, но воспротивился директор мистер Джозеф Пападакис. Человек старой формации, он иногда втихаря смолил на рабочем месте. И сам себя потом штрафовал.

Это, конечно, были только слухи: договор обязан предусматривать любые нарушения, вплоть до проноса на конвейер ядерной боеголовки. Джейн Семашко уверяла, что своими глазами видела в договоре параграф о запрете призывов к насильственному свержению власти – со вполне драконовским штрафом. Я пару раз напоминал себе проверить, не шутит ли она, но забывал. После смены было не до того: принять бы душ да упасть бы в койку.

Во сне я регулярно видел цитрусы. Иногда они женились.

За «цитрусов» нас драли с нечеловеческой силой. Веддинг, он на любом автозаводе планеты будет веддингом, как ты эту операцию ни обозначай в документах. А то, что русские зовут рекреационную зону «курилкой», господа начальники списали на местный колорит. Даром что сами, обрусев, поголовно этим колоритом страдали: кто в галстук сморкается, кто водку с пивом мешает, кто вообще болеет за питерский «Зенит»... Даже мистер Джозеф Пападакис, редкостный пиндос, и тот перешел с барбекю-гриля на шашлык.

Но вот слово «цитрус» на заводе было вне закона, хоть ты так апельсин обзови. Нельзя шутить с брендом. «Цитрусы» в своей ценовой группе лучшие из лучших, и перевернуть их славное имя хоть на букву персонал не имел права. А уж «цитрус» – это был прямой и явный

наезд. Цитрус у пиндосов однозначно ассоциируется с «лимоном», каковой в американском жаргоне испокон веку значит одно: дерьмовая тачка.

Доходило до полного идиотизма: вы могли купить «Циррус» любого цвета при условии, что он не желтый.

Каким местом думал тот, кто утвердил это имя – раз пиндосы такие нервные, – осталось загадкой. Известно было лишь, что над названием перспективной марки, запускавшейся как «всемирный автомобиль», долго и мучительно размышляло супербрендовое рекламное агентство.

Может, в том агентстве окопались промышленные диверсанты, японские или китайские, черт их знает.

Русские охотно соглашались с тем, что «Циррусы» неплохие машинки, даже хорошие, а в своем классе – лучшие по соотношению цена – качество, но звать их цитрусами продолжали упорно и неизлечимо. Это была такая же местная болячка, как манера жаловаться на жизнь, нарушать технологию и ругать пиндосов. Весь город на цитрусах ездил, и весь город их так называл.

Однажды мы в курилке задумались: а как это выглядит в свете известного закона об оскорблении кого угодно чем угодно? И пришли к выводу, что тянет как минимум на глумление и издевательство, а как максимум – на информационный геноцид дирекции завода. Ну действительно, целый город тебя чморит, твои же сотрудники чморят, а ты – стой, обтекай, потому что Кодекс корпоративной этики имеет силу только до проходной и ни на шаг дальше... Но ребята из юридического отдела шепотом намекнули, что пока дирекция не готова признать себя религиозной сектой или сексуальным меньшинством – фиг ей, пускай обтекает.

Когда в прошлом году мистер Джозеф Пападакис, наливаясь кровью от похоти, торжественно вручил ключ от красной трехдверки Машке Трушкиной, нашей Мисс Города, та подпрыгнула, захлопала в ладоши и радостно заорала в микрофон:

– Ой, цитрус!!!

Прямой эфир шел на всю губернию. Директор чуть в обморок не хлопнулся. Назавтра торжественный момент показали в федеральных новостях – уже без звука. Пиар-службу лишили премии за подрыв авторитета марки. Пиарщики дико разозлились на красавицу и пообещали, что следующий приз от завода ей разве что в гроб положат. Машка в ответ только хмыкнула. Она была не заводская, а из управы Правобережья – эти волки сами кому хочешь устроят веселые похороны. От них только реактивной тягой и отмахиваться. Отец мой вспоминал: при Советской власти правый берег играл в карты на левобережные садовые участки и вырубал их – буквально, топорами – под корень. Шутка ли, до сих пор именно «правые» поставляют городу всех полицейских, торговцев и политиков. Говорю же, волки. Мы бы им, конечно, вломили, найдись только повод, нам просто делить нечего. У «левых» завод, у «правых» все остальное: идеальный симбиоз. Завод накроется – Правобережью тоже не жить. Как бы выразился Кен Маклелланд: если долго сидеть на двух берегах реки, ожидая, когда мимо поплывут зловещие мертвецы, рано или поздно люди с разных берегов поймут, что у них общие интересы.

Надо будет сказать Кену, пусть запишет.

* * *

Кен на завод не собирался. И я не собирался. Михалыч только хотел: потому что там гоночная команда, а в нее помимо завода никак. Еще у Михалыча были далекоидущие планы насчет Джейн, а та на завод нацелилась однозначно – ради важной строчки в будущем резюме: «слесарь-сборщик». Мол, я такая синдерелла, начала карьеру с гайковерта,

руки в трудовых мозолях, а попа в синяках. А что мой отец резал тут красную ленточку вместе с Доном Маклелландом, это нелепая случайность, он просто мимо проходил. Короче, зовите меня Мисс Американская Мечта... Сказала, в тридцать лет стану вице-президентом, а в сорок передо мной вся мировая автомобильная промышленность шляпу снимет. Я вот падлой буду, покажу вам, мужским шовинистическим свиньям, как женщины делают культовые машины. И лучшего старта, чем в России, сейчас не придумаешь, тут можно быстро вырасти... Михалыч эту тираду выслушал, и лицо у него стало такое, будто он уже ревнует к Джейн весь мировой автопром. Так они, под ручку, на конвейер и двинули – познавать снизу вверх профессию, учиться нарушать технологию и ругать пиндосов. Только Джейн с конвейера шагнула в институт, где мигом выскочила замуж; а Михалыч – в «Формулу Циррус», где от избытка чувств хлопнул первый же свой боевой цитрус так, что остались одни колеса, и те кривые.

Джейн вернулась с дипломом уже разведенная – бешеный темп набрала подруга, все успела, нам бы столько здоровья. А Михалыча списали из-за травмы спины в механики, и насколько мне известно, он с женщиной своей мечты по сей день даже не поцеловался. Только глядит на нее мокрыми глазами. Джейн говорит, он слишком похож на большую мягкую игрушку – с такими не спят. Откровенничает она, понятно, не с Михалычем, жалеет его. Я пытался намекнуть, что это не жалость, а издевательство и лучше бы они объяснились раз и навсегда, но от Джейн мои советы отскакивают. Похоже, ей нравится держать большую плюшевую игрушку поближе к себе. Игрушка-то хотя и травмированная, а когда малость замечтается, гаечные ключи гнет одной левой.

А Кен у нас способный очень, но увлекающийся. Пока его папа Дон Маклелланд строил и налаживал завод, Кен успел дурака повалить во всех направлениях – и на гитаре играл, и страдал вместе с нами гаражным тюнингом, и даже изучал дзен-буддизм. И все парню легко давалось, с полуоборота, нашелся бы повод. Кен русский знает лучше меня только потому, что еще в раннем детстве ему понравилась буква «Ы».

А я, наоборот, по жизни узкий специалист. Я рисую, вообще-то. На самом деле это непростая комплексная профессия – и жестянка, и малярка, и еще до черта всего, – ведь я пишу не на заборах, а на автомобилях. Но если в двух словах – ну, рисую. В местной художественной школе мне неплохо поставили руку, да и отец-архитектор дрессировал ребенка. Получив аттестат, я рванул в столицу, довольно легко там поступил, год было очень интересно, а потом стало ясно, что уже не интересно. Не готов я оказался к глубокому погружению в историю искусств. Пришлось вернуться домой и погрузиться для начала в Вооруженные Силы на годик.

Художник в армии человек важнейший, без него войска просто небоеспособны: сами подумайте, ну вдруг война, а у нас не нарисовано ни фи́га – ни с кем воевать, ни зачем это надо. Год в автобате пролетел со свистом, и мало того, что я ни разу не сел за руль своего грузовика, так еще и пострелять не дали толком. В отместку, когда мне заказали агитационный плакат во всю стену бокса, я там забацал шикарного русского солдата с физиономией Кеннета Маклелланда, вероятного нашего противника – чтоб он был здоров, натовская гадина. Солдат понравился начальству, но лично мне чего-то в рисунке не хватало, и перед самым дембелем я украдкой набил на могучем кулаке воина синенькую татушку «FUCK YOU». Вспомнил, как было однажды в школе: Кен парень незлобивый, даже слишком, но разок его достали, и он эту надпись изобразил гелевой ручкой. На перемене сунул оппоненту под нос левый кулак, и пока тот читал, дал ему с правой в челюсть... Я сфотографировал рисунок на память – и уволился, очень довольный собой.

Кен в это время с мамой-папой отбыл на историческую родину. Завод вышел на проектную мощность, Маклелланд-старший собрался домой и подумал, что неплохо бы сыну вспомнить Америку, откуда Кена еще ребенком выдернули, а заодно и высшее образование

какое-нибудь освоить. Пока он тут не обрусел вконец и не поставил скамейку на берегу реки, чтобы вместе с одноклассниками ждать, когда враги России приплывут.

И, значит, возвращаюсь я из армии – и кого вижу? Правильно, Кеннета Маклелланда собственной персоной.

– Я там не смог, – говорит. – Вроде комфортная страна, а людей – в упор не видно. Добрый народ, но какой-то неживой. Они все будто пластмассовые. Гладкие, ухоженные и ни грамма пассионарности. Ничего похожего на книжки наших классиков. Пиндос на пиндосе.

– Погоди-погоди, а в университете?.. Там же особенная публика должна быть, креативная, заводная, как раз для тебя.

– Креативная, ага... Они все в тренде, понимаешь? Они красивые и веселые, загляденье просто, только у них уже мозги заточены под узкие задачи. А если кто-то смахивает на гения и фонтанирует нестандартными идеями... Пригляделся я к ним. Самые обычные раздолбай и болтуны. В России такой непризнанный талант валяется в каждой луже.

– На правом берегу, – уточняю я.

– Чего?..

– На правом, – говорю, – берегу реки спят по лужам наши Гейтсы и Джобсы. Потому что на левом все непризнанные таланты крутят гайки. Собирают цитрусы. На конвейере. Напомнить, кто выдумал конвейер? И кто выдумал цитрусы, если уж на то пошло?..

– Конвейер – это когда было! А цитрусы как раз на сто процентов в тренде... Нет, может, я и ошибаюсь, но такое впечатление, будто весь американский креатив ушел давным-давно на программу «Аполло» и мы тогда надорвались. Ведь умели залезть в болото, отгрохать там космодром и ломануться из болота прямо на Луну! А потом народ сказал: хватит выпендриваться. И мы спеклись...

Ничего себе, думаю, обрусел парень. У нас каждый второй, как поддаст, такие же монологи задвигает про «Россию, которую мы потеряли». Где Курчатовы, где Королевы и Калашниковы, в какую канаву упали все Гагарины, что вообще за бардак? Когда уже русские оторвут задницу от лавки, возьмутся обеими руками за ум, изобретут спутник, водку, соцреализм и супрематизм? Где наши балалайки, медведи и самовары, в конце концов?!

А Кен знай пиво хлещет и проповедует:

– Раньше Америка каждый год придумывала штуки, которые казались невероятными, хотя на самом деле очевидны. Нужна была только смелость не оглядываться на тренд. Пока русские сидели в танках на берегу реки и ждали, когда мимо поплывут трупы натовцев, мы внедрили кучу полезной фигни, без которой сейчас жизнь невысказима, – типа язычка на банке с пивом, скотча, карточки «Дайнерс Клуб» или Интернета. Любой дурак в Европе мог это выдумать! Оно же само напрашивалось! Просто вся эта фигня на момент изобретения выглядела непривычно. Но мы не боялись ломать старые тренды и задавать новые. А теперь мы опиндосились и боимся. Будь как все, сделай лицо попроще, верь в светлое будущее, которое обещала партия. Чистый Советский Союз, как по учебнику, прямо страшно. Выродилась нация, что ли. Одни чурки суетятся, лимита драная...

– Совсем ничего хорошего, что ли? – спрашиваю.

– Только потрахаться, это без проблем. Но ведь с ними после совершенно не о чем поговорить! Нет, я лучше тут буду. Тут хотя бы похоже на книжки ваших классиков. Хотя бы понимаешь, что нельзя расслабляться, потому что в любую секунду все может накрыться медным тазом. Это мотивирует, не правда ли?

– Знаешь, Маклелланд, – говорю, – по-моему, Россия тебя испортила. Ты слишком долго сидел вместе с нами на берегу реки. Завел бы хоть врагов для начала.

Кен подумал и отвечает:

– Враги сами приплывут. Зато поблизости уже построили завод!

И ждет, чего я на это скажу, хитрая нерусская морда.

А меня вдруг тоска берет. Это чтобы на заборах рисовать, ничего особенного не надо, а с моими запросами – прямая дорога на завод. У нас все, что связано с автомобилями, крутится вокруг него. Там я найду полезные контакты, да еще и заработаю в поте лица своего начальный капитал. Там Михалыч, друг сердечный, прямо с конвейера идет в мастерские гоночной команды и успел уже всем растрепать, как я здорово рисую. В автоспорте художник – человек важнейший, без него команда просто небоеспособна: ну сами подумайте, вдруг ехать надо, а у нас не нарисовано ни фига – ни кто едет, ни за чьи деньги едет...

В конце концов, Михалычу на заводе скучно без меня. И Кену будет скучно без меня.

И я люблю автомобили, черт возьми, и вовсе не против делать их своими руками, а маленький был – так просто мечтал. У нас это в порядке вещей, мы ведь «левые». Все нормальные парни из гаражей с Левобережья хоть недолго, но постояли на конвейере. Это как в армию сходить – знак левобережного качества. Правда, сейчас заводские ругают пиндосов еще больше, чем раньше, но я-то знаю американцев как облупленных. И нездоровая обстановка на заводе меня не пугает. Я отвечу на нее здоровым цинизмом. Нам с Кеном главное – держаться рядом, побыстрее освоиться на конвейере и прибиться к Михалычу. На Кена не разинет варежку ни один пиндос, на меня – ни один русский. Потом еще Джейн придет, и сложится у нас мафия всем на зависть.

Только вот... Была в этом некая обреченность. Покорность судьбе. Все вокруг хотели на завод, ну прямо каждый, а мы с Кеном эту детскую мечту уже переросли. Может, научились глядеть дальше и видеть больше. Но внезапно и для нас пропел гудок заводской, как говорится...

– Ладно, – сказал я, – пойдем, склепаем для себя пару цитрусов.

В общем, мы еще немного выпили и двинули на завод.

* * *

Есть фотография, на которой мы рядом все четверо – одноклассники, выпускники, празднично одетые и очевидно счастливые. Кен: стройный, широкоплечий, лицо не по-русски прямоугольное, но очень привлекательное – харизма, что тут скажешь, – пронзительно-голубые глаза, непокорные вихры цвета темного меда. Михалыч: громадина эдакая, типичный фольклорный богатырь, красавец, пепельный блондин, словно с картины Зверева, он даже стоит как-то осторожно, чтобы ничего не сломать, и при этом неуловимо похож на большую мягкую игрушку – видно, что добрый человек. Джейн: чуть вздернутый носик, четко очерченные скулы, уверенный ярко-зеленый взгляд, неповторимый, единственный в своем роде, которым она прямо-таки режет пространство; роскошные кудри цвета пива «Гиннесс» и лучшие ноги левого берега, а может, и правого заодно. И чуть-чуть ближе к Джейн, чем прилично для просто друзей, – я. Самый, пожалуй, неказистый из четверки и смотрю в объектив немного смущенно: не люблю фотографироваться, не люблю себя на фотографиях. Темно-коричневые волосы, черты лица слишком четкие и правильные, чтобы быть интересными, – разве что серые глаза хороши. Внимательные глаза.

Я вижу ими такое, чего не замечают другие.

Если бы я еще научился понимать, чего вижу, – цены бы мне не было. Но понимаю я, извините, всегда задним умом и как-то невпопад.

Привык утешаться мыслью, что у меня другие задачи – схватывать образы, ловить оттенки цвета, останавливать мгновения.

Думать быстро, оценивать на раз-два, анализировать с ходу, знать суть событий – это к Кену и Джейн.

А просто получать от жизни ничем не замутненное удовольствие – это к Михалычу...

По тому, как наша четверка выстроилась на фото, сплоченной командой, может показаться, что мы знакомы с пеленок, но это не так.

Даже по фотографии заметно, что Михалыч тут был всегда и здесь останется: столп местного общества, гордость или позор Левобережья, в зависимости от настроения, а по пятницам ближе к ночи – и великая гордость, и несмыываемый позор сразу.

С Кеном и Джейн понятно: заезжие ребята. Адаптировались, вписались, обрусели, но вряд ли надолго задержатся тут. Граждане мира, для них все дороги открыты.

А по мне ничего не поймешь, ведь я вообще реэмигрант, если можно так выразиться. Успел здесь появиться на свет, но уже через год меня увезли в Москву. Для моих родителей в городе просто не хватало работы. Кто знает, когда бы я оказался тут вновь, не будь у отца контактов с московским филиалом компании и не обрати на него внимание Дональд Маклелланд. В один прекрасный день папа пришел весь сияющий, будто ему орден дали, и сказал маме: «Ну вот, наконец-то мы пригодимся дома!» Мама вовсе не бросилась ему на шею, как вы могли подумать. Но потом они пошушукались, что-то прикинули на пальцах, сосчитали на калькуляторе... «Он все равно учился бы в этой школе, – донесся с кухни голос отца. – Считай, это судьба». А мама очень едко ответила, что вырасти гопником с левого берега никакая не судьба, а проклятье, и еще добавила пару эпитетов, которые я не рискну повторить в свете известного закона об оскорблении всякой твари чем попало.

Что за профессия «гопник с левого берега», я не знал, но сразу понял: это нечто крайне увлекательное, раз до такой степени не нравится маме.

В пятый класс я пошел на том самом левом берегу реки, только гопника из меня не получилось. Манеры, конечно, испортились заметно: этот город учил отвечать на грубость веселой грубостью, а на наглость – утонченным хамством, иначе будешь вечно бит. Но все-таки трудно стать неприкайным хулиганом, когда за партой справа от тебя сидит двинутый на автомобилях силач Миша, слева – двинутая на автомобилях красотка Джейн, а сзади – интеллектурал Кен, чисто для разнообразия не двинутый на автомобилях сегодня, потому что был двинут вчера.

Джейн уже тогда знала, чем будет заниматься через десять лет, и очень забавно об этом рассказывала на своем еще ломаном русском. Михалыч уже глядел на нее влюбленными глазами – и тоже знал, чем будет заниматься. И я про свое будущее кое-что знал. Один только Кен, для разнообразия, не знал, то есть вчера знал, а сегодня передумал.

А на окраине города заколачивали со смачным грохотом сваи – кто бы мог подумать, что это гвозди забивают в наши судьбы.

Кто мог подумать, что прекрасные светлые цеха, куда нас с гордостью будут водить за руку отцы, станут для их детей форменной топкой. Печью, где дети спекутся в шлак.

И дети сами, по доброй воле, нырнут в эту геенну огненную, полные светлых надежд и радостных предчувствий.

И очень долго, поразительно долго, им будет там очень хорошо, лучше некуда...

Когда мы пришли на завод, нам казалось, что у нас нет иллюзий. Мы были заранее хорошо информированы. Готовы столкнуться с любыми пиндосскими штучками. Знали, как себя вести. Легко вписались в обстановку, ничему не удивлялись, на все смотрели с юмором.

Пока не выяснилось, что если в Америке ты работаешь на заводе, то в России завод работает на тебе. И ты напрасно учил правила игры, надеясь всех перехитрить и сохранить чистую совесть, «отвечая на идиотизм здоровым цинизмом». Правила изменят, потом изменят еще и еще раз, пока ты не споткнешься.

А сама игра будет прежней – игрой на выбывание.

Должен был остаться только один.

* * *

По Станиславскому, если на сцене в первом акте висит ружье, в третьем оно обязано выстрелить. По жизни, к третьему акту ружье либо сломают, либо потеряют. Версия для Правобережья: украдут и продадут. Версия для Левобережья: отпилят ствол и воткнут под задний бампер. Посмотрят, решат, что получилось некрасиво, оторвут и выбросят.

Но то по жизни, где бывают варианты: один на кресте помер, другой тоже помер, а третий потом воскрес и по сей день баламутит народ. На производстве вариантов нет: либо ты в игре, либо тебя не взяли. На завод приходишь, как актер в театр, и роль твоя по пьесе известна, и реквизитор уже повесил ружье. И хоть ты бездарь, хоть ты гений, ружью это параллельно: оно висит над тобой, напоминая о бренности всего земного, – и под конец спектакля непременно стрельнет. Гении на ружье не оглядываются. Бездари не сводят с него глаз. Вот и вся разница.

Ружьем у нас выступал отдел кадров, он же «отдел русского стаффа». Кадры решали все: они проверяли кандидата на входе в компанию, и от них же зависело, когда сотрудника попросят на выход. Нам, понятно, вдалбливали, что хороший парень всегда на хорошем счету и ему волноваться не о чем: соблюдай Кодекс, не нарушай, не жалуйся, не ругай... Но публика давно заметила: фиг там. Известные болтуны и признанные хулиганы могут отделаться штрафами – если болтовня умеренно обидна для пиндосов, а дурацкие выходки случаются подальше от конвейера. А незаметного трудягу вдруг уволят очень вежливо без объяснения причин, и он не поймет, за что, и никто не поймет. А другой сам уволится, выразительно молча, и только в ответ на прямой вопрос кивнет (просто кивнет, без лишнего слова): да, вызывали к кадровику и посоветовали уйти по-хорошему. И тоже не поймешь, в чем его вина.

Логика кадров не поддавалась логике. Поэтому русский штафф побаивался их – как боятся неведомого. Работали в кадрах серенькие незаметные клерки, все на одно скучное лицо, и оставалось оно небитым именно из-за страха. Михалыч говорил, что, как увидит менеджера по персоналу, сразу чешется рука отрихтовать менеджеру персоналию – но боязно. А уж если Михалычу боязно...

Удивительным образом шеф этого страшного отдела, тучный веселый дядька, был среди русского стаффа популярен и даже, не побоюсь сильного выражения, любим. Манеру общения предпочитал грубовато-ласковую, хотя мог и морозу нагнать. Считали его чуть ли не защитником угнетенного рабочего класса от пиндосских капиталистических сволочей. Кстати, имелись к тому предпосылки, о чем при случае расскажу.

Так или иначе завод был новый, штафф молодой, никто тут еще не успел доработать до пенсии, а пессимисты говорили: никто и не доработает. Всех раньше выгонят. Мы же для пиндосов – туземцы, расходный материал. Им на родине запрещают негров чморить, вот они и отыгрываются на русских... Оптимисты из числа пессимистов уверяли, что выгонят и пиндосов, даже мистера Джозефа Пападакиса. Пиндосы, они такие – никого не жалеют.

Кен считал, что это все нарочно. На его взгляд, «отдел русского стаффа» был шикарным профессиональным театром посреди унылого любительского балагана.

– То есть, может, и не нарочно. Но я бы именно так все устроил, чтобы держать местных под контролем. Вспомни, мы это в школе проходили: ужасный НКВД и добрый товарищ Сталин... И гонят работников, готов поспорить, действительно бессистемно. Пальцем ткнут не глядя – и гонят. Чтобы страшно было!

– А ты отца спроси, – предложил я. – Он должен знать. Ведь кадровик со своей командой здесь с самого начала.

– А ты кадровика спроси, – парировал Кен. – Он ведь нас еще во-от таких маленьких запомнил, когда мы по стройке лазали...

Ну, допустим, не такие уж мы были маленькие. Потому что Михалыч тогда упер со стройки двадцатикилограммовый блин-противовес от подъемного крана. Не угадаете зачем. Просто чтобы знали пиндосы: этот народ не победить. Хотя лично я сомневаюсь, что пиндосы уловили наш месседж.

Запись камеры слежения – юный грабитель бежит с дурацким блином по территории – стала хитом местного телевидения. Как символ нашей бессмысленной удали и, только не смейтесь, того, что «этот народ не победить». Отец мой тогда сказал: была в его детстве передача «Социализм глазами зарубежных гостей». А сейчас мы наблюдаем следующий этап взросления Родины в общемировой контекст: «Идиотизм глазами зарубежных гостей».

А мама спросила: надеюсь, ты не знаешь этого мальчика?..

Хорошо, там лица не видно, а то Михалыч скромный очень.

Он-то с блином – убежал...

Но вот шутки шутками, а действительно не у кого узнать, почему все так странно и непонятно. Маклелланд-старший отмолчится хотя бы в воспитательных целях, он любит подбрасывать младшему задачки, и пускай тот сам барахтается: глядишь, все-таки менеджером вырастет. А к кадровику приставать, чего он тут развел драму и комедию, совсем нелепо. Ему на глаза лишний раз лучше не попадаться. Не дай бог припомнит, как мы блин воровали, и как все тогда ржали над нами, и Дон Маклелланд, утирая слезы, приказал: в порядке исключения – забыть этот случай, а то парней из школы выгонят. А кадровик в порядке исключения – вспомнит и подумает, что таких балбесов надо увольнять с завода, пока они не устроили из театра цирк. А то вдруг мы унитазаы или табуретки потащим через забор, чтобы доказать пиндосам непобедимость русского народа.

Приняли-то нас в театр без вопросов.

Но дамклово ружье висело на сцене, и мы не были такими уж вовсе гениальными актерами, чтобы не оглядываться на него хоть изредка.

А оно держало на мушке каждый наш выход.

* * *

Правильный театр начинается с вешалки, а правильный завод – с учебного центра. И вот это оказалось действительно сильное шоу, которое я по сей день вспоминаю с теплотой. Небольшой цех, а в нем – действующая модель автозавода, где все правильно, все друг друга уважают и все заодно. Прямо-таки идеальное производство, и неважно, что автомобильное, могли хоть утюги собирать, главное, атмосфера человеческая.

А ведь ничего особенного не делали: просто работали. Может, это и было особенное: просто работали, не отвлекаясь на ерунду – «совещания по эффективности», конкурсы на самый высокий тим-спирит, внезапные проверки знания Кодекса, семинары по улучшению всего и тренинги по закладыванию ближнего своего... Но остальное-то копировало завод в точности и ни капельки не напрягало. Нас с первого дня приучали к чисто техническим атрибутам заводского образа жизни: входные рамки, камеры слежения, запрет на гаджеты и так далее. Вплоть до того, что иногда поблизости возникал настоящий пиндос – то технолог, то «культурист». Пожимал руку преподавателю, вставал у поста, делал умно-снисходительное лицо и молча наблюдал, как мы роняем гайки и опасно машем инструментом. Чтобы мы привыкли и в дальнейшем не отвлекались: глядит и глядит, у него должность такая, а ты крути болты эффективненько и гордись собой.

Помню, однажды пришел менеджер с улыбкой во всю нерусскую морду, чем-то неуловимо похожий на Кена, хотя помельче во всех смыслах – и харизма слабовата, и в плечах

узковат. Почти настоящий американец, просто то ли порченный, то ли кишка у него тонка. Но позитивный не для галочки, живой парень, это видно. Стоит, наблюдает, как мы ковыряемся, а потом говорит человеческим голосом:

– Привыкайте, ребята, привыкайте. Скоро на вас иностранные делегации будут смотреть.

И ведь не соврал, пиндосина.

Я потом спросил учителя: кто такой красивый осчастливил нас своим вниманием? А тот ухмыльнулся как-то странно: большая шишка на ровном месте, целый помощник директора по культуре производства. Хороший парень, хороший, уважает рабочих, хе-хе... И Кен тоже хмыкнул. Будто чего-то знает. Я его толкаю, а Кен мне шепотом: понимаешь, этот Рой, он не всегда такой был, а считался на заводе самой зловредной пиндосиной, от него свои по углам прятались. И научили его любить туземный пролетариат в директивном порядке. Но это очень личное, не спрашивай, не могу ответить. Говорят, он до сих пор таблетки жрет, вот и добренький такой.

Бог знает, как его научили, он ведь начальник, это диагноз, который не лечится. Хотя Дон Маклелланд, если верить заводским легендам, исцелял нерусский штафф от вредных привычек и дурных манер одним ласковым взглядом, под которым пиндосы становились как шелковые и проникались любовью к пролетариату... А нас, кандидатов в сборщики, форменным образом натаскивали на уважение к себе и к заводу. Как приучали выполнять операции, так же приучали к высокой самооценке. И чем легче шла работа, тем легче мы верили в себя и компанию. Ты хороший, напарник у тебя хороший, с мастером вам повезло вообще, менеджера прислали из самой Америки самого компетентного, а машины мы делаем, ну скажем скромно, без пафоса – лучше всех. Охрана бдит, обед готовится, полы блестят, унитаза сверкают, зарплата самая высокая в регионе, ну чистый коммунизм. Ура, товарищи.

Черт побери, ведь так и было.

Кстати, интересный момент, только сейчас я сообразил: ведь в «учебке» никто не нарушал технологию, не ругал пиндосов и уж точно не жаловался на жизнь.

Много позже в курилке один из мастеров обмолвился про удивительную атмосферу «учебки»: вот так оно было при Дональде на всем заводе... И осекся. Но народ понял намек. «Учебка» сохранилась в том же виде, как при Доне Маклелланде. Задачи ее не изменились, команду не перетряхивали, вот она и не испортилась. Даже стала лучше: отсева кандидатов снижался год от года. Так насобачились мотивировать русского человека, что из последнего раздолбая могли сделать приличного сборщика. Точнее, раздолбай сам из кожи вон лез, чтобы соответствовать корпоративному стандарту.

Об учебном центре мы с Кеном знали мало, а о порядках там – и того меньше. Михалыч просто не сумел объяснить, каково это – когда тебя берут в оборот и начинают плотно тобой заниматься. А Джейн, со свойственным ей инженерным взглядом на все хорошее, рекомендовала нам из своего институтского далека только ежедневную гигиеническую процедуру: ощупывать уши и снимать с них лапшу.

Я лапшу-то стряхивал, но все равно было здорово. Особенно после армии, где любого по умолчанию держат за бестолковое дитя, от которого только и жди, что оно случайно застрелится и тогда всех накажут. Офицеры в этом смысле сами были чистые дети: ничего они так не боялись, как взбучки от старших начальников. Понятное дело: вот выгонят тебя, тридцатилетнего капитана, из армии – и куда идти? Считай, жизнь заново начинать, с чистого листа переписывать...

А с завода вылетишь – не трагедия.

Это я так думал, пока всерьез не прикипел к работе сборщика, которая, считается, для тупых.

Оказалось, настоящие тупые долго не выдерживают: дуреют окончательно и теряют способность выполнять даже простейшие операции. Вдруг у них все из рук валится. И тогда они уходят, непременно сказав на прощанье, что конвейер – только для тупых и вообще настоящему мужику на заводе делать нечего.

Оказалось, целый набор волевых качеств нужен для рабочей профессии.

Чтобы мы ее оценили по достоинству, нас обрабатывали с первого дня.

В учебном цеху нас встретили, как взрослых ответственных людей, которые нацелились на взрослое ответственное дело. Сразу объяснили, что далеко не каждому это дело по плечу. Да, есть разные операции, и в процессе учебы выяснится, кому какие даются лучше. Но есть и общие требования ко всем кандидатам. Они нешуточные. Это выдержка и собранность, четкость и ловкость, а еще постоянная готовность к нештатной ситуации. И вот таким крутым придется быть не для понта, под настроение, а час за часом, до посинения. Случалось водить машину на большие дистанции? Ну, тогда вы примерно знаете, что от вас надо. Верная рука – друг индейца. Чингачгук – большой змей. А кто отсеется, пусть не расстраивается: просто у него психика тонкая и легко истощаемая – может, он в душе художник.

Знали бы они, какие стальные нервы и верные руки требуются художнику... Ну, я не решился выступить на этот счет и очень правильно смолчал. Нас там поначалу специально провоцировали, чтобы сбить лишнюю спесь. Только ляпни: мол, крутить болты может любой дурак. Через минуту ты на собственном примере убедишься, что любой дурак может крутить далеко не любые болты и все равно получается у него плохо. А тебе-то надо крутить всякие, и крутить только на десять баллов с плюсом.

Но провокации провокациями, а в глазах учителей я видел спокойную уверенность и надежду, что из меня-то уж точно выйдет толк. Как они умели так смотреть на каждого новобранца – поражаюсь до сих пор.

И все здесь было настоящее. Не было макетов гранат и холостых патронов, если вы понимаете, о чем я. Реальные сборочные посты, кусок реального конвейера, реальные детали машин – и когда наша учебная смена собрала от начала до конца первый свой цитрус, он тоже был настоящим!

Нас тогда всех накрыло какое-то непередаваемое счастье. Мы сделали машину! Учителя нам хлопали, и смена в ответ взорвалась аплодисментами, приветствуя собственный трудовой подвиг. Цитрус мы немедленно развинтили в клочья, а потом опять свинтили, и остались только те лишние детали, которые нам нарочно подбросили. Мы уже до того осмелели, что не испугались, а поспорили с учителями из-за них. После чего вместе, едва не в обнимку, направились в пивную и так же ответственно, по-взрослому, как собирали машину, – наклюкались. Без шума и пыли.

А потом уселись на берегу реки, и Михалыч посмеивался, слушая, как мы с Кеном кричим в телефоны, один по-русски, другой по-американски, одинаковые слова: папа, я собрал машину! Настоящую машину!

Помню точно: это был белый хэтчбек-пятидверка в базовой комплектации.

Михалыч хотел позвонить Джейн, рассказать, какие мы смешные, но сообразил, что девушка замужем, а время позднее, и застеснялся.

Тут Джейн сама нарисовалась в эфире и говорит: ну сколько можно ждать победных реляций, уже вся смена ваша отметилась в интернетах, хвалясь крутизной, – а вы небось, три обалдуя, квасите на берегу реки? И как ощущения? Матрица сцапала тебя, Нео? Жизнь прекрасна и удивительна?

– Это в Америке Матрица имеет тебя. А в России ты имеешь Матрицу! – сообщил я, надуваясь от гордости.

– Дурак ты, – сказала Джейн. – погоди, она тебя так отымеет, что глаза на лоб полезут... Кен не слышит?.. Вот увидишь, когда вам будет по-настоящему трудно, Кен отойдет в

сторону. Найдет выход, прыгнет с крючка. Он такой, у него все получается легко. А вы-то, Мишки, мишки вы мои плюшевые, совсем другие. Вы из тех, кто стоит до конца. До нарботки на отказ. Это неправильно. Я не хочу... Не хочу, чтобы вы ушли с завода сломанными.

– Ой, да ну тебя... Ну что ты, честное слово...

По-моему, она была бухая. Куда более, чем мы.

– Не надо вам было идти на завод вообще, – сказала Джейн. – В принципе не надо было. Ну ладно, это уже бесполезно... Короче, ты когда встанешь на конвейер, пройдешь его весь, поймешь его – не задерживайся. Ни одного лишнего дня не оставайся там. Либо бросай завод, пока он тебя не выбросил, либо делай как я. Слышишь меня?

– Слышу...

– Ты подпишешь Кодекс – и все станет очень серьезным, Миша, поверь. Шаг вправо, шаг влево... Очень жесткие рамки. Очень жесткая игра. И я тебе прямо скажу, игра нечестная. В нее надо лезть, только чтобы выиграть. Чтобы подняться и всех нагнуть. Иначе нет смысла терпеть все это дерьмо... Кен его даже не понюхает, потому что сам знаешь, кто такой Маклелланд, – а ты нахлебаешься.

– Да вон Михалыч вроде не жалуется...

– Михалыч счастливый, у него в голове опилки. А Кену вместе с гайковертом дадут бочку варенья, ящик печенья и розовые очки! И проследят, чтобы очки не снимал. У него все будет хорошо, и он не увидит, как другим плохо, а главное, почему им плохо. Будет работать в системе, только не поймет ее, не узнает, как она устроена на самом деле. Ему не позволят. Да он и не захочет...

К этому откровению я был морально готов и перетерпел его молча. Я знал своего приятеля совсем другим и уж точно не наивным парнишкой. На такого розовые очки не нацепишь. Просто у нашей красавицы с Кеном высокие отношения. Я их называю «гордость и предубеждение», а Михалыч, который говорит редко, но говорит едко, – «принцессы тоже какают». Всем, ну буквально всем нравился Кен, и даже, по слухам, дрались из-за него девчонки, а Джейн – сохраняла дистанцию. В детстве они нормально дружили, не по-соседски, а вполне по-человечески. Но когда подросли, началось странное: Джейн стала открыто язвить в его адрес, то добродушно, а то и довольно злобно. Кен стоически терпел или отшучивался. Я старался не думать, чего там у них было и почему ей не понравилось. У Кена с кем только не было.

– А ты... – продолжала она. – Тебе в системе не понравится. Ты всю дрянь увидишь сразу. Ты ведь каждую мелочь замечаешь и запоминаешь. Только сделать ничего не сможешь. Кена всегда отец прикроет. А за тебя не вступится никто. Ты будешь один против системы. Понял?

– Ага... – промямлил я.

– Молодец. Ну, счастливо. И не кидайте бутылки в реку!

Я еще услышал, как Джейн, отключаясь, буркнула себе под нос: «Ничего он не понял...»

Это верно. Ничего я тогда не понял.

* * *

Кен отпахал на сборке год, заработал кучу штрафов за манеру утираться рукавом на глазах у начальства, честно сдал экзамен на уровень С2 – и пошел вслед за Джейн учиться. Сказал, болты крутить он уже насобачился – «понял конвейер», как это у нас называли, – надо расти. Расти ему была прямая дорога: все помнили, чей папа отгрохал наш завод, а теперь занимает большое кресло в штаб-квартире. Никто, собственно, и не сомневался, что парень на конвейере постоял чисто ради трудовой биографии. Инженеру очень полезно.

Я слегка взгрустнул, конечно, – с Кеном было весело. Зато отдельные школьные друзья прямо-таки расправили плечи. Мы все подросли, только не особо поумнели. И девочки, наши сверстницы и однокашницы, по-прежнему были готовы драться из-за Кена. А он в этом смысле несколько слабоволен – как увидит хорошего человека женского пола, так сразу теряет самообладание и думает, что хорошего человека надо чем-нибудь осчастливить. Собой, например. Пока не встретится человек еще лучше. Такой местный казанова, который всех на полном серьезе любит, просто недолго: люди-то кругом замечательные, аж глаза разбегаются...

Может, именно этого ему не могла простить рациональная и въедливая Джейн: искренности. Думаю, с ее точки зрения Кен остался полным мальчишкой и вел себя нелепо. Детскую манеру увлекаться интересным, а потом быстро остывать нельзя переносить на взрослую жинь. Окажись Кен в любви карьеристом или «спортсменом», был бы у Джейн хоть материал для размышления. А тут и не поймешь, кто из друга вырос, – скорее всего, клинический придурок. Кен никогда не рисовал звездочек на фюзеляже и не имел со своих побед никакой награды заметнее фонаря под глазом. Он каждую влюбленность проживал от и до, а потом глубоко страдал, расставаясь. Страдал, как любил, тоже недолго.

Я-то считал, что это пройдет: ну действительно яркий во всех отношениях человек, непросто такому найти свою половинку.

Наши, в общем, думали так же, да и относились к Кену, повторюсь, хорошо, но многие были рады, когда яркий человек опять свалил из города. Пускай едет в институт: ему там будет чем заняться. Когда я напомнил, что это не первый случай в практике Кена, курилка только посмеялась. Ну какой в Пиндосии может быть институт, одно название. Они там небось действительно учатся. Разумеется, Кену, обрусевшему до глубины души, было там скучно и неудобно. А наш институт – совсем другое дело. Русские студенты – такие студенты, что сдают экзамены, не приходя в сознание.

Сам бывший русский студент, я не стал развенчивать этот миф. Нужна людям волшебная сказка о героях, которые не просыхают, а потом вдруг запускают конвейеры, – ради бога. Завод сам по себе весьма мифологизированная территория: не считая легенд и баек про то, «как все было при Дональде», у нас тут бродит несколько красномордых американцев с таинственной репутацией талантов, загубленных безжалостной штаб-квартирой. Хотя скорее всего талант ни при чем и их просто выгнали в провинцию за хроническое красномордие...

Кен уехал, и остались мы с Михалычем на конвейере вдвоем.

Ко мне тоже подходили и говорили: пиши заявление на учебу. Но какое-то смутное чувство неловкости заставляло меня вежливо отказываться: спасибо, только давайте в следующем году, я пока еще тут побуду, огляжусь как следует...

Кончилось тем, что меня пригласили к завкадрами. Большая честь для работяги. Большую гадость заводу надо сделать, чтобы ее удостоиться.

– Вызывали?

– Ага. Явился, не запылится...

– Являются только архангелы, – говорю. – А я – по вашему приказанию прибыл!

– Ты, юноша, сильно не умничай тут. А то могу неправильно понять. Ты же не хочешь, чтобы тебя неправильно поняли?.. Расскажи-ка лучше, о чем думаешь. Точнее, каким местом думаешь. Кстати, можешь на это место присесть. Вон, бери стул.

Ну, присел. Лицо попроще сделал. И честно докладываю:

– Глубоко признателен заводу за интерес к моей персоне, но, думаю, рано меня посылать в колледж. Я пока еще тут покручусь, огляжусь, освою новые операции...

– Знаю я твои новые операции, – говорит мне кадровик. – Здорово ты их осваиваешь. Голая баба во весь багажник. Ты ведь рисовал?

– Не я, честное слово.

Голая баба сильно отличается от обнаженной женщины. Поэтому в голую бабу въехал автобус. Загляделся – и совокупился, так сказать. В федеральные новости попал. Цитрус, им раздавленный, показывали только сбоку – побоялись, наверное, что раз баба такая аттрактивная, мужики в телевизоры полезут.

Я не умел рисовать голых баб, вот правда.

– Балбес ты, Миша. У тебя сейчас такие шансы, а ты хочешь пропасть в гаражах.

– Почему сразу в гаражах? Может, в паддоке F1.

– Из наших гаражей никто не дорастет до паддока... Слушай, твой отец построил эту коробку, – кадровик обвел руками вокруг, – в пейзаж. Врисовал ее в город. А ты разрисовываешь машинки, которые выезжают из коробки. Тебе не кажется, что это... э-э... мелковато? Может, стоит замахнуться на большее?

– Понятно, – сказал я. – Папа звонил и волновался. Простите его. И извините меня.

Кадровик пожал плечами.

– Твой выбор. Но пока ты на заводе, никогда не поздно написать заявление. Лично я буду рад.

И добавил, глядя в сторону:

– А то ведь тут пиндос на пиндосе...

Я уже выходил из кабинета, когда в спину мне раздалось такое, что я запнулся на пороге:

– Поменьше болтай в курилке. И тезке своему посоветуй. Что угодно там говорите, только не то, что было по правде. И не то, что думаете. И с америкосами своими... поменьше болтайте даже по телефону.

Это я тоже запомнил.

Я все запоминал.

Правда, не мог разгадать намеков – ну и ладно. Зачем сегодня впустую ломать голову, если потом, когда будет поздно, я все сразу пойму. Мне всегда становится ясно, когда уже поздно. Но лучше ведь поздно, чем никогда. А сейчас главное – верить своим ощущениям, верить тому, что вижу. Спасибо, видеть я умею как никто другой. И если интуиция говорит: не дергайся – не дернись. И потом, когда будет поздно, выяснится, что интуиция не подвела.

Джейн говорила: игра нечестная, лезть в нее имеет смысл только ради того, чтобы «всех нагнуть». И я, кажется, разглядел, какие тут подводные камни.

Сначала нагнут тебя. И не факт, что ты потом распрямишься.

Многие сказали бы, что я идиот. Получи диплом за счет фирмы, отработай положенное – и вали на все четыре стороны, хоть в гаражи, зато с дипломом. Не хочешь продвигаться на этой фирме – устройся на другую... Двое из трех на конвейере прозакладывали бы душу за такое внимание к их персоне. Ишь ты – уговаривают его! Нас почему-то никто не зовет в инженеры!

Их не звали, потому что они, на взгляд фирмы, того не стоили. И в определенном смысле им повезло. Но если первое они еще смогли понять – обругали бы пиндосов и смирились с зачислением в лузеры, – то второе не укладывалось в мозгах, засушенных конвейером.

Мои коллеги по цеху были совсем не из тех, кто хочет построить космодром и рвануть на Луну. Попадись им грамотное начальство, эти рукастые перцы могли склепать хоть звездолет на коленке, но реально они выросли в стране, где начальству звездолеты не нужны, а «инициатива снизу» либо неинтересна, либо вовсе наказуема. А на всяких шибко умных и желающих странного есть весьма действенные законы – например, закон об оскорблении кого угодно. Не надо умничать, надо Родину любить. Вот парни и не умничали. Тем более вокруг столько развлечений – нарушай технологию, жалуйся на жизнь, ругай пиндосов...

Им хотелось много зарабатывать и много тратить. Это уже очень неплохо, только вот беда: и зарабатывали, и тратили они – чтобы быть в тренде, как сказал бы умный Кен. Они не покупали новый цитрус, чтобы повисить с помощью машины качество своей жизни. Они и понятия такого не знали. Просто у нормального парня должна быть машина. Поэтому цитрус если и делал их счастливыми, то ненадолго. Они и так-то не умели подолгу быть счастливыми, а тут еще завод регулярно подбрасывал им доводы в пользу того, что счастье – это когда ты показал фак спине пиндоса или заснул прямо на «совещании по эффективности», а тебя не наказали.

Справливости ради они действительно много зарабатывали и могли раз в три года купить новый цитрус за смешную цену. Чем плохо?

Кену, Джейн и мне что-то совсем другое требовалось для счастья, нечто иного порядка. Мы с детства смахивали на ребят, которые думают о постройке космодрома. Поэтому у фирмы был прямой интерес прибрать нас к рукам, хорошо выучить и своевременно обломать. Поставить в общий строй, научить уважать тренды. Пункт «обломать» был главным, это я уже понял. Я читал это в глазах молодых инженеров, бродивших вдоль конвейера.

Не хотелось, чтобы меня обламывали.

* * *

В курилке спросили, конечно:

– Ну, че кадровик?..

– Он голый бабой интересовался, – ответил я. – Сказал, позорю репутацию завода. Нарушаю Кодекс.

– А ты че?

– А я не позорил репутацию завода. И точка.

– А мы думали, ты – учиться...

– Нечему мне учиться, – отрезал я. – Разве что голых баб на машинах рисовать. Этого пока не умею.

Потом вернулась из института Джейн, «молодой специалист». Я уже был сборщиком высшей квалификации и священнодействовал на вединге. Мне все нравилось. Жизнь на данном этапе удалась.

Джейн сказала: ты дурак, лоботряс, типичный русский емея и счастья своего не понимаешь. Ладно там Михалыч, он бы на конкурсе пофигистов стал членом жюри без права голоса, но ты!.. Такой-сякой-талантливый... А я подсматривал за ней и убеждался: все верно сделал, к черту ваши институты, к черту ваш карьерный рост.

От «Женьки», как ее звали у нас в классе, смелой и даже отчаянной девчонки, осталось до обидного мало. Я не застал Женьку сборщицей на конвейере, в комбинезоне и с гайковертом. Это видел только Михалыч, зато он как-то умудрился пронести в цех телефон и украдкой нашу красавицу отщелкал, а потом слал мне фотографии гигабайтами. Не девушка – мечта. Ее хотелось рисовать. Желательно «ню». С гайковертом и на конвейере... А теперь что-то важное пропало. Голую бабу написать получится, обнаженную женщину – нет. Джейн угодила в тренд. Ее уже крепко обмяли, а скоро и обломают. Грешным делом, я постарался убедить себя, что никогда не был в нее по-настоящему влюблен. И довольно легко убедил. Я больше не верил, что она построит культовый автомобиль, и не хотел бы оказаться рядом, когда до нее самой это дойдет.

Время летело, мы выросли, нас дрючили, мы крепчали, и мне уже не все нравилось, и жизнь если не дала трещину, то проявила тенденцию.

Когда вернулся с учебы Кен, мы с Михалычем не заметили в нем вообще никакой перемены. Все тот же раздолбай Маклелланд из клана раздолбаев Маклелландов, которые могут

одной левой построить завод на берегу русской реки – и будут ныть, что им мешают забавлять космодром.

Это должно было обрадовать, но я как-то разучился. Плохой или хороший, Кен принадлежал теперь компании. А я мечтал от нее оторваться – и все никак не мог. Я носил на комбезе чемпионские и ветеранские нашивки, был по-прежнему сборщиком на вединге, но вдобавок – нервным и злым человеком.

Только когда Кен и Джейн вместе приходили к нам с Михалычем на пост и вставляли неподалеку, у меня ненадолго теплело на душе, как в старые добрые времена. Мне хорошо работалось, пока они были рядом. А потом снова накатывало раздражение.

Джейн оказалась права: я застрял тут, и впереди маячила наработка на отказ.

Я спекся. Меня достал Кодекс корпоративной этики, задолбали пиндосы, а в Васю Профсоюзу я ни разу не швырнул гайкой только потому, что постоянно над ним издевался. . . Я больше не мог терпеть без зубовного скрежета бессмысленные «совещания по эффективности». Глядя на свои красивые нашивки, вспоминал, как их «внедряли» и как меня штрафовали за то, что я не хотел цеплять эту глупость на рукав. А плакат-мотиватор, маячивший перед глазами всю смену, хотелось сорвать и растоптать.

Мама почуяла, что с сыном неладно, и едва не каждый день мучила расспросами по скайпу: что я кушал на обед и почему на мне такая мятая рубашка. Парадоксально, но ее в Америке пиндосы не доставали вовсе. Они с отцом работали в небольшом агентстве, которое не могло себе позволить роскошь держать показушников, бюрократов и стукачей. А вот Дон Маклелланд, настойчиво звавший обоих с собой в штаб-квартиру, теперь там совершенно озверел и готовился к очередному броску на строительство завода, хоть к черту на рога, лишь бы от пиндосов подальше. И жаловался моему отцу, что раньше такой фигни не было.

Я тоже озверел – буквально. Чувствовал себя готовым кусаться и рычать по любому поводу. У меня была какая-то совершенно зоологическая личная жизнь, вроде той, что показывают по «Дискавери Ченнел». Более-менее человеком я становился только в гаражах, колдуя над очередным цитрусом. Так и подмывало выкрасить хоть одну машину желтым, но никто не соглашался – это было не в тренде. Обозвать цитрус цитрусом мои клиенты не стеснялись никогда, но прокатиться по городу на желтой тачке значило смертельно обидеть марку. А поиздевался над маркой – выходит, обидел завод, обидел левый берег, обидел весь город. . . Честно говоря, я сам ездил на красном.

Но уже готов был обидеть завод.

Джейн, которая не признавала за Кеном его лучших качеств и сильно недооценивала Михалыча, меня-то понимала насквозь. Как она и обещала, я разглядел всю «систему» до мельчайших подробностей.

Глаза бы не смотрели.

* * *

Почему я не ушел раньше, вопрос резонный. Ну, во-первых, я любил завод. Он сделал меня большим, дал чувство сопричастности к огромному и важному. Теперь в каждом цитрусе была частичка меня. На какую машину ни глянь – есть вероятность, что ее вел я. А не я, так наши. Если очень хочется, можно посмотреть серийный номер и установить это точно. За качество готов ответить. И наши ответят. И сколько бы мы ни иронизировали над турецкими чурками и немецкими турками, они тоже собирали цитрусы, и тоже были наши. Благодаря компании я стал настоящим, а не в переносном смысле «гражданином мира». Мы делали машины на радость людям всей планеты, и машины отлично ездили, и люди радовались. Через Интернет они говорили нам, простым сборщикам, «спасибо», и это было чертовски приятно.

Во-вторых, я влип в профессию. Меня с детства приучили думать, что плохой работы нет, а есть плохие работники. Изучи дело, за которое взялся, освой его как следует – и будешь уважать себя, а награда от благодарного человечества не заставит ждать: тебя все полюбят хоть дворником, хоть мусорщиком. Не надо быть звездой и гением для этого, народ и так решит, что ты гений и звезда.

Собственно, живых примеров хватало: допустим, к Машке Трушкиной, красивой дурочке, бежало, случись чего, все Правобережье, хотя сидела она в тамошней управе скромным референтом. Нашу Мисс Города не любили за длинный язык, любили за длинные ноги, но уважали и ценили как специалиста, который «в теме» по любому вопросу и моментально тебя сориентирует. У нее были компьютерные мозги, она все помнила и всех знала. На месте заводской пиар-службы я бы поостерегся с ней бодаться. Тем более что дурочкой Мария вовсе не прикидывалась.

Я тоже никем не прикидывался: взялся за дело и вскоре стал «новой надеждой», затем одним из лучших, а потом и вовсе признанным чемпионом. И только собрался пожинать лавры да почивать на них – вокруг меня начался театр абсурда по пьесе Толстоевского.

Мне некуда было развиваться как сборщику, я уперся в потолок. Чтобы пробить его и прорасти на следующий этаж, требовалось для начала съесть нашего тим-лидера и занять его место. Соответственно, тим-лидер должен был съесть мастера участка, а мастер – начальника смены, а тому, старому беззубому хрену, оставалось только грызть начальника цеха. Но здесь, увы, технологическая цепочка обрывалась: начальнику цеха некого было подсидеть, в свою очередь, поскольку над ним стоял пиндос. Пиндос на заводе фигура несъедобная по умолчанию, как в обычной жизни полицаи или депутат Государственной Думы. Пиндосы едят пиндосов, а русских это не касается... В общем, начальник смены попал в тиски: попробуй он дернуться, начальник цеха просто зашибал его ответным бюрократическим ударом. Значит, давить надо тех, кто стоит ниже, пока они первые не начали. Идиотское положение: кругом враги и никому деваться некуда. Выход рисовался чисто декадентский – взять, да всем из вредности повеситься, не дождавшись пенсии и тем подтвердив гипотезу пессимистов, что вешаться можно уже сейчас, поскольку до пенсии один хрен никто не доживет.

Или общими усилиями раздавить меня. А я тоже существо загадочное – стою себе на вединге, собираю цитрусы. С американцами дружу. К кадровику ходил без последствий. Отец мой тут еще с Дональдом работал, если кто помнит. Вдруг я тоже из несъедобных? Вдруг я, допустим, такой продвинутый стукач, который и не стучит уже? Или хотя бы обычный папенькин сынок, задержавшийся в развитии?

Ну чисто производственная драма, одна радость, что не «Гамлет», а то убили бы. Три друга-с-перепуга – лидер, мастер и начальник смены – неверно поняли мои мотивы, когда я отказался идти учиться: решили, парень задумал линейную карьеру и сейчас начнется у нас туточки кровавое месиво. Вместо шаткого равновесия сил и холодной войны – промышленный каннибализм.

По Михалычу сразу видно, что у него нет амбиций. Думал, и у меня это на лбу написано. Я на заводе временно, я рисую вообще-то! А они не заметили. Или просто у страха глаза велики.

Потом узнал, как яростно и самозабвенно они бросились стучать все и сразу на виновника торжества. Ой, сильно потом, и слава богу.

Хорошо, тогда на нервной почве тим-лидер сорвался – и без причины облаял даже не меня, а Михалыча. Меня он уже какое-то время старался вообще не замечать. Ну и я при всей бригаде его попросил: либо объясни человеческим языком, в чем дело, либо мы с Михалычем просимся в другую смену, если наши физиономии начали тебя бесить. И чего ты лаешься? Мы будем скучать без вас, ребята, но зачем доводить до истерик?.. Он так и

сел. А бригада-то смотрит и правды ждет. Ну, лидер помялся-помялся и все свои подозрения выложил. И тогда уже я сел. Спасибо, не упал.

Обычно такие номера не проходят: тим-лидер боится, что, если расколется, покажет свою человеческую сущность, особенно когда она с гнильцой, то навсегда потеряет авторитет. Но тут лидер был нашим ровесником, молодым парнем, очень неглупым, и это по его инициативе Дарты Веддеры держались сплоченной командой, где бригадир – не вожак, а первый среди равных. Один за всех, и все такое. Иначе ходили бы, кроме шуток, с битыми мордами и без вкусных чемпионских бонусов.

Мы считались на сборке элитой не элитой, но какими-то особенными – поэтому нас регулярно со всех сторон подкалывали и задирали. Когда в курилке, а когда и в раздевалке. И почему-то никогда – за проходной, где нет камер слежения. Цеплялись когда по-доброму, а когда и с претензиями на драку. Иногда с такими претензиями, что приходилось самых наглых запугивать Михалычем. Была версия, мол, это нас провоцируют по указке сверху – чтобы мы налетели и залетели. Согласно Кодексу корпоративной этики, кто первый ударил, тот и дурак. Ну точно как нас в школе учили закону об оскорблении всех уродов всеми словами: умный не дерется, а пишет бумажку-стучалку, что его обидели. Только это по Кодексу он умный, а по понятиям левого берега – нехороший мальчик. Вот на что нас разводили.

Нелегко стать победителем капиталистического соревнования, еще труднее удержаться, а веддинг чемпионил и чемпионил, как заколдованный. По слухам, такое демотивирующее поведение «веддинг-тим» обсуждали в дирекции у Пападакиса лично. Ну действительно, некрасиво получается. Штаб-квартира требует высоко держать знамя соревнования, а работяги думают: кой толк корячиться, если эти анонимные трудоголики с Темной Стороны Силы забирают все призы? И квартал за кварталом в донесениях сплошной веддинг фигурирует, только смены меняются, елозят по пьедесталу почета вверх-вниз, толкаясь локтями, а теперь наша растопырилась на первом месте, и не спихнешь. А остальной завод не мычит, не телится. С точки зрения штаба, то ли дирекция не справляется с мотивацией туземцев на трудовые подвиги, то ли у русских на веддинге орудуют реальные ситхи, которые одним взглядом заставляют цитрусы жениться. Скорее уж первое, чем второе, не правда ли?

И тут всем такой подарок – одна из распроклятых чемпионских бригад взялась сама себя пожирать. Ну уж фиг вам в белы рученьки, подумали ситхи. Не дождетесь. Работать лучше не пробовали?

Обсудили мы проблему, убедили лидера, что никто его харчить не собирается, и пошли вкалывать дальше. А потом устроили брэйнсторм и дотумкали, как себя поставить, чтобы не приходилось отвечать на дурацкие подколки. Это оказалось совсем не сложно, если голову приложить. Надо было только критически переосмыслить свое место в этом мире. Свою, пардон, историческую миссию в масштабах Отечества, города и завода.

Мы нашли рецепт спасения, когда сообразили, что у нас на шестерых целых шестьдесят шесть классов средней школы и один курс Строгановки. И еще тим-лидер год учился на зоотехника, пока не выгнали: то ли переоценил свою зоофилию, то ли недооценил, сам не понял... В общем, мы, ситхи, образованные – мама, не горюй. И народ докапывается до нас без повода чисто инстинктивно, просто потому, что не любит интеллигенцию.

Но ведь это не по-русски, товарищи. В России всегда интеллигенция прикалывалась над народом, как хотела. Изгалялась, не побоимся такого слова. Мы врубили шесть мозгов на полную катушку – и стали изгаляться.

Сами начали всех травить!

Раньше мы в упор не замечали глупостей и нелепостей, произнесенных кем-нибудь в курилке. Это считалось на заводе как бы хорошим тоном: дураков много, всех не научишь. Балаболит – и черт с ним. Решив, что интеллигенция сама задает тон, мы стали бессо-

вестно цепляться к дурацким высказываниям. Просили уточнить реплику, интересовались, что человек имел в виду, – и начинали с высоты своих шести интеллектов методично доказывать: он глуп, необразован и несет пафосную чушь. Довольно часто мы провоцировали: вбросим тему, в которой шурупим более-менее, – и ждем, когда пафосный идиот вляпается.

Мы надеялись, что от нас просто отстанут. Или навяжут бой стенка на стенку там, где нет камер слежения, – и тем более отстанут. Если бы. Через пару месяцев с нами боялись заговорить. Через полгода нас уважали. Через год – любили.

И вот это «в-третьих», почему я так долго не увольнялся: у нас была неплохая команда. Да и в целом публика на заводе подобралась ничего. Местами грубовата, излишне простовата, глуповато-хитровата, но это отдельные несознательные личности. А в целом, повторим, ничего себе народ. Если бы пиндосы не пиндосили его с утра до ночи, разобщая и озлобляя, стравливая и приучая к плохому в целях лучшей управляемости, – вообще народ что надо.

Нет, звезд он с неба не хватал. И спасибо ему – поэтому звезды на месте, а то бы все по домам растащили.

Мы бы первые и растащили.

* * *

С хорошей командой можно перетерпеть что угодно – перешутить, пересмеяться, перенаплевать, наконец. И даже случись на вединге плохая команда, рядом со мной трудился Михалыч, неисчерпаемый источник здорового пофигизма. Ну и вариант наплакаться в жилетку Кену никто не отменял.

Все было бы терпимо – и тут нам завод надоел.

Помимо нелепой пиндосской бюрократии, что цвела на заводе махровым цветом, он начал раздражать сам по себе. Это трудно объяснить, надо просто у нас побывать, и вы сразу поймете. Современное производство очень плотно скомпоновано – ты стоишь у конвейера, собираешь цитрусы, а в это время другие цитрусы разной степени готовности плывут по своим делам у тебя над головой. Тут движется все, движется повсюду и слишком близко от тебя. Куда ни глянь, едут кузова. Спереди, сзади, сверху, спасибо – не снизу. Кажется, я устал ощущать себя букашкой во чреве стального чудовища.

Ну и психологическое выгорание – это вам не шуточки. На те же симптомы жаловался, например, тим-лидер наших «рукосуев» – бригады выходного контроля, у которой работа – в четырех стенах, тишине и покое внимательно осматривать и нежно гладить руками готовую машину. Это профессия для флегматичных ребят с крепкими нервами и железным чувством ответственности. У них не ездят над головой кузова, они не рискуют схлопотать манипулятором в харю, не носят очков и наушников. А все равно дуреют и бесятся не меньше сборщиков.

Я уж молчу, с какими лицами и какими словами выползала «химзащита» из покрасочной камеры.

Каждому тут было худо в той или иной степени. Не уставал от производства только маленький слесарь Малахов – человеку по плечо, а Михалычу в аккурат под мышку, – из-за которого по всему заводу доски объявлений висели ниже корпоративного стандарта. Это он так еще в незапамятные времена нагнул пиндосов, чему по сей день радовался. Малахов вообще был с ног до головы прямое нарушение. Нехватка роста вовсе не мешала ему лихо орудовать «болгаркой» на обработке фланцев, хотя по всем нормативам – должна была. Рабочий таких пропорций не мог дотянуться до некоторых участков кузова, а Малахов, зараза, дотягивался. То ли его поставили на эту операцию сослепу, то ли он сам пролез, а когда увидели, чего наш веселый гном там творит, оказалось, что его оттуда фиг выгонишь. Конечно, слесарюгу задрипанного можно было и уволить к едрене бабушке без объяснения причин,

чтобы не воображал, будто он двухметровый. Но внезапно за Малахова вступился не просто весь трудовой коллектив, а даже профсоюз, смысл которого заключался лишь в том, чтобы на заводе не было профсоюза.

– Вы офигели старейшего рабочего обижать, – сказал трудовой коллектив. – Это ведь наша живая легенда.

Начальство присмотрелось к живой легенде, вспомнило о том, почему она легенда, и стало с виду такое, будто в детстве наглоталось разных гаек и болтов.

– Даже не думайте, – сказал профсоюз. – Иначе мы ничего не гарантируем. Он любимец всего завода и вообще... Креативный чувак. Если вы понимаете, о чем мы.

Начальство, услышав слово «креативный», окончательно утратило человеческий облик и деревянным шагом удалилось докладывать мистеру Джозефу Пападакису, что русские угрожают бунтом.

Директор был, при всех своих недостатках, мужиком справедливым и незлопамятным. Вряд ли он догадывался о том, сколько раз это его выручало в России и как еще выручит. Он повернулся к монитору, посмотрел на Малахова, вспомнил его, поморщился... И дал команду юротделу, чтобы для креативного чувака сочинили особую расписку. Такую окончательную бумажку, согласно которой Малахов валяет дурака на свой страх и риск и может хоть голову себе отпилить «болгаркой», а завод умывает руки. Юристам не надо было объяснять два раза, как переводить стрелки, и уже назавтра на обработку фланцев приперлись хмурые люди из страховой компании. Но там их поджидали кадровик, психолог, менеджер по технике безопасности, руководство профсоюза в полном составе, а еще летели искры и весело скакал креативный чувак.

Ну, до сих пор скачет.

Достанься мне такой живой характер в сочетании с талантом нагибать тех, чья работа – нагибать всех, я бы тоже не уставал от завода, наверное.

А я устал почти смертельно. Приобщение к большому делу, любовь к профессии, командный дух – это все со временем изнашивается и потеряло надо мной власть. Идеи и привязанности тоже ветшают, знаете ли. Осталось нечто материальное. Оно и держало.

Я здесь много рисовал вообще-то.

В последнюю свою рабочую осень я цеплялся на заводе только за две вещи. Мне по-прежнему очень нравились мои полторы зарплаты, положенные сборщику квалификации СЗ, а с бонусами для чемпионов и ветеранов – еще больше. И словами не опишешь, как нравилось раскрашивать шлемы для нашей гоночной команды. Машинами «Формулы Циррус» я тоже занимался, но это была не творческая работа, а вот окраска шлема у каждого спортсмена индивидуальная, и тут простор для фантазии открывается безграничный. Рисунок на шлеме или просто его цветовое решение – это для гонщика как рыцарский герб. Когда доспехи у всех принудительно одинаковые, к гербу относятся серьезно.

Но помимо шлема, у гонщика есть личный автомобиль. И у друзей гонщика есть автомобили... Короче, то самое, на что я робко надеялся, отправляясь на завод, – получилось. Заказов по художественной росписи машин становилось все больше, и каждый был для меня вызовом, помогал набираться опыта и оттачивать мастерство. Без ложной скромности я здорово набил руку в аэрографии. Там и сям по городу катались цитрусы, расписанные мной то под звездолет, то под цветочную клумбу, то под цитрус без обшивки – когда вся начинка машины видна как на просвет, вплоть до бутылки виски в кармане двери и пулемета в багажнике. Змей, орлов, языки пламени и тому подобный ширпотреб я не рисую принципиально... Оставалось сделать логичный шаг: найти силы отлипнуть от завода и уйти на вольные хлеба.

Рвать с командой было очень больно, но, закинув осторожно удочку на этот счет, я поймал вполне прозрачный намек: гонщики со шлемами все равно ко мне придут. Втихаря, но придут. А Михалыч сказал, у него ностальгия по автоспорту перегорела и ему теперь

фиолетово, в каком гараже сгибать гаечные ключи. И насчет Джейн у него, кажется, перегорело, хотя об этом он вслух не распространялся. Заметил только, что стала Женька нервная. Хотя и красивая.

И в один прекрасный день договорились мы с Михалычем, что после заграничного турне не станем писать заявлений на учебу, а подадим заявления об уходе. Уволимся и откроем свой уютненький гаражик с покрасочной камерой. На хлеб хватит – и никаких пиндосов.

Пиндосы нам страсть как надоели, а опиндошенные русаки и того хуже, и дальше работать в их гадючнице, даже сморкаясь в дорогие галстуки, мы просто не смогли бы.

* * *

Сейчас я понимаю, что именно в те дни атмосфера на заводе, с виду-то безоблачная, разогрелась до температуры, при которой у людей плавится серое вещество – и начинается дурдом. Как это позже мудрено описал Кен, «накопились такие информационные активы, которые, не имея выхода, просто обязаны были долбануть». Грубо говоря, все на тот момент четко определились, кто виноват, но понятия не имели, что делать.

Задолбали нас пиндосы своей простотой.

Как нарочно, к тому времени окончательно устало от завода поколение «ветеранов», наше с Михалычем. Поколение, которое росло бок о бок с детьми «команды Дональда», знало американцев лучше, чем кто другой в городе, понимало их психологию и все еще оставалось с ними на короткой ноге. Естественно, мы и пиндосов хорошо понимали и не любили особенно злой нелюбовью, другим недоступной. В этом и заключался «информационный актив», доводивший до белого каления: ты видишь ситуацию изнутри, разбираешься в ней прекрасно, но никаких рычагов влияния не имеешь. Достучаться нереально: они начальники, значит, мы дураки. Конечно, случись беда, мы могли бы стать посредниками, миротворцами, разводчиками... Объяснить народу, в конце концов, что пиндосы – такие же кретины, как наши начальники, просто импортные, и глупо держать их за исчадия ада... Но до беды надо дожить, а мы не дотерпели. Спеклись раньше. Подали заявления массово, будто сговорившись – несколько десятков человек. Когда начались русские народные забавы, бессмысленные и беспощадные, нас уже не было на заводе.

Завод и город шли к катастрофе, а мы сидели на берегу реки и даже не наломали кольев, чтобы отталкивать трупы от берега.

* * *

Но пока что мы с Михалычем собирали цитрусы. Уныло, без прежнего огонька – дотянуть бы до зимы. И Кен ходил потухший, а всего-то чуть больше года в инженерах отгулял. И Джейн какая-то нервная.

Давно прошла эйфория первых лет, когда мы считали пиндосов за необходимое и терпимое зло, когда говорили себе, что они – рабы штаб-квартиры и это их жалеть надо, а нам-то, простым сборщикам, все трын-трава. Если менеджерам приказали заниматься идиотизмом на производстве, остается только им сочувствовать, а самим – не рыпаться и не подставляться. Едва ли не с умилением заводчане наблюдали в пиндосах черты постепенного обрусения и ждали, что вот-вот они станут похожи на обычных американцев, к которым мы привыкли с детства...

У нас вообще было много детских иллюзий. Понятия «русский», «американец», «производство» и «начальник» мы рассматривали по отдельности, не догадываясь, какую невкусную кашу на машинном масле завод сварит из этого пшена. Тем труднее нам пришлось: мы

с американцами учились в одной школе, «тупого пиндоса» считали фигурой из анекдота и наивно полагали, что раз мы все такие клевые ребята и у нас такая дружба народов, это нормально. Да мы вместе горы свернем.

Ну и приперлись, значит, строить космодром, детишки.

Думали, сначала будет все как в гаражах: понаделаем автомобилей – и давай на них кататься. А потом станет по-взрослому: насобачимся крутить гайки – начнем инженерить и дизайнить. Научимся делать это хорошо – начнем строить заводы. Как наши отцы. У них ведь получилось.

Мы просто не понимали, что такое производство и как оно плющит человека вместе с его национальным менталитетом и местным колоритом, будь он хоть русский, хоть нерусский. Как пиндосит не по-детски. Загоняет в тренд кувалдой.

Не получилось на заводе дружбы народов.

Единственным нашим другом среди пиндосов был Железный Джон, даром что железный. Остальные вызывали желание, мягко говоря, вколотить немного разума. Глядя на них, я вспоминал своего армейского лейтенанта, сдуру уверенного, что его должны уважать за звездочки на погонах. Думали, он поумнеет, если случайно упадет в мазут. Не тут-то было. Он потом еще в краску упал, и опять никакого эффекта.

Когда заводом рулил отец Кена, здесь была почти демократия – ровно настолько, насколько демократия полезна на производстве. Увы, мы знали те благословенные времена только по рассказам старших. На нашу долю не хватило.

Администрация Пападакиса боялась собственной тени, жила по принципу «как бы чего не вышло» и тратила огромные силы на пустую бюрократическую возню – совещания, оповещения, доведения под роспись, месячники по улучшению и повышению, декады контроля и кварталы борьбы. Сплошная показуха, зато пиндосы всегда имели, что доложить в штаб-квартиру. Мы бы, конечно, на все это чихали, если бы оно не доставало каждого. А ты что сделал для борьбы? А почему молчишь на совещаниях? А где ты еще не расписался?.. Дирекция пинала среднее звено, среднее звено пинало русский менеджмент, а русский менеджмент, который обычно в таких ситуациях пинает балду – он ведь не самоубийца, – до того опиндосел и потерял всякий нюх, что с утра до ночи пинал рабочих.

Это у дирекции была забота номер два после отчетов перед штаб-квартирой – расколоть русский штафф и держать в расколоте состоянии. Менеджменту дали понять, что у него нет национальности. То есть он сам выбирает: пиндосы могут его возвысить до себя или опустить до уровня туземца. Возвышение предполагало вкусные бонусы и общение как бы на равных. Терять бонусы и терпеть плевки в душу никто не хотел (точнее, в менеджеры брали тех, кто не захочет). Поэтому если тим-лидеры были в большинстве своем нормальные ребята, то уже мастера участков смотрели на рабочих строго как на потенциальный источник неприятностей.

А еще они, твари, все стучали друг на друга и на нас. Мелко и противно ябедничали.

Слегка оживляли пейзаж немногочисленные американские лузеры, отправленные прозябать в Россию, скорее всего за алкоголизм. Им было уже до такой степени все до фонаря, что они бродили по заводу с опухшими мордами и ругали пиндосов. Иногда они трезвели и с каким-то мазохистским наслаждением включались в борьбу за эффективность. Или креативность, хрен редьки не слаще.

На словах у нас каждый боролся за эту муть. Еженедельно работяг собирали на «совещание по эффективности» и доставали расспросами, требуя умных предложений и далекоидущих выводов. А уж молодым линейным инженерам вроде Кена и Джейн эффективность вообще снилась. Приезжала на ночной кобыле, если вы понимаете, о чем я.

К несчастью, все это была громадная, в масштабах целой компании, психодрама: начальники делают вид, будто им интересно наше мнение, а мы делаем вид, что думаем, будто им и правда интересно.

Тут и не захочешь, а начнешь жаловаться на жизнь и ругать пиндосов. А там и до нарушения технологии недалеко. Чисто ради протеста. Ведь любой у нас знал, что ни одна инициатива снизу, даже самая продуманная, больше никогда не пойдет в разработку. И вся борьба борьбухая затеяна ради обмана и самообмана. Рудимент эпохи, когда «командный дух» и «верность фирме» были не пустыми словами. Теперь это не сплывало, а только разобщило. Больно смотреть, как взрослые люди учинили на производстве нелепую ролевую игру – и приучают к ней молодых.

И ладно бы они прикидывались добренькими. Хваленой американской толерантности в этих упырях почему-то не наблюдалось вовсе, зато нос задирать перед туземцами они умели еще как. Год от года борзеть получалось у них все лучше, и от реальности они отрывались все заметнее. Откуда их таких выкопали, а главное, зачем свалили это счастье нам на голову, я долго не мог сообразить, пока Кен не объяснил.

– Нечему удивляться, – сказал Кен, – они ведь ссыльные.

От изумления я немедленно выпил.

* * *

Дональду Маклелланду надо было поднять завод фактически на пустом месте, в полумертвом городе, вопреки местному колориту и особенностям национального менталитета. Деньги компании и ее политический вес ничего не решали в нашей глубинке, где Америку считали врагом рода человеческого, мировым жандармом, Содомом и Гоморрой, нужно подчеркнуть. Уговорить местные власти фирма могла на всякое, но реально опираться приходилось на живых людей, которые встанут к конвейеру. И либо они все раскрутят, либо все обломают, это уже зависит от тебя – как ты им понравишься, морда пиндосская. Неважно, что трудовой договор позволяет выгнать любого в пять минут без объяснения причин. Ну, выгнал ты его – на замену придет другой, еще хуже. И всегда найдется еще хуже, Россия богата талантами. И на конвейере настанет ад крошечный. Не везти же сюда чурок: во-первых, это неконцептуально, во-вторых, чурок тут сожрут вместе с заводом. Короче, у Маклелланда не было выбора.

Поэтому Дон сколачивал из рабочих и управленческого аппарата команду, где все друг друга уважают и каждый чувствует личную ответственность за общее дело. В те дни «заводские» стали почти мафией и страшно гордились этим. Каждый мальчишка с Левобережья мечтал вырасти не просто «левым», а именно «заводским».

И слово «эффективность» не было тогда ругательством. Дон Маклелланд не играл в это дело, а точнее, играл всерьез. Увлекал людей, внушал им веру, что они пришли на завод не тупо заколачивать рубли, а строить автомобили. Любить автомобили. Наслаждаться ими. Гордиться своей миссией. А если автомобили будут хороши, то начнется вообще счастье. И кузнец этого счастья – ты. Да-да, именно ты. Даже если бегаешь со шваброй, потому что дать тебе гайковерт боязно. Но без твоей швабры на заводе настанет бардак. Поэтому шваброй надо ворочать осмысленно. Придумай, как это делать лучше. Придешь – расскажешь, мы тебя наградим.

Дон Маклелланд не был пиндосом, и русские ему поверили. Да чего там русские, его харизме поддались даже американские лузеры, коих Дон привез с собой изрядно за неимением лучших и по нежеланию брать пиндосов. Он готов был терпеть в команде эксцентричных типов и деморализованных специалистов, лишь бы не бюрократов и стукачей. Наши поначалу восприняли импортных балбесов как экзотику: надо же, их самолетом везли

через океан, а они – раздолбаи и алкашня! Но у Маклелланда был Хитрый План А. Он подбирает людей, рассчитывая, что на месте балбесы сами просекут фишку: их в Россию позвали не погибаться, а восстать из праха. Лузеры огляделись, принялись, опохмелились и вдруг ожили. Началось удивительное время, когда господа начальники не квасили с утра пораньше, а бежали на завод со смелыми бизнес-планами в зубах и глядели в будущее выпученными от счастья глазами. А штаб-квартира милостиво терпела эту понизовую вольницу. И делала вид, что одобряет «инициативу на местах». И утверждала смелые планы, и внедряла хитровыдуманные рацпредложения. Штаб-квартира ждала, пока эти дураки не раскрутят производство на всю катушку.

А дураки, не будь дураками, мечтали забалбесить в нашей глубинке образцовый завод-чемпион, отхватить кучу бонусов, прославиться и вернуться на родину героями, научившими русских медведей крутить гайки лучше всех на свете.

Ну что, у них получилось.

А потом, как всегда бывает в сказках, сказка кончилась. Завод, получив сильнейшего пинка на старте, клепал цитрусы с дивной скоростью и волшебным качеством. О качестве много говорили, им восхищались, его ставили в пример. Шутка ли, благодаря нашему заводу русские начали гордиться понятием «русская сборка». На тот момент в России собирали автомобили разных марок вполне терпимо, но без фанатизма. А мы просто уложили на лопатки всех, даже немецких турок и турецких чурок. Это был прорыв в федеральном масштабе. С завода не вылезало телевидение, сюда приезжал то ли премьер, то ли президент, кто их нынче разберет... Кончились хохмочки про «руки из задницы», стихли разговоры о том, что национальный характер мешает нам ставить вещи на поток, если, конечно, вещи – не автоматы Калашникова. Оказалось, мы все можем.

Инерции хватило на годы. Но атмосфера в коллективе необратимо портилась. У коллектива возникло нехорошее чувство, будто Дон Маклелланд его предал. Сдал пиндосам. Вскоре после запуска конвейера на полную мощность весь цвет старой управленческой команды разъехался из города, кто обратно в Штаты, кто в Европу. Следом умотало немало русских, естественно – лучших. А на заводе воцарился мистер Джозеф Пападакис, за ним приперлись еще морды с фальшивыми улыбками до ушей, и начался тотальный когнитивный диссонанс.

При Дональде русским понадобилось время, чтобы понять: улыбки американцев – не обман, это насквозь позитивные ребята, убежденные, что все будет зашибись, надо только вкалывать. В трудные дни американцы «держали улыбку», а улыбка держала их в тонусе, помогала выстоять, вытерпеть, преодолеть. От одного их вида поднималось настроение. Их тут полюбили, черт возьми...

«Новые» американцы оказались какие-то неправильные: теперь настроение падало.

Совсем оно рухнуло, когда дирекция похмелилась, акклиматизировалась и развила бурную деятельность по имитации бурной деятельности.

* * *

– Ссылные? – переспросил я.

– Конечно. Ссылные, – повторил Кен. – Вот и лопаются от злости, и глядят на вас, как на дерьмо. Ваши наглые русские морды каждый день им напоминают, что они – пролетели. У них в обрез хватает мозгов это понять. За что их так наказали – это им уже недоступно. Отчего они злятся еще больше.

– Ну так кто они? Штрафники какие-нибудь? На грани увольнения?

– Ах, если бы... – Кен грустно улыбнулся. – Сам, что ли, не видишь, это обыкновенные пиндосы. Некоторые даже ничего. Пападакис вообще добрый мужик.

– Слишком мудрено для меня.

– Это просто менеджеры, которые переросли рамки своей компетенции. Знаешь «Закон Паркинсона»? Поверь, в штаб-квартире тоже читали эту книжку и стараются с Законом бороться. Хотя бы снизить вред от него. А иногда пробуют обратить вредные эффекты себе на службу. Кое-что получается... Вспомни хотя бы, как русский штафф ответил на появление Кодекса. Показали себя во всей красе, да? Сунули фигу под нос пиндосам. По сей день любой задрипанный слесаришка, который вчера из «учебки» пришел, так гордится этим шоу, будто сам принимал участие. Это был фарс, потом был скандал, это было круто, ага? Только извини меня, но Кодекс не мытьем, так катаньем подписан всем штаффом, до последнего дворника! А когда пришло наше время, его подписали и Женька с Михалычем, и мы с тобой. Значит, штаб-квартира добила своего. Она конкретно нас с тобой поимела, Миша! И мой отец подписал Кодекс. Плевался, но подписал... А как тебе борьба за креативность и прочая фигня? Ты ведь не думал поднять ребят на забастовку против идиотизма? Естественно: ты знаешь, что они бы и не пошли. Они не поймут, зачем это – бороться с идиотизмом, когда вокруг сплошной идиотизм. И пиндосские закидоны они терпят, глядя на то, как опиндосел русский менеджмент. То есть опять штаб-квартира нас с тобой сделала. Это не парни с конвейера, это мы с тобой лично все слопали – и креативность, и эффективность. А ведь это звенья одной цепи, друг мой Мишка. И без пиндосов тут – никак. Они полезные для компании, наши пиндосы. Хотя раньше были вредные...

Я слушал и боролся с желанием ущипнуть себя. Все стало ясно. Просто, как болт. И тем не менее похоже на дурной сон. Потому что как-то слишком обидно. Поперек национального менталитета.

Наши пиндосы оказались глуповаты для высоких должностей, а штаб-квартира это прошляпила. Компания большая, менеджеров много, за всеми не уследишь. Они верные, они исполнительные, просто тупые. Особых косяков за ними нет, напротив, есть желание стараться и трудиться. Имеется в итоге негодный материал, выгнать который слишком дорого: по судам затаскают. И чисто по закону окажутся правы, отсудят кучу денег. Вот их и шлют на периферию. Ведь Россия – это огромный рынок, но сама по себе – второсортная страна, которая никогда не оторвет задницу от лавки, потому что ей собственная власть не позволит встать. И народ здесь недобрый, от него так и жди подлянки. Гиблое место. Унылое место. И посылают к нам тех, кого дешевле послать к нам, чем послать на три буквы. По доброй воле на Русь едут только поднимать производство с нуля, и обычно это авантюристы да пассионарии вроде папаши Маклелланда. Тут можно быстро и круто выдвинуться, если ты не трус, готов рисковать и брать на себя ответственность. А можно и задвинуться – так же быстро и круто. Зато игра стоит свеч.

Но когда все налажено и пошло по колее, от пассионариев уже толку никакого, а то и прямой убыток. Их надо отзывать и заменять пиндосами, которые, может, и тормознутые, как наш Пападакис, зато четко понимают, кто начальник, а кто дурак. Чего у пиндосов не отнять, они прямо-таки в момент создают где хочешь устойчивую «пирамиду власти» и прекрасно договариваются с местными кретинами. А местные кретины охотно скручивают туземных рабочих в бараний рог. Так достигаются стабильность и управляемость. Штаб-квартира понимает это лучше всех, опыт накоплен огромный и сбоев не было. В фазе строительства завода тут нужны были американцы. В фазе эксплуатации – строго пиндосы. «Такие дела, Миша», как говорил американский классик...

Такие дела.

* * *

Туфты и показухи при Дональде не было, смысл ее не укладывался в головах, поэтому наши заподозрили, что у «новеньких» есть Хитрый План Б, и поначалу не особо роптали.

Благодаря упомянутой выше инерции встретили Пападакиса и его дрессированных пиндосов тепло, по-человечески. Дирекция ответила на гостеприимство месячником борьбы за соблюдение корпоративной дисциплины. У народа тихонько затрещал шаблон. Дисциплинка, конечно, хромала – в том смысле, что никто перед начальством шапку не ломал и в ножки не валился. Разболтались, значит, туземцы. Привыкли, что менеджер первый здоровается, а лизнуть ему башмак – забывают. Непорядок.

Для многих это стало откровением, но менеджеры с улыбкой во всю морду теперь улыбались вовсе не потому, что знали тебя по имени, были рады тебя видеть и хотели научить работать лучше или объяснить, почему у нас тут проблема и как они думают ее решать (или вдруг ты сам придумал – расскажи). Теперь улыбались, когда хотели вздрючить. Чтобы вздрючка была политкорректной и мотивирующей на трудовые подвиги. Чтобы ты не заподозрил, будто тебя держат за криворукого по умолчанию туземца, и не вздумал жаловаться – мало ли, вдруг ты хорошо изучил в школе закон об оскорблении всякой мелюзги любой мелочью...

Приказ об укреплении дисциплины висел на видном месте, и народ стоял перед ним, треща шаблоном, когда появился маленький слесарь Малахов. Он попрыгал минуту-другую, пытаясь ознакомиться, ушел и вернулся с табуреткой. Растолкал народ, влез на табуретку, ознакомился и произнес исторические слова:

– При Дональде такой фигни не было!

После чего поманил своего тим-лидера, показал ему на табуретку и сообщил:

– И такой фигни тоже не было!

– Ну да, у тебя был рост метр девяносто, – сказал тим-лидер.

Народ забубнил недоброе. Тим-лидер пожал плечами и вызвал мастера участка. Мастер сказал, что если слесарь с ума сошел, я-то тут с какого боку – пускай «кадры» решают, ведь кадры, как известно, решают все, – и вызвал младшего менеджера по персоналу. Тот, поглядев на сумасшедшего, решать его сразу на месте побоялся и вызвал психолога.

Психолог был, кажется, с бодуна или просто умный. И посоветовал вызвать офис-менеджера, это ведь его епархия – доски да табуретки.

Офис-менеджер, человек старой трудовой закалки, был, что называется, в авторитете. Он для начала воткнул мастеру за перерасход рабочих перчаток, вставил «кадру» за сломанный принтер, одной рукой снял Малахова с табуретки и спросил, а куда, собственно, удрал психолог – к нему тоже вопросы накопились. И по какому случаю паника? Опять наши в футбол проиграли?.. Выяснилось, что приказа о дисциплине он еще не читал.

Оценив документ, офис-менеджер фыркнул и поставил Малахова обратно на табуретку. Сказал, что это очень креативно и вообще по-нашему, бить врага его же оружием – отвечать на идиотизм полным идиотизмом. После чего с помощью телефона и английских слов произвел заклинание вызова пиндоса.

Пиндос увидел Малахова на табуретке и испугался. Он в Америке таких креативных чуваков не встречал. Первым делом он поднял глаза к потолку – не висит ли над Малаховым петля.

– Как я буду соблюдать дисциплину, если вы не дадите мне ее прочитать? – не вполне грамотно, но доходчиво спросил креативный чувак, демонстрируя шикарный русский акцент.

– Только спокойно! Я сейчас вернусь! – сказал пиндос по-ихнему без акцента и убежал.

Вернулся он вместе с самим мистером Джозефом Пападакисом.

Тот поглядел на Малахова, поглядел на потолок, потом на доску объявлений, хмыкнул и заявил:

– Этот парень прав!

Пожал Малахову руку и удалился.

А офис-менеджер сказал:

– Если хочешь расписаться за табуретку и быть ответственным за нее до конца жизни – я не против. Или поставь, где взял!

Доски перевесили. Фраза «При Дональде такой фигни не было» стала поговоркой на все случаи жизни. Ради комического эффекта говорили так о полной ерунде, вроде дырки на штанах. Иначе получалось совсем не до смеха: правда больно резала глаза. Ведь при Дональде такой фигни действительно не было.

Тем временем фигня крепчала. В пиар-службу и отдел кадров свалился из штаб-квартиры документ эпической силы, «Кодекс корпоративной этики». В грубом пересказе Кодекс гласил: компания любит тебя, а ты любишь компанию, как маму родную, поэтому у тебя и в мыслях нет позорить репутацию завода, обзывать цитрусы цитрусами, нарушать технологию, жаловаться на жизнь и ругать пиндосов.

Анонимный заводской остряк немедленно сложил четверостишие, которое очень верно передавало общую интонацию Кодекса:

*Я знаю, компания любит меня,
Мы вместе идем к успеху,
И я в конце рабочего дня
Целую начальника цеха!*

Шаблон громко хрустнул. Еще при найме на работу каждому сунули под роспись приложение к трудовому договору, где было черным по белому перечислено, чего на заводе нельзя, – все это самое, только без заклинаний о взаимной симпатии. Этот список нарочно шел приложением, отдельной бумажкой, чтобы не было потом удивленных возгласов: «Ой, а я не видел!»

Не имеет значения, объяснили народу. Вы подписывали сложный юридический документ, а в Кодексе все дано просто и доходчиво. Всего-то десяток фраз. Они звучат почти как стихи и легко запоминаются. Это специально придумано – даже турки и чурки смогли выучить Кодекс наизусть и сдать экзамен!

– Че?! – только и спросили суровые русские сборщики.

– Через плечо, – ответили им. – Будете тянуть билеты и отвечать, как в школе. Приказ штаб-квартиры, что мы можем поделаться? Все сдают экзамен, даже Пападакис, хотите верьте, хотите нет. Сами уже выучили, от зубов отскакивает. Кому не нравится Кодекс – свободен. Кто не сдаст экзамен, для начала – штраф.

Дело было в понедельник. Самые нервные, кто в воскресенье криво опохмелился, сразу просекли, что это белая горячка, и двинулись на выход. Остальные пошли искать Васю Профсоюза, но тот благоразумно спрятался. Наступила спонтанная неделя борьбы за сознательность – весь наличный русский менеджмент бросился уговаривать рабочий класс отнестись к Кодексу «с пониманием». Ну что вам, жалко, что ли, коротенькую бумажку вызубрить? Ну войдите в наше положение, нас пиндосы съедят! Самых авторитетных из ребят приглашал к себе кадровик. По слухам, за закрытыми дверями ругательски ругал пиндосов и намекал, что дальше будет только хуже. Но взывал к пониманию.

Мы с Кеном этого бреда не застали – я был еще в Москве, Кен за океаном, – а вот Михалыч и Джейн готовились к выпуску из «учебки». И они своими глазами видели, какой

озадаченный тогда ходил русский менеджмент. Кое-кто и с синяками – знать, неумело уговаривал. И все бормотали, что при Дональде такой фигни не было.

Заводчане поняли: нас хотят согнуть. Для начала самую малость, а дальше, глядишь, легче пойдет. Ну-ну. Единожды согнувшийся, говорят, потом не разогнется, только это совсем не про русских, кои генетически запрограммированы сидеть на берегу реки, мечтая о светлом будущем и слагая о нем веселые стихи: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» Выучить Кодекс действительно мог любой чурка, нашим это было на ползуба. Народ, пошептавшись с кадровиком, выдвинул из своих рядов группу представителей с мордами попротрапительнее, а те взяли за шкуру Васю-Профсоюза, явились в дирекцию и, мило улыбаясь, попросили сделать русскому штаффу маленькое послабление. Пусть экзамен проходит открыто – у нас такой национальный менталитет, мы привыкли все делать гуртом. Будем поддерживать друг друга, и экзамен пройдет как по маслу. Не понимаете? Ну, подсказывать станем шепотом, если кто запнется. Вам-то какое дело, были бы подписи. Короче, сдаем Кодекс прямо в цеху перед началом смены. Это будет патриотично и символично. Вас еще и похвалят за креативность. Ага?

Пиндосы не ждали подвоха и легко согласились, а русский менеджмент, который они к тому моменту сменили уже больше чем наполовину, особой сообразительностью не отличался и просто не дотумкал, какие у нас креативные чуваки.

Народ рванул на экзамен даже не гуртом, а прямо толпой и превратил серьезное мероприятие в балаган. Чеканные строки документа эпической силы декламировали с соответствующей эпической силой, и стены завода дрожали от хохота. Самые циничные завершали выступление веским «Аминь!» или «Ура, товарищи!». Кто-то даже от полноты чувств упал на колени и стукнулся лбом об пол. Кодекс этого не запрещал.

Высокое руководство поначалу довольно лыбились, затем напряглось, удивляясь, отчего стоит такой дикий ржач. Вдруг заметило, что русский менеджмент потихоньку куда-то расползается с испуганными мордами... а как дошло до земных поклонов – само позеленело. У него сначала было подозрение, что оно не врубается в местный колорит. Но тут оно почуяло: над ним жестоко посмеялись и кончится это плохо. Если ты профессиональный начальник, то есть ни черта не умеешь, кроме как нагибать других, ты печенкой чувствуешь, когда тебя самого нагнут. Потому что ты пролетел.

Ведь камеры слежения транслируют балаган не только к тебе в кабинет, но и напрямик в Америку. И там все пишется. И отсматривается. И там хватает ребят, которые врубаются в местный колорит на раз-два. И они счастливы будут доложить, как ты чудесно поладил с русским штаффом, ну так душевно поладил, что штафф забил на тебя болт и произдевался над компанией.

По идее, надо было под каким-нибудь благовидным предлогом сворачивать этот дурацкий экзамен, пока не стало хуже. Но отметились почти все, начало смены на носу, и хуже вроде уже некуда.

И тут пришел сдавать экзамен маленький слесарь Малахов.

С табуреткой.

Он взял экзаменационный билет, заглянул в него с неподдельным интересом, хмыкнул, влез на табуретку, переждал бешеные аплодисменты, переходящие в овации, ленинским жестом выбросил руку вперед и прочел исторические стихи:

*Я бы вырос космонавтом,
Как Гагарин и Титов,
Просто в детстве наглотался
Разных гаек и болтов!*

Смену задержали на десять минут – началась массовая истерика, люди боялись подойти к конвейеру. Многие плакали. Тим-лидер «химзащиты» пошел на звук искать своих в туалете и нашел там рыдающего кадровика.

Самое интересное, что Малахову экзамен засчитали. Некоторые пункты Кодекса действительно были почти зарифмованы, ждаль от русского стаффа, что кто-нибудь переведет, чего такое слесарь накреативил, не приходилось, и пиндосы сочли за лучшее поставить галочку в графе, чем позориться на весь город.

Задержка смены была нешуточным ЧП, дирекция хотела прикрыть задницу и с перепугу, что называется, сама себя перехитрила. Идея была, в принципе, неглупая: если русские устроили какой-то непонятный идиотизм, надо оправдать его перед штаб-квартирой, предъявив ей другой идиотизм, более-менее понятный. На свою беду, пиндосы еще недостаточно обрусели, чтобы переплюнуть туземный креатив.

Запись с камер слежения показывала: работяги ползают вокруг конвейера, заливаясь слезами и держась за животы. И чего им так смешно?.. Светлые умы из пиар-службы, глядя на это, вспомнили старую хохму – «русский перевертыш». Как известно, если в Америке достают кролика из шляпы, то в России достают шляпу из кролика. Надо всего лишь поменять местами причину и следствие. Отмазка напрашивалась сама: неизвестный вредитель пронес на завод баллон с веселящим газом и распылил его в цехах. Вот вам и хиханьки-хаханьки. Это диверсия. Ведется расследование.

Служба безопасности, оказавшись внезапно крайней, встала на дыбы, да поздно: доклад о чрезвычайном происшествии уже летел в Америку со скоростью хорошо раскопеченного электрона. Шеф охраны ворвался в кабинет директора, едва не сломав дверь, и бушевал там целую минуту, вплоть до резкого понижения в должности, отчего так же резко притих.

И весь завод притих, выжидая – а что дальше?

Дальше был локальный Страшный Суд. Штаб-квартира переиграла дирекцию всухую. Она на полном серьезе наказала всех за утерю бдительности, в результате чего случилась диверсия. Пиндосы утерлись, покаялись и вздохнули с облегчением. И тут им прилетело вторично, уже насмерть: за хитрозадость, то есть, простите, обман руководства и ошибки в работе со стаффом. Вдули им такого веселящего газу, что полетели клочки по закоулочкам. Показали, через какое место достают шляпу из кролика.

Неделей позже добрая половина дрессированных пиндосов из команды Пападакиса собрала чемоданы и свалила из города. Якобы на повышение квалификации. Больше их на заводе не видели. Пиар-служба загремела в полном составе, прямо вдребезги: своих отозвали, русских выгнали. Неожиданно легко отделался, всего-то лишением бонусов, кадровик, хотя он вроде идеально подходил на роль злодея – набрал, понимаешь, сатириков и юмористов! Но это надо знать местный колорит: у нас кто попало завкадрами не становится. Бывших заведующих кадрами не бывает, если вы понимаете, о чем я. Штаб-квартира понимала это на пять с плюсом... Шефа охраны восстановить в должности и не подумали: он потерял лицо в кризисной ситуации. А еще какая-то падла настучала на офис-менеджера – припомнила высказывание про «наш ответ на идиотизм», – и его попросили уйти по-хорошему.

Сам мистер Джозеф Пападакис усидел в своем кресле чудом. Видимо, на тот момент в резерве штаб-квартиры не было второго такого эталонного пиндоса, чтобы назначить его директором российского завода.

Говорят, Пападакис именно тогда с горя закурил, после чего швырнул пепельницей в Васю-Профсоюза, но это дело темное, свидетелей не было, а в Васю хоть дерьмом кидайся, следов не останется, он ведь Профсоюз.

Народ обиделся за офис-менеджера и перекрестил Пападакиса во Впопудакиса. Адаптировал, так сказать, к местному колориту. Естественно, стукнули. Впопудакис отозвался на этот мирный, в общем-то, креативчик такой фигней, за которую Дональд его просто убил бы. Теперь каждый сотрудник подписывал Кодекс еженедельно. Спасибо, экзамен не сдавал. Хотя могли и спросить внезапно. И наказать, если запомнил.

И это было только начало.

* * *

Когда мы с Кеном встали к конвейеру, там с Кодексом уже смирились, все-таки второй год пошел. Терпели его как необходимое зло, которым начальники прессуют народ, дабы русским жизнь медом не казалась – вроде закона об оскорблении всякой сволочи. Нашлись даже умники, что говорили, будто Кодекс держит заводчан то ли в узде, то ли в тонусе, а без него бы мы совсем распоясались. Вот как до закона об оскорблении всякой твари россияне были невоспитанные, просто ужас. Ругали последними словами все, что им не нравится, – чурок, жидов, коммунистов, капиталистов, гомосексуалистов, футболистов и даже, подумать страшно, Церковь и Президента. А сейчас не ругают. Кстати, пиндосы тоже были невоспитанные, пока не ввели у себя толерантность. А теперь глядите, как лыбятся.

Верите, нет, говорилось это на полном серьезе.

Так или иначе, обстановка на заводе более-менее утряслась, наступила эра «водяного перемирия», как у зверей в засуху. Рабочие старались не кусать руку кормящую, а дирекция, в свою очередь, нагибала русский штафф плавно и постепенно, чтобы у него нигде не треснуло.

Да, у нас хватало поводов жаловаться на жизнь и ругать пиндосов. Но хотя бы гонку за эффективностью заводчане все еще держали за чистую монету. Тем более наши действительно могли кого угодно научить крутить гайки наилучшим образом. Не сразу до народа дошло, что с некоторых пор «совещание по эффективности» – психотерапия для нищих духом: вот какие мы клевые ребята, как мы друг друга уважаем... Теперь любая идея, которая шла в стороне от тренда, исчезала в недрах пиндосского бюрократического аппарата – и с концами. А идеи, лежащие в тренде, аппарат генерировал сам – и спускал на завод в виде приказов о повышении креативности борьбы за что-нибудь. Да какая разница, какой фигней страдать.

Процесс осознания растянулся на годы, но постепенно даже до последнего русского идиота дошло, что нас заставляют страдать фигней. В один поганый денек это понял буквально каждый, набралась критическая масса, и терпение народа лопнуло. Проснулась страшная штука – рабочая гордость. Народ принялся чудить, дурить, вежливо хамить начальству, всячески ехидничать и вообще забивать болт.

Забивали болты строго в переносном смысле. У заводских по-прежнему было ощущение, что в их сторону нет-нет да поглядывает вся страна. Поэтому завод оставался чемпионом марки, и наша с Михалычем смена была чемпионом завода. Нас приучили к тому, что мы – шикарные ребята, лучшие из лучших.

Но только не надо капать на мозги.

А нам капали и капали.

Не реже, чем раз в квартал, штаб-квартира рожала очередную адски креативную бредятину, и завод начинал ее эффективно внедрять. Допустим, нашивки на рукав за выслугу лет. Чтобы сразу было видно, кто уже вконец опупел, поскольку шестой год втыкает болт в одну и ту же дырку... Или конкурс на лучший плакат-мотиватор. Чтобы сразу было понятно, у кого чувство юмора окончательно отшибло.

Русские, конечно, и не такие инициативы кидали через бедро. Но, к сожалению, отчитывалась за внедрение бреда в производство вся командная цепочка, от тим-лидеров снизу до мистера Джозефа Пападакиса наверху. Так что, например, Джейн и Кен исправно получали свою порцию ненависти на большой совковой лопате. Сначала от нас, потом от дирекции. Джейн на это глядела философски – ей надо было расти, чтобы поставить на уши мировую автомобильную промышленность. Пять-шесть лет на заводе стояли у нее в жизненном плане как ступенька карьерной лестницы, а ради своих планов она могла стерпеть очень многое. А вот Кен, похоже, начал задумываться, не ошибся ли с выбором профессии. Ему предстояло трубить на компанию еще несколько лет, чтобы рассчитаться за учебу, и все эти годы его бы дрючили. Конечно, он мог попросить отца вытащить сыночка за шкуру оттуда, где ему скучно и грустно, куда-нибудь в исследовательский центр. Это означало поднять лапки кверху и признать, что кишка тонка. Сдаваться Маклелланды не умели, порода не та.

Вдобавок Кен действительно здорово обрусел. Ему у нас до поры до времени было очень хорошо – первый парень на деревне, я даже ревновал. И вдруг ему стало плохо, и это беднягу просто убивало. Он ведь привык, что его на заводе любят и в городе любят, что он тут повсюду свой. А теперь он был как бы не вполне свой, поскольку, надев галстук, стал играть на стороне пиндосов, хоть и вынужденно. Слесарь-сборщик Кен нравился всем и каждому, за исключением тех, кто имел виды на его очередную подружку. Напротив, господин инженер Маклелланд нравился очень немногим, и лишь девчонки млели от него по-прежнему. Увы, девчонок на заводе явно не хватало, чтобы Кен чувствовал себя в своей тарелке. Немногим больше года прошло, как он ходил в «начальниках», и никому худого слова не сказал, но самые грубые из старых знакомых могли запросто бросить ему под горячую руку: «Ты либо галстук сними, либо вали в свой Пиндостан!»

Что интересно, совершенно таких же русских «молодых специалистов» – учились в нашей школе, стояли с нами на конвейере, пошли в институт, вернулись и надели галстуки – никто особо не обижал. К ним относились слегка насмешливо, и только. А из-за Кена народ прямо скрипел зубами. Словно Кен разрушил мечту о правильном американском парне, из которого едва не получился эталонный русак, такой же, как и мы – но свернул на кривую дорожку, ведущую к власти. Может, я сейчас и угадал. Так или иначе, к нему иногда цеплялись и делали это по-хамски. Знали, что не настучит – ни по морде, ни в дирекцию.

По мордам приходилось стучать нам с Михалычем.

Правда, я обычно не успевал.

Мы приходили, и Михалыч спрашивал:

– Кто обидел моего друга?

Народ испуганно глядел в мою сторону – меня ведь никто не обижал. Михалыч тоже глядел в мою сторону и говорил:

– А-а... Это не друг. Это Миша. Точнее, Михалсергеич. А я Михалмихалыч, смотрите не перепутайте... И Я СЕЙЧАС КОМУ-ТО, БЛИН, МАНИПУЛЯТОРЫ ОТОРВУ!!!

Если Михалыч впадал в буйство, его не останавливала ни травмированная спина, ни полицейская машина – только капитальная стена, это все знали. Он превращался в берсерка Бьерна Бьернссона и чувствовал себя прекрасно, а я оказывался его конунгом Идиотом Идиотссоном, на которого потом сыплются все шишки (мама у моего тезки была тоже крутого нрава и последние лет двадцать уверена, что я плохо влияю на мальчика). Поэтому народ забивался в угол и оттуда глядел на меня с надеждой: Михалсергеич, дорогой, ну зачем тебе опять неприятности? А я выступал с короткой лекцией о том, какой хороший парень Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов и почему обижать его не надо – если, конечно, удавалось сперва поймать Михалыча.

В любом случае мы потом с народом пили мировую, и как-то все устаканивалось. До следующего раза. Кен дулся на нас за то, что мы его защищаем, и это было забавно. Джейн

обзывала нас детьми и придурками, и это начинало уже надоедать. Джейн вообще странно на нас поглядывала.

Она будто что-то решала для себя.

Тут еще Михалыч ей платонически изменил – завел себе подружку с серьезными намерениями. А мне даже неинтересно было, с кем Джейн спит после развода и спит ли вообще. Может, нашу целеустремленную девушку ждал в постели резиновый цитрус, кто знает.

До сих пор иногда кажется – лучше бы я повел себя более решительно, когда ее звали еще Женькой.

Глядишь, все сложилось бы иначе.

Откуда во мне эта жертвенность, ума не приложу.

Национальный менталитет, что ли.

* * *

Очередное «совещание по эффективности» было каким-то расширенным, или итоговым, или образцово-показательным, кто их, пиндосов, разберет. И тут мы довыпендривались. Залетели на ровном месте.

Нашему участку с этими липовыми совещаниями относительно повезло – время от времени их проводил Кен. Ну прямо глоток свежего воздуха. В кои-то веки серьезный и интересный разговор, а еще возможность от души подурочиться, не боясь, что нас всех накажут. Солировал, естественно, веддинг: зря мы, что ли, Дарты Веддеры, интеллигенты. Могли, допустим, встретить господина инженера, выстроившись во фронт, и тим-лидер докладывал:

– Экипаж «Звезды Смерти» для проведения политинформации построен!

Еще мы отмечали день рождения Железного Джона, рапортовали о закручивании миллионной гайки и провожали на пенсию мои тапочки. Все это была, как ни странно, злостная неуставщина и повод настучать. Кодекс корпоративной этики трактовался по принципу «что не запрещено, того лучше все равно не делать». Он предписывал быть позитивным, но серьезным. Улыбаться, но не смеяться.

Кодекс явно создавался без учета местного колорита и национальной специфики Левобережья.

По счастью, Кен был проспиртован нашим колоритом насквозь. Редкий русский на заводе так хорошо понимал, насколько важно для сборщиков хотя бы изредка выпускать пар и валять дурака, не выходя из цеха. Мы ведь тут проводили без малого треть жизни. Это был наш второй дом. Начальство мечтало видеть цех чем-то средним между казармой и храмом, а мы просто трудились здесь. И нам надо было чувствовать себя живыми – ну, хотя бы в промежутках между ходьбой строем и отправлением культа.

Кен говорил, что цех не церковь, а станок не алтарь. Настоящая культура производства не приемлет ни тупого рабочего фанатизма, ни начальственной гиперопеки. Эффективность – это всегда творчество и всегда красота. Все эффективное гармонично. Кого ни приведи взглянуть на наш конвейер, непременно люди удивятся: ах, как плавно и мягко движутся сборщики. Ни одного грубого и резкого жеста, прямо танцуют ребята. Что за балет на рабочих местах?.. Ну, мы-то с вами знаем, отчего у нас балет. И мы видим малейшие огрехи, которых не заметит сторонний наблюдатель, – и постараемся их исправить, ведь если сборщик вынужден дергаться, значит, ему неудобно. И значит, он недостаточно эффективен. Человека можно научить изворачиваться немислимым образом, и много лет эти извращения вокруг станков считались нормой, потому что станок был в тысячу раз дороже работника. Сейчас он дороже в миллион раз, но слава богу, мы совсем иначе понимаем роль человека на заводе.

Теперь рабочий, даже если он просто руками крутит гайки, это не копеечный придаток сборочной линии, а инструмент повседневного ее познания и калибровки.

А станок – это просто станок. Красивый, правда?

Кен закатывал нам целые лекции по философии эффективности, и Дарты Веддеры слушали его разинув рты. Собственно, так и проходили все наши с Кеном совещания: для начала тим-лидер выстреливал в господина инженера стандартный заряд жалоб на недолговечные перчатки, скользкие тапочки, нерациональное освещение и дурацкий огнетушитель, который явно не на месте и мы его скоро оторвем, а нас ведь накажут; планшет господина инженера жалобы фиксировал; Кен спрашивал, есть ли предложения; тим-лидер показывал на мой наколенник и говорил, что вопрос давно назрел, перезрел и скоро лопнет; Кен отвечал, что вопрос в разработке; официальная часть заканчивалась, публика вздыхала с облегчением, и начинался человеческий разговор.

За наколенник меня, кстати, тоже могли выдрать – и частенько драли, пока я не добыл липовую медицинскую справку про больной мениск. Я опускался на колено один раз за каждую операцию, всего на пару секунд, но это заметно облегчало работу. Не скажу, что всем и каждому, а вот лично мне так было проще, чем на те же две секунды нагибаться согласно технологии. И Михалычу так было намного проще, с его-то богатырским ростом. И тим-лидеру. Только они не надевали защиту колена. Это была моя личная фишка, и томилась она «в разработке» четвертый год – якобы над ней ломали голову эргономисты штаб-квартиры. Но все понимали, что это вранье и никто о наколенниках в штаб не докладывал.

В первую голову никто не докладывал о том, чего мы тут понапридумывали удобства ради. Для начала нас вообще оштрафовали за нарушение технологии. Мы официально подали заявку о рационализации в «отдел культуры», а сами высматривали с удвоенной бдительностью, не идет ли вдоль конвейера пиндос. Иногда нас все-таки брали с поличным и наказывали. Бывало, мастер постукивал, пока не отучили его. Наконец мы дошли до крайней степени падения: взяли за шиворот Васю-Профсоюза и пожаловались на зажим пиндосами инициативы снизу. Вася с перепугу чуть не помер, и долго мы его потом не видели. И вся эта бодяга тянулась уже четвертый год, повторяю. И четвертый год я, как последний симулянт, косил под страдальца с раненым коленом только ради того, чтобы меня не драли за нарушение формы одежды, сиречь некорпоративный внешний вид. Эффективненько.

Слово «эффективность» стало ругательством неспроста и приставку «долбаная» честно заслужило. Как говорил классик, «поэзия выше нравственности, или, во всяком случае, совсем другое дело». Хорошо сказанул, но двадцать первый век его уточнил: «а прозе жизни это пофиг». Между высокой философией культуры производства и реальной долбаной эффективностью зияла пропасть. Может, на американских и европейских заводах, где рабочая сила стоит намного дороже, компании интересно видеть сборщика бодреньким, свеженьким и довольным – он тогда больше и лучше насобирает. Может, они там давно перестали нагибаться и ходят в наколенниках. А мы – туземцы, нас много, мы стоим дешево, и значит, в России эффективность должна быть экономной. Вот перчатки и тапочки нам дать подешевле – это зашибись. Придумать, как нас штрафовать почаще, – тоже зашибись.

Кен от всего этого тихо зверел и однажды признался, сидя на берегу реки, что есть у него теперь мечта: как можно быстрее промчаться вверх по карьерной лестнице. Чтобы занять в «культуре производства» такое место, с которого можно безнаказанно плевать вниз – и тогда силком заставить компанию прислушаться к словам простых русских сборщиков. Потому что главные резервы сборочной линии сегодня не в кабинетах разработчиков, а в цехах. Там видно, как все крутится на самом деле, и люди точно знают, как исправить и улучшить систему. И даже сейчас, когда наши работяги забили на совещания огромный болт, Кен время от времени ловит такие идеи, которые надо тестировать немедленно – и внедрять. И это только с одного завода, а ты представь, сколько креатива гибнет в масштабах компании,

пока всем плевать на мнение туземцев... Мне нетрезвая тирада Кена очень живо напомнила давнее обещание Джейн построить культовый автомобиль, но я промолчал.

Вдруг у него получится, черт побери...

И тут случилось это злосчастное итоговое совещание, или расширенное, кто его разберет. А Темная Сторона Силы, как нарочно, была в приподнятом настроении. Экипаж «Звезды Смерти» задумал нынче обмыть двухмиллионную гайку, что закрутил мой Железный Джон. То есть гайки никто не считал, мы просто так решили. А если русский чего решил, он выпьет обязательно, сами знаете. Тем более в пятницу.

И только мы отошли от конвейера, мыслями уже в пивной – бежит начальник смены. Ребята, говорит, а как же совещание? Не забыли? Да отлично, говорим мы ему, не забыли, проведем на высшем уровне. И весело топаем рассаживаться.

У нас уж все готово.

Мне-то невдомек, что сегодня вести этот долбаный коллоквиум собрался лично Рой Калиновски, целый помощник директора по «культуре», тот самый, который к нам в учебный центр приходил. Издали похожий на Кена, приятный человек и уникально приветливый менеджер. Всегда успевал первым здороваться с рабочим. Как выяснилось, Рой не был от роду таким уж добряком, просто оказался способным парнишкой, легко обучаемым, не то что мой армейский лейтенант, в мазут упавший. Но это другая история, потом расскажу как-нибудь.

Знал бы я, чем обернется совещание, – поостерегся бы хохмить.

Или не поостерегся? Мне надоело бояться, и роман мой с заводом катился к финалу, и наверняка я хотел, чтобы поскорее все кончилось, только себе не мог признаться.

В общем, Дарты Веддеры приготовились солировать, и было им весело. И вся смена глядела на нас влюбленными глазами в ожидании, чего мы нынче тут отмочим.

Господа начальники прибыли целой толпой: впереди шагал, излучая позитив, симпатяга Рой; за ним бодренький мастер участка; следом замученный Кен; рядом с ним красивая, но нервная Джейн. Замыкал шествие потный Вася-Профсоюз в качестве наблюдателя.

Смена была в сборе, только на центральном стуле, предназначенном для Роя, расселся я, грешный. И, будто не замечая господ начальников, потому что сидел к ним спиной, начал беседу:

– Здравствуйте. Заседание клуба Анонимных Трудоголиков прошу считать открытым. Меня зовут Михаил, и я трудоголик! Как видите, у нас у всех одна проблема, давайте ее дружески обсудим. Ну, кто первый?

Встает Михалыч, очень натурально стесняется и говорит басом:

– Здравствуйте. Меня зовут Михаил, и я трудоголик!

Дальше текста просто не было, поскольку на этом месте у нас в сценарии шла ремарка: «дружный одобрителный смех, все аплодируют». Угадали: поднялся громовой хохот, а громче всех ржал и хлопал Рой Калиновски.

Как нам после вломили – пересказу не поддается. Мы, признаться, не ждали от пиндосов такой вспышки ярости. Тонкий намек на то, что все эти совещания – полная бредятина, вдруг пронял дирекцию до самых печенок. Может, стыдно им стало в кои-то веки?... Разбирали «безобразную выходку, подрывающую командный дух», на специальном брифинге в кабинете Пападакиса. Директор рвал, метал, требовал возмездия и страшно пиндосил несчастного Роя.

Мы не поняли, кто настучал, мастер или Вася-Профсоюз. Сам Рой Калиновски не понес бы директору такой очевидный компромат на себя, любимого. Может, сначала ему и правда смешно было. А ведь если подумать о корпоративной этике – русский штафф об него ноги вытер. И еще нюанс: дело прошлое, конечно, но история, как Рой стал лучшим другом русского рабочего и самым приветливым в мире пиндосом, будет посильнее фауста

промышленного робота. «Фауст» значит «кулак», если вы понимаете, о чем я... Нет, Рой не самоубийца. Мастер наш тоже с некоторых пор трусоват. Значит, Вася. Он пиндосов боится куда больше, чем своих. Свои могут дать только по шее, а пиндосы могут дать пинка с завода, поэтому Вася – бдит. Основная задача профсоюза, кроме имитации наличия профсоюза, – держать работяг в рамках приличий, а тут мы явно хомут распустили.

Я-то легко отделался. Вызвал кадровик и сказал уныло:

– Просили ведь тебя!..

– Надоело, – говорю.

– А вот послушался бы меня в свое время...

– Спасибо, – говорю, – я посмотрелся уже на Кена и Джейн. Вы в курсе, наверное, мы одноклассники, так что между нами секретов нет...

– Лучше бы секреты были, – сказал кадровик. – Сгинь с глаз моих. В последний раз предупреждаю.

– Чего я сделал-то?!

– Поставил под сомнение элемент корпоративной культуры.

– А если он бессмысленный, элемент этот? Чистое ведь издевательство!

– Сам ты элемент. Подрывной!

И в спину мне, как в прошлый раз:

– И перестань уже болтать!

Ничего не понимаю. Где я должен перестать? С кем? И так уже в курилке больше мычу и хмыкаю, чем говорю. И по пивным булькаю да хрюкаю, чтобы не подставляться. Хочу все-таки прокатиться по турецким и немецким заводам. Не столько для себя, сколько ради Михалыча – поднять ему самооценку. Я-то действительно спекся, ничего мне в автопроме уже не интересно и не будет интересно очень долго. Одна навязчивая идея: уйти с завода и как можно скорее встретить девушку, которую захочу нарисовать. Соскучился по любви. Соскучился по чувству, которого толком не знаю.

А уютный гаражик с покрасочной камерой нам готовы сдать в аренду хоть завтра. Я до того везучий конунг, что даже маму своего верного берсерка уговорил и живой ушел. У нее одно условие – чтобы наше заграничное турне действительно состоялось. Поднять мальчику самооценку, а то Мишенька такой рохла... Мишенька!

И вот сидим вечером у меня: я, Мишенька и его подружка с серьезными намерениями, пиво пьем. Вдруг звонок в дверь. Прямо в дверь, как будто телефона и Интернета не существует. Ко мне так приходят – без вопросов, можно ли, – четверо: я сам, Михалыч, Кен и полиция. Спасибо, в окно не лезут. Мы с Михалычем уже тут, значит, выборка сужается.

Вваливается Кен в обнимку с тремя упаковками пива. Физиономия то ли сильно помятая, то ли слегка побитая, одна щека точно краснее другой... Видит подружку с серьезными намерениями, смущается и тихонько говорит:

– Выйдем на минуту, а? Разговор есть.

Ну, выйдем, если разговор. Беру одну упаковку под мышку на всякий случай – и шагаю с крыльца, куда бы вы думали, к берегу реки.

А на дворе конец сентября, теплый вечер, все кругом золотое, да еще за рекой правый берег светится. Господи, счастье-то какое. И черт с ним, что по мутным водам ничего к нам не плывет. Кто знает, вдруг, когда оно приплывет наконец-то, русские не обрадуются.

Может, нам совсем другого надо – мира во всем мире и чтобы врагов у нас не водилось отродясь. Чтобы нас все любили и мы всех любили...

– Прости, что?! Повтори.

– Увольняйся, – говорит Кен. – Пожалуйста. Очень тебя прошу. И Михалыча забирай.

– Ты бухой, что ли?

– Ты сам бухой. Оба мы поддатые, вот и говорю, пока силы есть, – увольняйся, дружище.

Я так и сел на берегу реки.

* * *

– У нас есть такая «программа лояльности молодых специалистов», – говорит Кен скучным голосом, глядя в никуда. – Всегда была. Меня она пока что не касалась, хорошо быть Маклелландом. Я лояльный по умолчанию, чего мне доказывать...

– Не надо, Кен. Просто твой отец не хочет, чтобы ты опиндосился, вот и приказал тебя не трогать.

Кен глядит в мою сторону с легким удивлением.

– Не знаю, – говорю. – Ничего не знаю. Просто вырвалось. Ну, что за программа?

– Стучать, естественно.

– И?.. На заводе каждый второй стучит.

– Ты не понял. Это не обычный стук, когда инженер заметил, как ты накосячил, и тебе в лицо ничего не сказал, потому что инженеру впадлу общаться с работягой, а за спиной наябедничал. Это совсем другой стук. С его помощью растят будущих управленцев, которые далеко пойдут. Он предполагает умение грамотно работать с людьми. Теперь дошло?

– Не-а.

То есть до меня дошло, но я не хочу верить.

– Не хочешь верить, – говорит скучным голосом поддатый, но все равно умный Кен. – Короче, смысл вот в чем. Молодой специалист налаживает контакты. Втирается в доверие. И составляет отчет не о том, как люди работают, а о том, чем они дышат. О степени мотивированности, уровне притязаний, готовности чем-то жертвовать ради продвижения... Такая психологическая карта рабочего коллектива. Молодой специалист тренируется, так сказать, на кошках.

– Ну и что тут страшного? – спрашиваю я с облегчением. – Ну, тренируется. Почему бы нет? На ком ему еще тренироваться, черт возьми. На мышках?

– Все-таки не дошло, – говорит Кен тоже с облегчением. – И слава богу, а то у меня из-за тебя комплекс неполноценности развивается. Ты всегда очень быстро схватывал. Куда быстрее, чем я.

– Ты идиот, – говорю. – Не понимать, насколько я тормознутый, может только полный идиот. Выпьем.

Выдули по банке и швырнули в реку. Отвратительно, но факт – у нас в городе такая некрасивая традиция. А чего той реке, все равно мутная. Мне стыдно, правда. И у вас в Москве я так никогда не делал, честное слово.

– Короче, – говорит Кен, – дело к ночи, а я никак тебе не объясню... Эти отчеты – тренировка, но не игра. По ним реально принимаются решения. И качество отчета считается тем выше, чем откровеннее вас сдают. Чем больше дерьма молодой специалист накопает, тем лучше. Потому что фирме не нужны еретики. Не нужны озлобленные и просто недовольные. Слишком умные – тоже. Умных надо выявлять прежде, чем они подмяли под себя русский штафф и начали играть свою игру. Умных всех на учебу, а кто в отказ, того за ворота... Но главное в отчете – число. Нашел одного недовольного – слабо работаешь. Нашел десять – молодец.

– А если не нашел?

– Спровоцируй. Устрой проверку на вшивость.

Я прямо в затылке почесал, вспоминая, сколько раз «молодые специалисты» при мне ругали пиндосов. Откровенные русские ребята. А ведь есть среди них и такие, кто в курилке

запросто толчется. Чего бы не почесать языки при господине инженере, если он из нашей школы? Свой в доску парень, мы с ним в футбол играем по выходным... И вроде бы нехорошо, когда инженерный штафф ошивается в рабочей курилке, это уже на самом пределе корпоративной этики. Только у нас на такие мелочи всегда клали: дружба важнее, мы ведь русские. И пиндосы смотрели сквозь пальцы, терпели местный колорит. Ну-ну... Вот зачем они его терпели... Как интересно...

– Знаешь, какая гонка за показателями идет? Стахановское движение рядом не стояло. Чего там получали ваши передовики – квартиры, машины, ордена... А тут на карте власть. Реальная власть. Много сдал – быстро продвинулся. Кого обогнал, того и будешь нагибать потом. Хороший менеджер не обязан быть хорошим инженером, это дело десятое. Главное – он умеет работать со штаффом! А главное в работе со штаффом – выявлять неправильный штафф. Которого на заводе, как нарочно, до фига и больше...

– Тогда почему нас не гонят пачками?

– Во-первых, гонят, только не «без объяснения», а вежливо. Сам знаешь, как это делается...

Ну, знаю. Перед рамкой металлоискателя на выходе из цеха всегда руки в карманы сую. Это уже вроде инстинкта. Но я-то ветеран, «олдскул», так сказать. А молодые, у кого рефлекс не наработан, залетают. Сунут ему незаметно в карман тоненькую детальку, он и зазвенел. После чего следует ласковый совет написать заявление «по собственному» и придумать для народа уважительную причину. И не дай бог проболтаться – засудят ведь. Поэтому никто не проболтался еще. Мы только по косвенным признакам догадываемся, что человека подставили. А уж вычислить, какая падла исполнила заказ, почти нереально. И ведь она совсем рядом, эта ловкая падла, но поди ее поймай за руку, если она под опекой службы безопасности или вообще подчиняется напрямую кадровику. Ты ей руку ломаешь, а она тебе голову откусит...

– Во-вторых, какое-то количество раздолбаев и клоунов – нужно. Они стабилизируют коллектив. Но клоуны тоже есть разные. Ты, например, злой клоун и со всякими идеями. А Малахов – добрый и безыдейный. Поэтому Малахов тут будет всегда, а тебя собирались выпереть еще года два назад, когда ты в последний раз отказался пойти учиться...

– И чего не выперли? – тупо спрашиваю.

– Без понятия. И даже не знаю, у кого уточнить.

– А кто... Про меня?..

– Тру.

У меня под черепом аж зашевелилось что-то. Мария Трушкина, Мисс Города, обладательница дареного красного цитруса и лучших ног правого берега, а может, и левого. Хотя на левом есть Джейн, так что я бы сам с собой на эту тему подискутировал.

– Она трахается с кем-то из пиндосов, и тот разоткровенничался.

– Нашла с кем! А ты?..

– Ну, у меня с ней тоже... было.

– Как вы так можете, а, ребята?

– Было, – говорит Кен. – Сейчас нет. Но мы в хороших отношениях. Она ведь замечательная.

– Угу, только с пиндосом спит.

– Слушай, оставь ты этот великорусский шовинизм. Пиндосы разные бывают. И вообще... Два часа назад она прибежала и вывалила на меня кучу имен. Ей, видите ли, надо было понять, что тут правда, что неправда и возможна ли «программа лояльности» в принципе.

– Не узнаю Тру, чего это с ней? Она же болтушка знаменитая. Что слыхала Тру – услышит весь город немедленно.

– Ты забыл, у нее с нашей пиар-службой война нервов? Может, задумала их слегка припугнуть. Может, ей красный цитрус надоел и она в следующем году белый хочет... Не знаю, да мне и наплевать. Меня чуть не стошнило, и она это видела. А потом я прямо у нее на глазах связался с отцом и начал его трясти. И в общем и целом... он подтвердил. Он даже сказал, чтобы я попусту не волновался, представляешь?!

– Ну и не волнуйся...

– Мишка, но это ведь кошмар какой-то.

– Хорошо, – говорю, – теперь объясни мне, тугодуму, чем это все так ужасно.

И тут же в общем и целом догадался сам.

Просто взял и поставил себя на место Кена.

Пиво, конечно, помогло – так бы я не справился.

А тут я забыл на минуточку о своей тормознутости, начал привычно мыслить картинками: вот наш цех, веддинг-посты, мимо спешит молодой специалист с планшетом в руке, на него таращится издала камера слежения, и кто-то следит за ним сквозь тонированное окно под потолком... И я все увидел.

Увидел человека, который под прицелом каждую секунду – и знает об этом, и понимает, как это важно: правильно вести себя под прицелом.

Честно, стало жутковато. Говорят, при Дональде такой фигни не было, тогда пахали не за страх, а за совесть. Ну ведь Дональд и для своего времени был динозавр навроде мамонта, эксперт по прошибанию любой стены рогами. А нынче стенобитная эпоха кончена и ценится другая польза: талант просачиваться. Время ленточных глистов.

Чтобы выбиться на производстве в начальники, стучать надо, это общеизвестно. Хотя бы потому, что твои начальники сами по молодости стучали и они тебе не позволят остаться чистеньким, а то им будет обидно.

Нам, простым сборщикам, такая ситуация неприятна, но терпима. Нас много, мы закладывая своих не обязаны, стучат на конвейере энтузиасты этого дела и принципиальные карьеристы, а главное, у рабочего класса есть общий противник – начальство в целом, начиная с мастеров и выше. Они нагибают нас, мы плюем на них. Рядом и как бы сбоку живет инженерный штафф – маленькая, тесно сплоченная команда, нагибает которую уже конкретно дирекция. Вроде бы то же самое, просто масштаб другой. И Кен, набравшись на конвейере простецких рабочих понятий, с этими понятиями в ту команду вперся. И давай, значит, усердно надзирать за эффективностью. Под мудрым руководством исключительно тупого пиндоса, который у нас заведует «отделом культуры», и оплодотворяющим влиянием безобидного идиота Роя Калиновски. Идеальная ситуация для того, кто умеет быть дипломатичным и не любит вкалывать. Но только не для Маклелланда, испорченного пролетариатом.

Кен быстро смекнул, что долбаная эффективность – фикция, весь отдел страдает фигней на рабочем месте, а симпатия Рой, целый помощник директора с такой зарплатой, что мог бы каждый месяц цитрусы менять, – даже фигней не страдает, просто ходит и улыбается. Я помню, какие были у Кена глаза, когда он поделился с нами этим откровением. И как мы с Михалычем ржали, а Кен не понимал и дулся. Ей-богу, лучше бы он остался с нами на конвейере. Или поглядел внимательней на Джейн, которая на заводе отнюдь не страдала фигней, но все равно достигла крайней степени просветления. Завод обламывает, дорогой товарищ, завод обламывает! Ты просто мало еще поработал...

И он еще поработал и вроде бы чего-то осознал. И сделал вывод, что надо быстрее продвигаться вверх – тогда он изменит систему к лучшему. А тем временем у него под носом шел заводской чемпионат по художественному стуку для инженерного штаффа легкой весовой категории. И это было действительно важно для продвижения вверх. А все остальное – такая же, по большому счету, фигня, как долбаная эффективность.

И выходит, что ничего Кен не осознал. Ничего не понял. Кен был в системе и как бы вне ее: играл по правилам, которые давно отменили. А кто играл по новым – далеко его обставил. И вот самое плохое: новые правила неприемлемы для порядочного человека. Как бы он ни ломал себя, пытаясь к ним примениться, его песенка спета. Гадом быть – не только искусство, а еще и состояние души; научиться жрать людей на производстве – мало для победы, надо по-настоящему хотеть сырого мяса. И окажись я на месте Кена, меня бы не очень волновало, что по новым правилам мне заранее выписан технический проигрыш.

Меня бы волновало, что все ужасно и ничего не сделаешь.

Черт побери, а ведь много лет назад я от кого-то слышал... Кто же мне говорил... Что все так и будет... Кто?! Про Кена в розовых очках. Про то, как мне душно покажется в этой гнилой системе, где сделать ничего нельзя.

Мы сидели на берегу реки, прямо как сейчас.

И она сказала: не кидайте бутылки в реку.

Джейн.

Спасибо, Женька, что предупредила – и я в систему не полез. А Кен полез – и все сбылось в точности, глупо и нелепо, и бессмысленно до отвращения.

В общем, я его понял.

– Но ведь это и правда ужасно! – хриплым шепотом выкрикнул Кен. – В конце года подведут итоги – и мы увидим, кто из наших самые крутые стукачи. Повысят не тех, кто хорошо работал, а тех, кто заложил больше народу! И мы ничего не сможем, ни-че-го...

– Стонать только не надо, пожалуйста.

Кен перестал ныть и сказал очень спокойно:

– Если о «программе лояльности» узнают, город взорвется.

– Чего-о?! Как бы не так. Плунут и забудут. Эка невидаль! Никто и не ждал от пиндосов ничего доброго.

– От пиндосов – не ждал. А от своих? От наших ребят? А?

Я только плечами пожал.

– Кен, старина, когда же ты привыкнешь к тому, до какой степени у нас не любят начальников... И тех, кто рвется в начальники. Молодые специалисты, значит? Все понятно с ними. Скажут, эти парни всегда были с гнильцой. Сразу припомнят, как они в детстве кошек мучили. И нет проблемы. Психологи зовут это вытеснением. Неприятные люди будут вы-тес-не-ны. Они никакие не «наши ребята», мы их терпеть не могли, мы их били каждый день и отнимали конфеты. Потому что они всегда были плохие. А мы хорошие.

Кен все еще глядел недоверчиво, и я, добрый человек, решил его доубедить до посинения.

– Ты примерь это на себя. Ты ведь кое-что прочувствовал на своей шкуре. Сейчас к тебе цепляются иногда – совершенно ни за что, просто от нелепой обиды. Форменный детский сад: ты, говорят, перешел на другую сторону Силы. Ну дураки они, прости их... Но представь, как у этих дураков мозги закипят, если папаша Маклелланд тряхнет стариной, выкрутит руки кому надо, и по итогам года внезапно повысят не кого-нибудь, а тебя. Не лучшего стукача «отдела культуры», а четкого парня Кена. Хотя бы до старшего менеджера, или кто у вас там...

Тут его прямо заколотило всего. Представил, значит, хорошо, до самых пяток.

– Что подумают о тебе пиндосы – неважно. Ты прикинь, что скажет всякая русская сволочь, когда начнет вытеснять твой светлый образ из памяти. Народ мы великий, у нас всего много, и сволочей... На тебя хватит! Та-а-кое дерьмо всплывет... И вытеснит тебя к едрене бабушке в пять минут!

Я и забыл, до чего Кен сентиментальный, а у него руки дрожали, когда он следующую банку открывал, пришлось отнять и помочь. Строго говоря, не с его обостренным чувством

справедливости работать на производстве, где человек – только винтик, функция, придаток робота и поэтому ценится дешевле разных гаек и болтов. Это у вас по учебнику рабочий – инструмент познания и калибровки линии. А у нас по жизни он расходный материал. Теперь выясняется, что инженер – такой же расходник. Вот тебе и вся культура производства. Вот тебе и корпоративная этика. Впору бы позлорадствовать, только над кем, не над друзьями ведь. Мне достаточно вспомнить, как сурово запиндосило одну красивую девушку с левого берега реки.

Я не хотел ее видеть такой. А она – была.

Поэтому я злорадствовать не стал, а подумал и добавил:

– И потом – если Тру не проболтается, тогда кто?.. Никто.

Он выпил, отдышался, утерся рукавом дорогого пиджака – галстук потерял, наверное, – и говорит:

– Допустим, я. Потому что нельзя так развращать людей!

Ну-у, начинается, думаю. Узнаю Кеннета Маклелланда в той фазе опьянения, когда ему обидно, что пиндосы не хотят строить космодромы. Это пройдет, конечно. Но сначала он из меня стакан русской крови высосет.

А с другой стороны – куда ему идти? К психологу? С психологом не выпьешь на берегу реки, швыряя пустые банки в воду и разглашая направо-налево тайны огромной транснациональной компании.

– Кен, очнись! У нас ста лет не прошло, как эти самые неразвращенные люди, строители коммунизма, писали друг на друга доносы ради комнаты в коммуналке. Ты можешь кричать о «программе» на всех перекрестках. Город только посмеется. Городу наплевать, заводу наплевать, всем наплевать. Ты плохо учил историю России.

– То есть тебе наплевать, что ребята из нашей школы тебя закладывают? – спрашивает Кен. – Вот эти сопляки, кого ты за шкуру таскал, когда они много себе позволяли? Или ровесники, с которыми мы в футбол рубились? Друзья наши, наконец? Те, кого мы всю жизнь знаем? С кем вместе на конвейер пришли и на соседних постах стояли?

– А я разве не умею это вытеснять? Еще как умею. Да, мне наплевать. Абсолютно. Я тебе больше скажу. Мне фиолетово и даже сиренево, что кое-кто из наших знакомых служит в дорожной полиции!

Кен смотрит на меня как-то странно. И тут я ляпнул:

– А ведь ты счастливый, Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов. Ты так и не завел врагов. И не хочешь, чтобы они у тебя были. Тебе больно, когда люди оказываются дерьмом. Хороший ты парень, Кен.

– Да, больно, – говорит Кен с такой тоской в голосе, что меня аж передернуло. – А насчет врагов... Не беспокойся, врагов хватает. Только плыть мне с ними вместе по одной реке...

Хлопнул меня по плечу и ушел, оставив в недоумении.

Все-таки серьезные разговоры о чести, совести и предательстве, гордости и предубеждении, королях и капусте надо на трезвую голову вести.

Оно, конечно, натрезвя страшнее, зато понятнее.

* * *

Никуда мы, протрезвев, не уволились – и тут же вляпались. Натуральная полоса неудач. Заводской конкурс на лучший плакат-мотиватор для русского стаффа я игнорировал. Все ждали, что «Мишка им сейчас нарисует», а я сказал: да ну, не моя специфика, разучился давно...

Не рисовать же завод, каким я его видел на тот момент – в гробу. У меня тут друзья погибают практически, ничего себе мотивация. Кен совсем потух, Джейн окончательно замерзла, один Михалыч еще слабо теплится, и на том спасибо.

Победила в конкурсе наглая копия плаката полувековой давности, слегка подправленная фотошопом. Одухотворенные работяги и надпись «Эффективность – это красота». Именно так, с одной «ф». Судили конкурс пиндосы, и мотиватор их восхищал. Зацепил, наверное, генетическую память о том, как их деды с такими же простыми открытыми лицами клепали небоскребы громадными заклепками. Но, зная уже за русским штаффом некую шаловливую креативность, пиндосы вызвали на экспертизу наших из пиар-службы. А то мало ли.

Пиарщики репу почесали, и у них тоже проснулась генетическая память. Они полезли в Интернет и очень быстро нашли оригинал: это была, оказывается, афиша культового фильма. Господа начальники обиделись и почуяли недоброе – нюх на провокацию у пиндосов отменный. Увеличили картинку, изучили пристально и нашли у одного персонажа сомнительные точки на пальцах. Вывели в полный размер (плакат-победитель обещали распечатать и по всему конвейеру развесить), а у рабочего на руке едва заметная татуировка: FUCK USA. Вскрыли конверт с личными данными автора и увидели, что у этого террориста подлого ни заводской должности, ни специальности, ни даже электронного адреса нету, зато есть имя редкое: Янки Гоу Хоум.

Поднялся жуткий крик, Пападакис нервно закурил, а меня опять вызывали к кадровику.

– Я не мог сделать такую ошибку в слове «эффективность». Даже нарочно.

– А кто может?!

– Да кто угодно!

– Ну, Михаил Сергеевич, вы довыпендриваетесь! Это я вам официально говорю!

– Да идите вы все...

В курилке спрашивают: ну, че? И тут я сплеховал при всем честном народе, включая тим-лидера и кое-какой инженерный штафф. От обиды, видимо, что заподозрили в неграмотности. Среди художников полно двоечников, это как бы почти норма, а у меня за выпускное сочинение оценка девять-девять. Образ Печорина самую малость недораскрыл – коленвал ему в душло, мальчику-мажору, – и одна запятая лишняя.

Месть моя, говорю, будет ужасна. Вот уволимся мы с Михалычем, и первое, что сделаем, – выкрасим мой цитрус в лимонный цвет. Потом напишем на борту «STRIT RASING» (сахар по столу рассыпал и пальцем нарисовал, чтобы понятно было). Подгоним машину к проходной и забьемся со всеми желающими на бутылку – что случится с мистером Джозефом Пападакисом, когда он увидит этот шедевр дизайна и грамматики: просто обморок или вообще отброс копыт?

– Два цитруса покрасим, мой тоже, – говорит Михалыч. – Это гарантирует обширный инфаркт миокарда, и мы всех уделаем.

У Мишеньки нашего мама доктор, и он знает всякие слова, просто редко их говорит – потому что скромный очень.

Вот же оболтусы, сказала Джейн, ну когда у вас это детство в заднице пройдет? Скучно мне с вами, мальчики, сколько лет вас знаю, а вы все не меняетесь.

Да куда уж нам, говорю. Люди мы дремучие, живем в лесу, молимся колесу. Только спорим, подруга, я скоро приеду к тебе на желтом цитрусе? Поедем, красотка, кататься?

Публика в курилке аплодирует, публике смешно. А между нами с Джейн такая высоковольтная дуга образовалась, вот-вот паленым запахнет.

– Кретин, – сказала Джейн. Лениво сказала, без обиды, без раздражения, просто констатировала факт.

Ну какой я тебе кретин, дорогая, кретин – это тот же дурак, только с высшим образованием, а у меня всего один курс...

А она уже уходила, такой я ее и запомнил – со спины. Кудрявый затылок, прямые плечи, восхитительная линия бедра и лучшие ноги левого берега, а может, и города.

И последнее ее слово было именно это – кретин.

А завтра в обеденный перерыв возникает у нашего столика Вася-Профсоюз и говорит весело:

– Приятного аппетита, Дарты Веддеры. Не узнал вас без черных шлемов, богатыми будете, гы-гы-гы...

Тонко пошутил, видите ли.

На заводе не принято сожалеть о том, что Вася – идиот. Всем понятно: на его месте лучше уж очевидный придурок, стыдоба, позорище и угробище, чем хитрая сволочь. Вася не хитрая и не сволочь. Просто действующая модель бездарности. Пиндосы на него не нарадуются, а рабочим – плевать. Одна беда: Вася своей бездарностью страсть как достает. Особенно когда шутит. Так и дал бы ему в ухо.

– Давно хотел спросить – если вы такие умные, чего же вы строим не ходите, бу-га-га!

Бригада сразу набычилась. Вспомнила, что мы – местная интеллигенция, и привычно изготавилась оскорблять, глумиться, издеваться, а также втаптывать в грязь человеческое достоинство. Мы себе цену знаем. У нас, Дартов Веддеров, общезаводской копирайт на дурацкие шутки про коэффициент интеллекта, которые тут не понимает никто, и продвинутые шутки про жопу, которые тем более никто не понимает. Мы не строим из себя умных, мы и есть умные, даже слишком умные для завода. И намеков на то, что могли бы поменьше козырять своей сообразительностью, не прощаем никому. Тем более – Васе, пиндосскому прихвостню. С чего это он осмелел нынче? До сих пор жалею, что компот ему за пазуху не вылил – постеснялся, а ведь можно было.

Мне в тот день все можно было, вот прямо с раннего утра. Согнуть манипулятор Железному Джону, написать в сортире «пиндосы дураки», наплевать в душу мастеру, да хоть наглотаться на рабочем месте разных гаек и болтов.

А я и не догадывался.

* * *

– Че те надо, защитник угнетенных? – спрашивает тим-лидер. – Нам нечего тебе пожертвовать, кроме своих цепей, можем отклепать пару метров на нужды профсоюзного движения.

– Да я на минуточку, – говорит Вася. – У меня к малевичу вашему пара слов. Миша! Сочувствую, что ты в конце квартала увольняешься. Не мог до Нового года дотерпеть? Мы же вас двоих планировали на поездку, на показательные выступления... Прямо скажу, здорово ты нас подставил!

И вроде должен я по закону жанра подавиться макаронами по-флотски. А в голове одна мысль: свободен. Я свободен. За меня все решили. Хорошо-то как. И выгоняют не резко, а гуманно, авось еще квартальный бонус получу.

Вася смотрит, ждет ответной реакции. Тут Михалыч, который тоже отнюдь не подавился, спокойно его спрашивает:

– А чего это – он подставил? Мы подставили. Оба подаем заявления. Сегодня. А ты не знал?

– Нет-нет, – Вася ему. – Ты не уходишь, нам с тобой еще работать и работать!

– Ты лучше исчезни, Василий Иванович, – произносит мой друг ласково – и ненароком сгибает вилку тремя пальцами. – Не тебе решать, с кем я работаю. А ТО Я, БЛИН, СЕЙЧАС КОМУ-ТО...

Красивый он был, Михалыч, в этот момент – загляденье. Одухотворенный, как работяги с советского плаката (честное слово, не я!!!...). Но все равно похож на большую мягкую игрушку.

– Ты лучше и правда исчезни, Василий Иванович, – говорит тим-лидер. – Покинь опасную зону. Не стой под стрелой.

Васю сдуло. Михалыч вилку разгибает, и мне:

– После смены – в кадры.

И давай жевать.

И бригада дружно утыкается носами в тарелки.

Только самый молодой, который еще на заводе не обвыкся, не осознал нашу специфику и местный колорит, глядит на всех недоуменно. Потом оборачивается ко мне и заявляет:

– И ты это так оставишь?.. Я бы на твоём месте уперся.

– Ты бы лучше на своём упирался, – советует ему тим-лидер. – Нашел, кого учить. Давай, жри. Забыл пословицу – когда я ем, я глух и нем?..

Все-таки не зря он учился на зоотехника: вроде бы ничего особенного не сказал, а молодой у него съезжился до зародыша слесаря-сборщика. Того и гляди в компоте утонет.

– А то действительно упрямся? – предлагаю. – Пусть выгоняют без объяснения, кинем им такую подляну. Если сегодня не подадим заявления – они сразу поймут. И вышвырнут нас завтра же, чтобы квартальные бонусы не платить. А я плевал на эти бонусы. Перебьюсь.

Тут вопрос принципиальный: если двоих ветеранов и чемпионов погонят вдруг «без объяснения причин», это, считай, знак качества нам обоим. И попутно шухер на весь завод. За нас, конечно, не заступятся, мы не маленькие Малаховы, да и времена уже не те. Ни за кого сейчас не пойдет на принцип славный трудовой коллектив. Но злоба вскипит изрядная, глядишь, и дубина народной войны поднимется. Может, еще кому «темную» устроят в узком коридоре. А то непорядок – один только Рой Калиновски поумнел и вежливый стал... Хотя чего на пиндосов силы тратить, вон у Василия Ивановича давно морда рихтовки просит.

– Не надейся, – говорит Михалыч. – Это не мы им, это они нам подляну кинут. Допустим, Железному Джону настройки собьют. И что тогда?..

– Известно что, – тим-лидер кивает. – Через неделю вас отсюда пинками выгонят. Коллеги ваши дорогие выгонят. Да я первый вас попрошу. Без малейшего стеснения. Ничего личного, сами понимаете...

Я сразу глаза опустил. Михалыч куда дольше меня работает и больше гадостей тут видел. Подставить нас с Джоном легко. Сегодня, завтра, послезавтра – небольшое вмешательство в настройки, каждый раз по-новому. Ремонтники бессильны: робот проверен, откалиброван, «мозги» опломбированы, в журнале – роспись мастера участка. Просто работа глючит, когда мы приходим. Разлюбил он вас, ребята, что ли, ха-ха-ха... И будут у нас затыки смена за сменой, короткие, но чувствительные для всех, пока не восстановим против себя целый конвейер. Народ будет знать, что нас подставляют, – и злиться, отчего мы такие упертые. На день хватит народа, на два, а потом терпелка лопнет. Ну показали характер, молодцы, но сколько можно?.. И уйдем мы с завода совсем не героями, а неприятными людьми с обостренным чувством собственного величия, которые нагадили не столько пиндосам, сколько трудовому коллективу.

– Намек понял, – говорю.

* * *

Никому не сказали ничего, а после смены как бы невзначай завернули в «кадры». Младший менеджер разыграл удивление и сожаление, но стандартная форма «по собственному» уже была распечатана. Только мы ее заполнили, открывается дверь кабинета, и зовет нас к себе завкадрами. Ну правильно, его виза нужна.

Кажется, он был поддатый. Уселся напротив нас, раскидал перед собой заявления по столу веером и загрузил. Подпер щеку рукой так, что физиономию перекосило, и выдал:

*Много лет стоял, как в книжке,
Я над пропастью во ржи.
Только все мои детишки
Ушли квасить в гаражи!*

И глядит прямо в глаза ласково-ласково. Понимающе глядит, зараза. Будто мы с ним заодно.

Я, конечно, тугодум и не стесняюсь этого. Но тут меня сразу к стулу пригвоздило. Неважно, куда ушли квасить подопечные кадровика, а у вашего покорного слуги ушла на секунду душа в пятки. Состояние – будто застучали в сортире с тщательно размятым и готовым к использованию Кодексом корпоративной этики.

В голове крутится историческое четверостишие про гайки и болты, которое любой заводской наизусть знает. Шутка ли, из-за этого дурацкого стишка конвейер встал и полдирекции выгнали... Тут размер тот же, ритм тот же. Что ты хочешь мне сказать, господин шеф отдела русского стаффа? Что сам замазан в том скандале по уши? И есть у тебя инфа, будто мы с Михалычем приняли в буче посильное участие? Да иди ты!.. Я-то стихов не сочиняю. И меня здесь не было, когда Кодекс принимали. И Михалыча, считай, не было – он еще кандидатом в учебном центре ошивался. Мы не при делах. Мы будем все отрицать. Ничего ты на нас не повесишь.

А потом... Мы же все равно увольняемся!

Что ты знаешь обо мне, начальник?.. И почему сейчас?.. Хочешь показать, что много лет нас с Михалычем защищал от пиндосов, а мы, дураки неблагодарные, допрыгались – налетели на увольнение? И тебе из-за этого очень горько? Так мы тебе не стучали, не подставляли никого по твоей указке, не гадили никому...

Или мы сами не понимали, кем были и что делали?!

И тут я приказал себе: не думай. Это не наши проблемы. Не понимали – и не хотим понимать. Кому-то очень важно, чтобы мы ушли с завода, унося с собой чувство вины? Подозрение, будто мы такая же дрянь, как и все? Фигушки. Идите вы к чертовой матери с вашими корпоративными играми! Делаете пакости друг другу втихомолку и радуетесь? Молодую смену тому же учите? Продолжайте, не вопрос. Только нас отпустите.

Мы в гаражи пойдём. Квасить!

Подбираю челюсть и говорю:

– Да вы поэт!

– А ты художник, – сообщает кадровик. – От слова «худо». Сколько раз я тебе говорил – не болтай? У меня где-то записано сколько. Надо поискать.

Лезет в стол, чем-то там звенит и булькает, достает толстенную папку. На обложке написано: «Промышленный шпионаж и электронная разведка. Пособие для слушателей третьего курса Академии...» – дальше я прочесть не успел. Окончательно выпал в осадок. Да и сам кадровик смотрит на папку в легком недоумении.

– Господи, как мне все это надоело, – говорит. – Раньше людей по-настоящему готовили. А теперь... Кто мне прислал эту муть? На рецензию, наверное... А кто автор?.. Как – я?! Зачем?!

Поднимает глаза к потолку. Мы с Михалычем сидим не дыша – ждем, пока кадровик очнется.

– Денег, что ли, пообещали? – думает он вслух. – А, точно, так оно и было. А это мне авторские прислали... Слушай, тебе не надо? Лежит, пол-ящика занимает...

Меня хватило лишь на то, чтобы головой помотать.

– Ну как хочешь, – говорит кадровик и сует папку обратно. – Не смею настаивать. А то по чуть-чуть?..

– Мы за рулем.

– Это правильно. Одобряю. Чего-то я хотел тебе сказать такое умное... Ах да. Не знаю, что ты помнишь, а вот я, например, помню, когда у нас тут было... много всего. А потом оно развалилось. И долго ничего не было, все в стране происходило как-то мимо города. Даже мост построили, и тот мимо... Власть меняется, жизнь меняется, а мы тут в берлоге лапу сосем... Дальше явились пиндосы и завод поставили. Не ради моего поколения, на нас и не рассчитывали, мы – прошлый век. Для вас они его поставили. И город, который снова зашевелился, на всю Россию прославился, даже обнаглел, – это ваш город. Он уже по новым понятиям живет. Но по большому счету, вы, молодые люди, кроме пиндосов ничего не видели. И вам, наверное, кажется, что если на заводе фигня творится, это так, местный колорит, пиндосские закидоны. А вокруг – огромная Россия, всюду наши, жизнь прекрасна и удивительна... Не надо иллюзий, ребята. Не надо иллюзий! А теперь, раз вы за рулем – желаю дальнейших успехов в труде и личной жизни!

На парковке Михалыч как-то странно посмотрел на свой цитрус (3-дв. хэтч, красный, 1,8 турбо, 225 л. с., механика, спортпакет, все электро, тюнинговать – только портить) и спросил:

– Что он хотел сказать? Что пиндосы – всюду?

И тут я замечаю: идет в нашу сторону, точнее, почти бежит Кен.

– Сам видишь, – говорю.

– Шутишь? Какой это пиндос, это же Кен!

– Ну вот, сам видишь.

– Кончай загадками говорить.

А я понимаю, что ничего не понимаю. Ничего в этой жизни не понимаю! Кен умный, Джейн целеустремленная, а я – что за человек? Недоразумение, а не человек. Вот меня и выкинули с завода, где я столько лет отпахал, словно кот, что мышей не ловит, – за шкирку.

И вроде бы надоел мне завод. А уходить больно. Чувство вины. Подозрение, что я дрянь. И, главное, ощущение дикой несправедливости того, что со мной сотворили.

И вдруг такая обида захлестнула, что я даже по цитрусу кулаком врезал, обидел любимую машину (3-дв. хэтч, красный, 1,8 атмосферник, 170 л. с., автомат, все электро, тюнинговать – только портить):

– Отстань!!! Сам не знаю!!!

А Кен глядит на нас круглыми глазами и бормочет:

– Да чего вы, ребята... Ну... Это же не трагедия.

Вот именно. Комедия.

* * *

Дальше все закрутилось слишком быстро, чтобы кто-то успел спокойно поразмыслить и решить, как правильно себя вести. Люди действовали по большей части даже не инстинк-

тивно, а рефлекторно. Поэтому, кто бы что теперь ни говорил, я считаю – виноватых нет. С рефлексом не поспоришь. Увидел добычу, пустил слюну, побежал наперехват.

И уж совсем как динозавры поступили мы с Михалычем. Если бы мы даже хотели анализировать и сопоставлять, все равно думать было не о чем – информация к нам в гараж поступала крайне сбивчивая. Опираясь пришлось на те же самые рефлексы. Увидел добычу – «и так далее», как говорил классик...

У компании было на тот момент два завода в России, один в Центре, другой на Дальнем Востоке. Мы с «восточными» находились в состоянии перманентной гонки – кто кого перепиндосит. Выше показатели, выше знамя соревнования, выше уровень сознательности, и все такое прочее. Но если отбросить шелуху, любой косяк «востока» нами, простыми сборщиками, воспринимался очень нервно – и наоборот. Есть престиж марки, который ронять нехорошо в принципе; есть престиж отдельного завода, за который мы кого хочешь порвем и сами разорвемся; но есть еще и такая болезненная штука – престиж национального филиала. Начнутся рекламации из-за «центральной» сборки – «восток», конечно, производится над нами в Интернете, напишет гадостей, но заметно будет, до чего ребятам обидно: мы ведь страну подставили.

А тут «восток» пролетел, да так, что от стыда хоть зарежься. У них китайский поставщик решил «оптимизировать схему» электроусилителя рулевого управления. Нашел в схеме нечто лишнее с точки зрения своего вороватого национального менталитета – тиристор, резистор, да черт знает, хоть дроссель, хрен редьки не слаще. И со словами «Соппротивление – бесполезно!» оптимизировал этот несчастный транзистор, то есть сэкономил его, то есть выкинул, заменив провололочкой, именуемой в народе «соплей». Будь «сопля» не провололочкой, а проводочком или будь китайская пайка чуток посолиднее, никто бы ничего и не заметил – мы же получаем узел в сборе и выборочно тестируем.

Привела китайская экономия к тому, что лет пять-шесть «сопля» держалась бодрячком, а потом уставала, и контакт время от времени пропадал. И очень изредка (спасибо большое) только в крайнем левом положении руля (прямо скажем, повезло), примерно каждый тысячный (счастье-то какое) усилитель внезапно делал «право на борт» со всей своей электрической дури. Пальцы людям выбивало только так. И машину разбивало обо все, что подвернется. Слава богу, на большой скорости никто руль до упора не переключивает, поэтому бились люди не в хлам. Но автомобилей потом боялись долго, любых, а от цитрусов – кидались с воплями. Ждали, что сейчас напрыгнет.

И ладно бы компания покупала усилители на стороне, как мы берем, например, АБС у бошей. Тогда хоть можно ткнуть пальцем в поставщика и перевести стрелки. Сказать: мы, конечно, виноваты, но поглядите на него, он вообще убивец и душегуб, клялся-божился продать нам вещь, а продал фигню какую-то. Но случилось страшное: разработчик и производитель этих самых усилителей был нашей компанией, что называется, дружественно поглощен. Купили мы его со всеми потрохами по всему миру. И бывшая его фабрика, где орудовали хитрые китайские оптимизаторы, со дня на день ложилась под наш бренд. Мы уже готовились запиндосить там всех по стойке «смирно», научить Кодексу корпоративной этики и пожаловать им какого-нибудь облезлого пападакиса с барского плеча.

Наконец, в проекте усилителя крепко отметился инженерный центр компании. Допрыгались: где ни ищи виноватого, а всюду наши. Вот вам и глобализация экономики: не на кого надеяться в трудную минуту.

Покупателю эти тонкости вовсе до фонаря, и он абсолютно прав – и по закону, и по общечеловеческим понятиям. Кто машину сделал, тот и отвечает за всю ее начинку, вплоть до последней гаечки от всемирно известной мухосранской артели инвалидов по нарезке гаек не в ту сторону. Покупатель не обязан и не должен в принципе знать, что занюханная артель есть на свете. Он не гайки у нее берет, а машину у нас. И если цитрус вдруг проявил склон-

ность к суициду, шарахаться люди будут не от неведомой китайской фигни, а от конкретного цитруса. И матом ругать – того, кто его сделал.

Но нашим было, мягко говоря, очень интересно, кто же так накосячил, где он сидит и как его фамилия. Всем интересно, до последнего дворника, если тот ходил в форме с логотипом компании. А уж сборщикам до чего интересно – не описать словами.

Как только первая инфа о несанкционированных выкрутасах прошла по Интернету, штаб-квартира выступила с опровержением: да вы че вообще, такого быть не может, это черный пиар! Это оплаченная не-скажем-кем кампания по дискредитации конкурента. Понимаем трудности не-скажем-кого, но кто так делает, стыдно должно быть! Люди ведь пугаются! Требуем от полиции всех клеветников поймать и сурово наказать!

А сами, естественно, хватить китайцев железной рукой за электроусилитель – не размываясь на мелочи, сразу на уровне партии и правительства. И давай крутить из крайнего левого в крайнее правое. Мол, у вас, ребята, за такое не расстреливают, нет? А напрасно. Можно и начать. Вдруг пойдет на пользу...

Говорю «наши» чисто по привычке – мы ведь следили за всей катавасией уже из гаража. Но переживали так, будто все еще стоим на вединге и за каждый русский цитрус отвечаем. За свой, за «восточный», без разницы.

С усилителями разобрались, и «центр» вздохнул с некоторым облегчением – к нам эта китайская военная хитрость не поступала никогда, у нас русский поставщик. Информация по заводу распространялась шепотом, под страхом жестокого мордобития, если кто сболтнет. Да никто и не собирался такое позорище сливать в Интернет. Стыдно же. А официально – вообще ничего не произошло.

Компания твердо стояла на том, что ее оклеветали. И в то же время начала отзыв цитрусов «в целях заботы о потребителе». Сразу по всему миру и сразу всех машин, независимо от возраста и места сборки – чтобы никто больше ничего не боялся. Приезжайте на сервис, вам протестируют усилитель, а если очень страшно – бесплатно заменят.

Мы такой заботы о потребителе не поняли: это было чересчур даже для пиндосов. Пиндосы, с одной стороны, над потребителем тряслись, а с другой – готовы были удавиться за копейку, если она умножается на сто тысяч машин. В этом смысл пиндосской модели бизнеса – внимательно отслеживать движение копеек и отсекал все лишнее в свою пользу. Китайцы просто довели схему до абсурда, внося в нее чисто восточный элемент «авось пронесет нелегкая». Пиндосы так не делали. Скрипя зубами, жертвовали копейками ради надежности и стабильности. А тут – аттракцион неслыханной щедрости. Ведь точно известно, какие именно цитрусы потенциально опасны, – вот и отзывай их потихоньку, а все-то зачем? Хотя, конечно, если люди начинают бояться машин, никакая щедрость не лишняя...

И в самый разгар отзывной кампании – бац! Делает «право руля» подержанный цитрус модного в определенных кругах поэта и музыканта Ивана Московского. Для меня лично – хоть бы этот Ваня помер во младенчестве, век бы его не слышать. Наш кадровик против него был Пушкин. Увы, означенный Ваня не помер, а вырос идиотом, начал сочинять и петь, заработал денег еще не на «Мерседес», но уже на цитрус-пятилетку, крутанул баранку до упора влево на парковке – хрясь! – и въехал точнехонько в коллекционный «Феррари». В Москве это просто. Там и в «Бугатти» воткнуться можно, если ты совсем невезучий.

Аварийный комиссар зафиксировал VIN, а поскольку авария вышла шумная и вокруг Вани крутились репортеры, номерок у комиссара подсмотрели. Щелкнули через плечо, так, на всякий случай. Этот самый «вин» – рудимент прежней эпохи и давно уже никого не волнует, кроме сервисменов, потому что в нем зашифрована комплектуха, но для журналистов лишних подробностей не бывает.

Сам музыкант Ваня, ошалев от такого пиара, смог выговорить на камеру только одну фразу:

– Я это... А она – о-па! Бац! Бли-ин... А у меня завтра концерт! Все приходите!

Заметно было, что музыканту совсем не до концерта и домой он поедет только на метро, фиг ты его теперь в такси посадишь, а то вдруг оно тоже – о-па! И бац. И в блин.

А машинка у Вани, когда ее «пробили по вину», оказалась просто загляденье: обслуживалась строго на официальном сервисе, пять лет бегала как заводная, радуя хозяев, никогда серьезно не билась и не чинилась, все узлы – родные. И усилитель родной, конечно. Только одна неувязочка.

Цитрус был «центральной» сборки.

На заводе остановился конвейер.

* * *

Я сам две тысячи пятого года, и что такое полностью анонимный Интернет, знаю только по анекдотам, да еще из рассказов старших, конечно. Мы уже получали вместе с паспортами электронную подпись и личные номера. Поэтому когда компания возмутилась «черным пиаром», объявив его враньем, а потом на этом вранье никого не поймали, я удивился. Нынче врать себе дороже. Теперь черный пиар именно что черный пиар, в классическом его понимании: ты раскопал неприятную правду – и выложил ее в сеть. И за правду готов ответить – либо сдать того, кто тебя обманул. С нашими законами о клевете, разжигании вражды к кому угодно и прочем экстремизме не особенно забалуешь. Выловят, ославят на всю страну, посадят. И поделом, я считаю.

Потому что обманывать нехорошо. Нас этому учили в школе, и учили крепко. Правило такое было: лучше промолчать, чем соврать, и лучше сказать правду, чем промолчать.

А сейчас кто-то кому-то бессовестно врал.

Именно так рассудили сборщики, когда с утра пораньше не встали по местам, а гурьбой двинулись смотреть, какие у нас усилители. Потом они взяли за шкуру Васю-Профсоюза, чтобы было кем прикрыться, и полезли на склад. Дальше они здорово напугали отдел техконтроля. Наконец, захотели увидеть документы по «движению» злосчастных узлов – откуда, когда, куда, – вдруг к нам все-таки «китайцы» заезжали погостить случайно пять лет назад. Поскольку кое-кто из русского менеджмента успел с утра пораньше схлопотать в ухо, документацию для работяг просто сперли.

Китаем у нас даже не пахло. На нашем конвейере его не было отродясь и быть не могло, ни пять лет назад, ни шесть, ни вообще. Убедившись в этом, толпа, достигшая уже размеров угрожающих, снова вломилась в техконтроль, подавив вялое сопротивление охраны.

Техконтроль сильно обиделся. Он заявил, что готов воткнуть себе усилитель хоть в то место, через которое русские достают шляпу из кролика, – узел работает безупречно. Будучи обложен нехорошими словами, техконтроль выругался ответно – и при всем честном народе первый попавшийся усилитель разобрал. Именно в этот момент сквозь толпу проломился мистер Джозеф Пападакис собственной персоной, один, без привычной свиты. И тоже установился в электрические потроха. Может, надеялся увидеть там «соплю» или отвалившуюся плату. А может, рабочие инстинкты проснулись временно. Свой годик на сборке Пападакис когда-то честно оттрубил.

Усилитель был красавец, продукт высоких технологий, хоть на выставку достижений народного хозяйства. Крутить – и никаких соплей.

– Сука, – сказал усилителю мистер Джозеф Пападакис и так этим всех ошарашил, что ему дали повернуться и уйти.

Потом заорали, конечно: «стой», «держи», «лови пиндоса, он что-то знает». Но того уже и след простыл. А на пути к дирекции ощетилилась дубинками и шокерами охрана.

– Спокойно, ребята, – сказали народу. – Не забудьте – нас бить нельзя, это противозаконно. Или вызываем полицию. Ее бить совсем нельзя.

– Не очень-то и хотелось, – ответил народ. И побежал в раздевалку за телефонами – звонить в город.

Город отозвался мигом. Поэтому народ вел себя миролюбиво – легко ушел из цехов, позволил охране запереть проходную: куда пиндосы денутся, когда все наши подтянутся? Да никуда. Тут-то мы и спросим: это что за фак, ребята? И попробуй не ответь.

Народ понимал, что пиндосы его надувают, но хоть убей, не видел, как именно. Народ сломал всю голову, прикидывая, откуда в нашу машину просочился дефектный узел, если его не меняли. Ясно было одно: на усилителях пиндосы капитально прокололись, но это только повод задуматься, где спрятан главный подвох.

К обеду на завод подкатила вторая смена, следом приехали «бывшие», а за ними приперлись сочувствующие – фактически вокруг толпилось все Левобережье.

Русский менеджмент к тому моменту как ветром сдуло, разбежались – не найдешь. Драпанули задами, через грузовые ворота. В толпе, быстро растекавшейся по периметру завода – «чтобы ни одна гнида пиндосская не утекла», – не нашлось никого выше тим-лидера, не было даже мастеров.

Пиндосы забаррикадировались в дирекции. Из местных, кому полагалось по штату сидеть там же, удрали даже секретарши, не боясь ни наказания, ни увольнения. Почему-то задержалась на заводе только русская часть пиар-службы. Их не считали за людей – так, дармоеды. А они взяли и вышли к людям: несколько девчонок разных мутных профессий и рекламщик. Толпа взъярилась, и тут парень бухнулся народу в ноги: не велите казнить, велите слово молвить. Ничего не знаем. Ни-че-го. От нас пиндосы все секретили. И вообще мы с вами.

Парень был настолько искренен – рекламщик все-таки, зараза, – что ему поверили. Девчонки быстро исчезли по домам, а этот остался и уже через несколько минут с кем-то подрался, доказывая, что хотя и не рабочий, а имеет право тут стоять и требовать от пиндосов объяснений. Драку растащила охрана. Она уже ничего не охраняла, кроме проходной, беспрепятственно шлялась в толпе, вместе со всеми ругала пиндосов и старалась только пресечь кровопролитие.

Толпа передавала из рук в руки Васю-Профсоюза, но тот ничего не знал и ничего не понимал. Вдобавок он уже ничего не соображал, только бормотал как заведенный – не бейте, не бейте... Да его и не побили толком, он просто малость сдвинулся от страха. Приехал шеф полиции и спас его. Брезгливо оглядел и погрузил в «Скорую». После чего поднялся на крыльцо и рявкнул:

– Кто главный?! Подходи, не бойся!

Из толпы шагнул маленький слесарь Малахов. На этот раз без табуретки.

– Опять вы, Малахов, – сказал полицеймейстер. – Чуть что, сразу вы. Каждой бочке затычка. Вам, наверное, больше всех надо. Интересно почему.

– Как я буду делать машины, если я не могу за них отвечать? – спросил Малахов.

– Не понял, – признался полицеймейстер.

– Номера не совпадают, – просто сказал Малахов. – У вас на цитрусе какой «вин»?

– Наш, конечно, – полицеймейстер вытащил бумажник.

Бумажник был очень толстый, он долго в нем копался, наконец добыл техпаспорт и показал слесарю.

– Та-ак... Машина сделана для России. Собрана тут. Может, я ее и делал... – бормотал Малахов, читая цифры.

– Спасибо большое, что теперь, расцеловать тебя во всю задницу?

– Нет, позвонить на сервис, – Малахов достал телефон. – Алло! Привет. Слушай, пробей еще номерочек. Очень надо. Очень просит человек. Я понимаю, что тебе надоело...

Он продиктовал цифры «вина», толпа затихла.

– Поздравляю, – сказал Малахов, возвращая техпаспорт владельцу. – У вас цитрус турецкий.

– Чего-о?..

– По «вину» цитрус наш, зуб даю, да вам тут любой подтвердит, мы собирали эту машину. Только по базе сервиса «вин» проходит уже как турецкий. У меня цитрус – кореец. А у Васи-Профсоюза вообще китаец! Да ладно, тут и африканцы есть...

– У меня, у меня! – крикнули из толпы. – У меня черножопая! Привет из Йоханнесбурга!

Полицмейстер сдвинул фуражку на нос и почесал в затылке.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – спросил он недовольно.

Видно было, что ему не нравится ездить на турецком цитрусе. Вот уже целых полминуты не нравится. Прямо как узнал – с тех пор и недоволен.

А вы думали?.. Полицая, да и всем, кто сейчас толпился у проходной, много лет долбили в мозг, что Родина «встает с колен», а она не вставала и не вставала. Только воровала сама у себя и выгоняла за границу тех, кто совсем заворовался. Изредка сажала тех, кто воровал не по понятиям... А потом у нас в городе – встала. И народ понял, как это делается, осознал технологию. И возгордился, конечно, что этой технологией овладел. Возгордился со всеми прилагающимися спецэффектами вроде надувания щек и «наше – значит, отличное».

Наверное, так и должно быть.

Если цитрусы одинаковой комплектации прошли выходной контроль, они идентичны, что наш, что «восточный», что африканский. Да так и есть, в общем... Но если завод у тебя под боком, ты узнаешь однажды: внутри фирмы качество сборки очень даже различают и твоих земляков ставят всем в пример. А поскольку на сервисе тоже сидят наши, рано или поздно информация просочится: «востоки» начинают сыпаться чуть раньше, чем «центры». А турки и корейцы сыплются чаще. Самую малость, но все-таки.

И ты гордишься земляками и счастлив ездить на лучшем в мире цитрусе.

И вдруг такой облом.

– Мы одно понимаем, – сказал Малахов. – Пиндосы чего-то намухлевали.

– Были наши машины, стали чужие! – донеслось из толпы. – А чужие – как бы наши. А нам чужих не надо! Так, мужики?!

– Точно! – отозвался трудовой народ.

– А собственно, вам не все ли равно? – задумался полицмейстер.

– А давай раскрываемость по губернии плюсанем – и в равных долях обратно поделим, – подсказал кто-то из охраны. – Вы же все менты, все общее дело делаете!

– Сам ты мент! Уволился, хорошо тебе, вот и не наглей! – полицмейстер снова почесал в затылке.

– Наша сборка – лучшая, – заявил Малахов. – Это все знают. И фуфла китайского мы в машину не сует. Это тоже все знают...

Он огляделся, прикидывая, куда бы влезть повыше, чтобы толкнуть речь.

Тут в задних рядах кто-то крикнул:

– Чурки едут!!!

Толпа замерла, как громом пораженная.

– Жена звонила! – надрывался голос в задних рядах. Над головами поднялась рука с телефоном, будто в доказательство. – В магазине слышала – едут сюда две смены чурок! Пиндосы вызвали штрек... штрек...

– ШРЕКБРЕХЕРОВ! – взревел, аки матюгальник иерихонский, наш полицмейстер. – Точно! В магазине врать не будут! Терминаторов вызвали! И еще робокопов! Мне на подмогу!

Начался хохот. Потом бормотание отовсюду: народ уткнулся в телефоны, проверяя новость.

– Это провокация! – заявил полицмейстер. – Я знал бы первый. Без меня тут никаких чурок быть не может! Пиндосы не посмели бы без согласования...

И вдруг толпа взорвалась:

– ПИНДОС!!!

Из окна третьего этажа выглянул Кен. Это было окно туалета дирекции, его тут в жизни никто открытым не видел.

Кен делал непонятные жесты и явно спешил. Воровато оглянулся себе за спину. Высунился далеко наружу, посмотрел вниз...

– ПИН-ДОС! ПИН-ДОС! – скандировали там.

– Заткнитесь, придурки! – заорали сразу в нескольких местах. – Это же наш Кен!

Тем временем Кен принял какое-то решение, окаменел лицом и полез через подоконник.

– Отставить! – рявкнул полицмейстер. – Гражданин Маклелланд! Отставить!

Гражданин Маклелланд отставить не соизволил. Учítывая, что на заводе третий этаж – как нормальный пятый, со стороны это выглядело малость суицидненько, мягко говоря.

На самом деле Кен был нисколько не самоубийцей, а дипломированным автостроителем и неглупым менеджером. Прыжок с десяти метров на газон Кен решал как чисто инженерную и отчасти управленческую задачу. Он учитывал, что его тут хорошо знают, и принимал в расчет материальную базу. Человек десять наших уже сорвали с забора баннер «Приглашаем на работу» и прибежали под окно. Половина встала к стене вплотную, задрав край баннера над головами, половина – отошла, держа свой край у пояса.

Толпа охнула – и ломанулась помогать.

По ту сторону окна замелькали какие-то тени. Кен до этого сосредоточенно молчал и нервно озирался, явно ожидая нападения сзади, а тут обернулся к народу и открыл рот.

– Уволился!!! – крикнул он.

И прыгнул.

* * *

– Довыпендривались! Качество... Фигачество! Хуже надо было работать! – рычал Кен, держась обеими руками за вывихнутую лодыжку.

Его так и несли к «Скорой» – на баннере. Под аплодисменты.

Из окна торчали пиндосы и ругались на пиндосском языке. Кто-то метко швырнул в них бутылку, и они спрятались.

– Что за безобразие, Кеннет Дональдович? – спросил полицмейстер. – Что за цирк дю солей в прямом эфире?! Я же вас могу привлечь за такую акробатику!

– Это был экстремизм! – подсказали из толпы.

– Именно!

– Да ну вас... – Кен отмахнулся, кривясь от боли. – Народ! Слушай сюда!

В толпе зашикали, кому-то дали по шее, стало относительно тихо.

– Вы ни в чем не виноваты! И вас никто не обманывал! Просто фигня вышла, как обычно. Эти идиоты обезличили машины!

Народ шумно вздохнул – и обратно не вдохнул.

Новость была ожидаемая, конечно, но до такой степени обидная, что все надеялись – пронесет нелегкая. А главное, непонятно, с какой радости нам такая радость. Чем заслужили.

– Зачем? – спросил Малахов. – Из-за китайцев?

– При чем тут китайцы? Из-за вас! Из-за тебя, например, передовик ты наш!

Малахов надулся. Он действительно был, что называется, ударник капиталистического труда и не видел в этом ничего зазорного. И никто не видел. Мы же тут не в арбузной лавке сидим, мы машины делаем...

– Решение принято на днях. Сейчас идет тестовый период. Поэтому они и залетели на разное в «винах». Никто вас надувать не хотел, просто нелепая случайность. Все «вины», которые уже забиты в базу сервиса, были перемешаны случайным образом. У новых машин номера с самого начала пойдут без привязки к заводу. Нету больше русской сборки и нерусской, вообще никакой! Потому что НЕКОРРЕКТНО! А на самом деле – из-за вас, господа Анонимные Трудоголики! Шуточки дурацкие шутите! С фигой в кармане ходите! Этику в гробу видали! Себя, значит, любите больше, чем компанию! И тогда эти тупые пиндосы...

Он добавил еще несколько слов, но приводить их тут, с нашими законами об оскорблении кого угодно, некорректно.

А то вдруг геи оскорбятся. Или верующие. Или кто угодно.

– ...сообразили, в чем проблема. И поняли, как поставить вас на место и как сделать всем хорошо! Можете гордиться! Больше вам гордиться будет нечем!

– А как же теперь... качество? – спросил Малахов, подпрыгивая, чтобы лучше видеть Кена. – Мы же соревнуемся!

– Соревноваться ты будешь со своей табуреткой! – сообщил ему Кен с такой неожиданной злобой, что Малахов вобрал голову в плечи.

– Извини, – Кен заметно смутился. – Никаких больше соревнований, хватит, наигрались. Чурки и турки обижаются, а русские наглеют, штаб-квартире это надоело. Они долго понять не могли, отчего русские такие наглые. Отчего ты такой наглый, допустим!

– Я за справедливость! – заявил Малахов.

– А они говорят – из-за соревнования! Все, кончились развлекашечки. Никаких больше скидок на русский менталитет, а одна только суровая мотивация дубьем и рублем. Допрыгался? Счастлив? Может, и тебя выгонят наконец-то! Клоун!

– Ты чего такой злой, инженер? – спросил Малахов обиженно.

– Нога болит, – объяснил Кен.

– А чурки едут сюда? – спросили издали. – Шреки... Брехеры?

– Кто сказал?!

– Я сказал!

– А тебе кто сказал?

– Из города звонили...

– Позвони обратно и попроси не врать. Нет никаких чурок. Откуда они тут возьмутся? Ну сам подумай – откуда? Из Европы? Пиндосы, конечно, пиндосы, но не настолько...

– Я же говорю – провокация! – крикнул полицмейстер.

Кена перегрузили на носилки и упихали в «Скорую».

– Только не везите никуда! – сказал он врачу. – У меня нет времени. Быстро ногу зафиксируйте. Сам потом приковыляю...

И продолжал вещать в толпу, что сгрудилась вокруг машины, развесив уши:

– Все, стахановцы, отдыхай! Не с кем больше соревноваться. Цитрус прошел контроль – и нет у цитруса национальности. «Вин» теперь к стране не привязан, к заводу не привязан, есть комплектация – и все... Сервису этого достаточно, ему только комплектуха важна. Знать, откуда поставка, будут логистика и дилер. А простой смертный – фигушки. Дилер

больше не имеет права сообщать о происхождении машин. Хочешь узнать – шпионь за парходами и автовозами! Да никто и не станет. Всем пофиг.

– Нам не пофиг! – сказали из толпы.

– Выйдет приказ – будет пофиг! А кому не пофиг – свободен! Все равно, по сервисной базе все цитрусы уже обезличены, и назад это не переиграешь. Решение принято. Должны были объявить о новом порядке завтра буквально...

– А если нам этот порядок... – Малахов резанул ладонью по горлу.

– Жалуйся в профсоюз, – посоветовал Кен.

В иных обстоятельствах это было бы очень смешно, но тут народ дружно выругался.

– Мы теперь сами себе профсоюз! – крикнули из толпы. – Профсоюз уволенных «без объяснения»... Привезут сейчас чурбанов...

– Достали вы уже своими чурбанами! – взорвался Кен. – Какая падла?..

– Уж не знаю, какая падла, – сказал полицеймейстер, – но эта падла хочет устроить в городе беспорядки. Или конкуренты ваши гадят?

– У меня больше нет конкурентов, – буркнул Кен. – Я уволился.

– Кстати, об увольнении. Вас незаконно удерживали? – деловито спросил полицеймейстер и мотнул головой в сторону дирекции.

– Ну... Да.

– Заявление напишете?

– У меня нет времени, – повторил Кен, мотая головой. – У вас тоже. Ни у кого нет времени.

Будто поддерживая его, на поясе у полиция захрюкала рация. Тот прижал наушник пальцем, склонил голову набок, выслушал новость и выдал в ответ такое, что было бы некорректно повторить даже без законов об оскорблении.

– Все-таки едут чурки? – спросил его Малахов.

– Не едут, – сказал Кен. – Поверь мне. Умоляю. Ребята! Включите голову, черт побери! Посмотрите на себя! Вы – особенные люди, вас кем попало не заменишь. Это технически невыполнимо! Вы квалифицированные рабочие, вы прошли специальное обучение. Кого поставить на конвейер вместо вас? Некого! Без вас линия – мертвая! Найти штрейкбрехеров можно только на такой же линии. А ближайший завод компании – где?.. Ну вот и успокойтесь, наконец!

Сказано было, по идее, убедительно, но в данной ситуации тактически неграмотно: вместо того чтобы включить голову, публика склонилась над смартфонами, вычисляя, далеко ли коварным чуркобесам ехать к нам из Европы.

– Не будет чурок! – разорвался попусту Кен. – Их взять негде! Не слушайте никого!

– Чурок не будет, а идиотов – как грязи, – процедил шеф полиции. Он повернулся к Малахову: – Скажите людям, чтобы расходились по-хорошему. Пока я добрый.

– Да с чего вы взяли, что я тут главный?! – Малахов развел руками.

– Потому что тебе больше всех надо!

– Он не главный, – сказал Кен. – Главного нет. Это хорошо. Очень по-русски. Но в этом и проблема.

И тут подъехали мы с Михалычем.

Две трехдверки ядрено-лимонного цвета раздвинули толпу, вызвав на минуту прилив хорошего настроения у всех, кроме полицеймейстера.

А вот налепить на бочину надпись «STRIT RASING» я не смог.

Извините, но у меня целых девять баллов за грамотность.

* * *

Город у нас официально под сто тысяч населения, реально около девяноста, из них на заводе трудится две с половиной. Вроде бы ерунда, мелочь. Но у каждого из двух с половиной кто-то есть, с кем он живет. Уже пять. Плюс вся инфраструктура, что привязана к заводу, начиная от дилеров и заканчивая гаражными сервисами, где в кого ни плюнь – отставной сборщик квалификации С2. А еще мамы-папы, бабушки-дедушки, и давайте не трогать детей... Я не люблю дутых чисел и всегда считаю по минимуму. И я вам докладываю: набегает минимум двадцать тысяч человек, для которых завод не просто кормилец – он определяет весь образ жизни. Это их общее прошлое, настоящее и будущее. Это то, что связывает их воедино.

Каждого пятого.

Но если не мелочиться, то ведь пиндосского мальчишку с левобережной Улицы Специалистов, где стоят аккуратные, словно игрушечные, американские коттеджи, и малолетнего русского хулигана из кривобокой хрущобы с правого берега тоже связывает завод, хотя они того или нет. Крепко связывает, не расцепиться.

В городе полным-полно всяких производств и бизнесов, начиная со внушительного завода железобетонных изделий и заканчивая крошечной валяльной фабрикой. У нас есть школа экзотического танца и целых три зоомагазина, а еще женское такси и мужской стриптиз. Мы гордимся сквозь слезы худшей в губернии футбольной командой. У нас тут чего только нет.

Но лицо города и его душа – это автозавод.

И если там что-то случается, город встает на уши сразу весь.

У нас многие ругают завод, особенно этим увлекаются на правом берегу (просто от зависти) и на левом (там-то знают, за что ругают). Но готов поспорить: если этот оплот грабительского капитализма, пиндосский гадючник и клоака русского низкопоклонства перед Западом вдруг загорится ярким пламенем, Левобережье и Правобережье в полном составе выстроятся вдоль реки, передавая по цепочке ведра на пожар. Забыв старые распри и детские обиды.

И вот полыхнуло – только, увы, в переносном и самом нехорошем смысле.

И народ сбежался в едином порыве с ведрами плескать в огонь бензин. Потом народ устыдится, конечно. Но потом. И с очень сложными чувствами народ будет коситься на тех немногих, кто не поддался общему детскому энтузиазму, а сразу повел себя по-взрослому и начал тушить пожар.

Их почему-то всегда немного, взрослых.

* * *

Когда в гараж позвонила Машка Трушкина, я сначала всего лишь слегка удивился. У меня еще завтрак в животе не остыл на тот момент. Время-то было детское, едва двенадцать.

– Кен у тебя? – спросила она таким тоном, будто Кен обычно лежит у нас на полочке в шкафу с инструментами, завернутый в промасленную тряпочку.

Резковато прозвучало это с утра пораньше. Даже с учетом того, что мы были на «ты», поскольку я в свое время слегка подрисовал красавице ее знаменитый красный цитрус.

Тут я еще вспомнил, что Мария трахается с каким-то высокопоставленным пиндосом, обиделся за Россию и буркнул:

– Разве я сторож Кеннету Маклелланду?

– Идиот! – прорычала Машка. – Кен не отвечает на звонки, а у вас там беспорядки!

– Знаешь, у нас тут все в порядке, – отозвался я машинально.

– Ну действительно! Как я раньше не поняла. Чихать ты хотел на завод, даже если он взбунтовался, и на Кена тоже... Ты у нас герой! У тебя перья из задницы повырастали – ты покрасил цитрус в желтый цвет!

– Стоп! – сказал я. – Ну-ка, объясни по порядку...

– Можешь катать на нем свою пиндосскую сучку! – по инерции лягнула Машка. – Чего тебе объяснить?

– Расскажи по порядку, что знаешь.

Не знала она, в общем, ничего, просто как-то неадекватно волновалась. Я посоветовал не разводить панику на ровном месте. «Взбунтовался» – сильное для завода слово. Не способен на это наш славный трудовой коллектив. Максимум опять Малахов на табуретку влез. Или Васе-Профсоюзу дали вгрызло. Давно пора.

Машка выругалась и отключилась.

Я позлорадствовал немного и взялся за работу. Кену ничего не угрожало, его бы скорее пиндосы отметелили, чем русские. А телефоны свои заводской менеджмент отключал во время совещаний у Влопудакиса. Пускай совещаются. Все равно не поумнеют.

При чем тут «моя пиндосская сучка», я не очень понял и приказал себе не задумываться. В конце концов, Машка не из нашей школы, она вообще с правого берега – мало ли, какие там слухи ходили про Джейн, а девушки бывают удивительно злопамятны...

Когда позвонил кадровик, описал в двух словах положение на заводе и выразил обеспокоенность, у меня был один вопрос: при чем тут я?! Плевать мне на пиндосов. Сами виноваты. Я имею на пиндосов зуб размером и крепостью с «парковочный зуб» в коробке-автомате. Это знает весь город, и это правда на двести процентов. А сейчас мне надо трафарет накладывать, не отвлекайте...

– Ну так почему я тебе и звоню, – сказал кадровик. – Очень хорошо, что ты не любишь пиндосов и все об этом знают.

– И че? – тупо пробормотал я.

– Если бы у меня друзья попали в опасную ситуацию, я бы знал, что делать, – сообщил кадровик вкрадчиво.

Зря он так сказал, потому что я взбесился. Мне лучше знать, где мои друзья и куда они попали. Машка еще с этой «пиндосской сучкой»...

– Да-да, а если бы тут был мой отец! Он бы точно знал, что делать! Слушайте, бросьте вы эти кагэбэшные прихватки... Чего вам надо?

– Михалмихалыч там с тобой?

– Сейчас подъедет.

– У меня к тебе личная просьба. Чисто по-человечески...

– Ответ отрицательный! – сказал я и выключил телефон.

Захотелось нервно закурить. Или немедленно выпить. Курить я не умел и не любил, а пить было нельзя – вдруг придется куда-то ехать. Я просто вышел из гаража, прислонился спиной к стене, подставил лицо холодному осеннему солнцу и закрыл глаза.

Один раз у нас это было с Джейн, в десятом еще классе – целовались до одури, а потом она сказала: нет, не надо, стоп. Это все чересчур серьезно. Ты хороший, Мишка, но нельзя же так серьезно. Ну что ты смотришь? Перестань. Почему мы не можем просто дружить? Вот как я дружу с Михалычем?

Мне трудно дружить с тобой, Женя, сказал я. И Михалычу трудно. Просто у него сила воли железная, а я слабоват, как видишь.

Она рассмеялась, прикоснулась к моим губам, будто запечатывая их, и попросила: только Кену не говори.

– При чем тут Кен? – удивился я.

– При том, что он меня возненавидит, – сказала она, – если узнает. Кен слишком привязан к тебе, чтобы не обидеться. Ты не обидишься, а он надуется на всю оставшуюся жизнь.

– Как все сложно, оказывается, – сказал я. – Да ну вас всех с вашими сложностями! Ладно, подружка, бери меня под руку. Коды ошибок внесены в технологическую карту, сигнал «check engine» сброшен. Отведу тебя домой и сдам мистеру и миссис Семашко. В отличие от некоторых, им нравится, что я серьезный парень и с кем попало не гуляю.

– Да, ты им нравишься, – согласилась Джейн, – только они знают, какие у меня планы на будущее. Очень большие планы, очень.

– В эти планы никак не вписывается провинциальный художник, – хмуро заключил я.

– Вот дурак-то, – сказала Джейн ласково и взяла меня под руку.

И ничего больше не было.

...Когда приехал Михалыч, я сидел у верстака в позе роденовского мыслителя, держа перед собой бутылку водки. У меня так и не хватило духу накатить средь бела дня. Тем более крепкого. Я его и вечером-то почти не пью.

Если честно, я боялся: а вдруг понравится?

– Qu'est-ce que c'est? – поинтересовался Михалыч, кивая на поллитру.

Он и не такое может, вы просто его плохо знаете, я-то не удивляюсь ничему. Мой напарник говорит редко, зато говорит красиво.

– C'est une... э-э... – отозвался я машинально. – Жрать нельзя!

У нас эта водка припасена для ритуальных целей – чтобы клиент машине на капот плеснул. Нечего ее жрать, в самом деле.

Я решительно сунул бутылку под верстак, и тут у Михалыча заиграла музыка под курткой.

Звонил Кен.

Если Трушкина меня озадачила, а кадровик разозлил, то Кен просто вынес мозг вашему покорному слуге. Не был я готов нормально воспринять сбивчивое, явно на бегу, сообщение о том, что «охрана его завернула, поэтому он выбрался из дирекции якобы в туалет, и хорошо бы его встретить у проходной».

Тут я уже психанул и потребовал объяснений – что за фак кругом творится, отчего все такие возбужденные, словно война началась?

– У нас беда, – пропыхтел в трубку Кен. – Никто еще не понимает, насколько все плохо... Они не хотят верить, ни пиндосы, ни полиция, ни рабочие. Но сейчас начнется такая круговерть... Извини, мне пора на выход, приезжай, очень прошу!

Я вернул Михалычу трубку и в ответ на его молчаливый вопрос объяснил:

– Кен выходит с завода. Через туалет дирекции. Просит встретить у проходной. Я раньше не знал, что он Спайдермен.

– Ну так поехали, – сказал Михалыч.

Кен уже знал, что по городу бродят опасные слухи – они как раз дошли до Машки, и та как раз до него дозвонилась. В дирекции закончился безрезультатный мозговой штурм, Кен включил телефон, услышал новости... Просчитал варианты и решил на всякий случай испугаться. Он слишком давно тут жил и слишком хорошо знал город, чтобы не бояться плохих сценариев, когда народ пошумит-пошумит, а потом выпьет, раздухарится и закатит революцию – просто так, ради местного колорита. Небольшую, но убедительную: будет потом о чем рассказать соседям по палате в травматологии. Если жив останешься... Кен бросился к Пападакису. Тот его высмеял. Пападакис был уверен, что Россия – полицейское государство, и народ действительно пошумит, но быстро согнетса в позицию, к которой привык за последние сто лет. Вот тут Кен и правда испугался. Он скрипнул зубами и вежливо попросил разрешения уйти. Не позволили – тебя рабочие побьют. Кен посмеялся и ушел сам. Его поймала охрана и вернула назад. Ради безопасности.

Тогда он уволился.
Ну, то есть прыгнул.

* * *

В город было два въезда с трассы, и возмущенная общественность перекрыла оба. А чуть позже встала и на ключевых перекрестках, еще не блокировав движение, но сильно его ограничив. Заглядывали в каждую машину – чтобы никто лишний не просочился, так сказать, огородами. Полиция вяло уговаривала народ не поддаваться на провокации и ждала подкреплений.

Народ в провокацию не верил. Народ твердо знал, что к нам везут две заводские смены штрейкбрехеров, и был полон решимости стоять насмерть.

Ладно бы русских. Везли чурок.

Что за тварь пустила слух, непонятно – но попала тварь в самое больное место.

Сколько-то народу вызывающе неславянской внешности жило у нас со времен царя Гороха. В основном торговое сословие, люди хорошо воспитанные и городу полезные. Не сказать, чтобы они тут сильно обрусели, скорее вписались в местную культуру как ее составная часть. Не выпендривались, не требовали к себе особого отношения – у нас таких уважают. На моей памяти обозвать чуркой правобережного азера или левобережного армянина считалось форменной глупостью, за это свои могли накостылять.

Ведь чурка вовсе не абстрактный черный человек, а вполне конкретный дикий черный человек, который слова не понимает, понятия не имеет и в целом напрасно слез с дерева – мы-то слезли намного раньше и уже застолбили все места на обоих берегах реки.

Чурка так и остался бы для местных скорее пугалом, чем пугающей реальностью, но в смутные постсоветские времена город пережил нашествие «беженцев» с одной далекой национальной окраины. Встретили их по-людски, а «беженцы» приняли вежливость за слабость. Начали гнуть пальцы и рэкетировать мелкий бизнес. Тех же самых азеров и армян для начала, а там и до русских добрались. Иногда били русских, которые им не понравились, – демонстративно, напоказ, чтобы город напугать. Город сильно удивился. А потом... Родители не говорили мне, что стало последней каплей. Наверняка что-то случилось. В один прекрасный день все мужское население в едином порыве взялось за арматуру да кирпичи – и пошло объяснять «беженцам», что пора им бежать дальше.

Полицию тогда звали милицией. То ли было ее больше, чем сейчас, то ли она была смелее, а может, городская власть понимала, как решать проблемы, – но полиция успела к чуркам первой. Она сгребла их по всему городу, упаковала в автобусы и увезла в неизвестном направлении раз и навсегда. Если бы я верил в легенды о «страшных девяностых», мог бы решить, будто полиция расстреляла всех чурок в ближайшем овраге и там же закопала. Но как уверял отец, что было действительно плохо в девяностые – тогда не давали нормальным людям убивать всякую сволочь. Хрясь мужик бандиту в морду, тут и гибель мужику. От той же самой полиции-милиции... С чурбанами она просто очень сильно испугалась, что сейчас народ русский воспрянет духом и, размявшись на чурках, возьмется строить коммунизм в отдельно взятом городке. А народ известно как понимает коммунизм: полицаев на вилы, начальников на фонарь, землю – крестьянам, фабрики – рабочим, детям – мороженое, бабам – цветы, и еще кого-нибудь расстрелять, а потом чтобы дискотека с буфетом и фейерверком. Очень даже креативно, только полицаям и начальникам почему-то не нравится.

Так или иначе, никто тут больше чурок не видел. Но память осталась: нам этого не надо.

Не любят у нас пришлых дураков – своих хватает.

При строительстве завода никакие варианты с дешевыми гастарбайтерами просто не рассматривались. Их тут терпели бы до первого «залета». Потом – хоть сели гостей города под охраной и вози на работу с полицией. А полиция наша вся с Правобережья – дикая, но симпатичная. У них там, «справа», вековая традиция начинать общение вопросом: «Ты с какого берега?» Левобережный для «правых» или враг, или временный союзник; любой пришлый – законная добыча. А пришлый чурка – извините за выражение, легитимная военная цель.

Если заставить полицию охранять чурок, она тупо не поймет такой внезапной смены парадигмы. Когнитивный диссонанс с ней случится, а это чревато. Полиция может просто дезертировать, решив, что Россией наконец-то целиком и полностью овладел Антихрист и жизни русскому человеку с правого берега реки осталось ровно на забухать да покаяться.

Поэтому когда пронесся слух, что к городу идет колонна автобусов, битком набитых чернотой, народ совершенно потерял самообладание, а вместе с ним и остатки критического мышления. Голову потерял, если по-простому.

Народу в душу плюнули. Он привык воображать, что особенный, – а чем ты особенный, если тебя хотят заменить гастарбайтером. Одно слово, что ты русский, а на поверку такой же деревянный, как любой чурбан. Во всяком случае, пиндосы так считают.

Поди объясни сдуревшим от обиды людям, что они взаправду особенные – квалифицированные рабочие – и поставь вместо них к конвейеру абы кого не рискнет даже самый распоследний пиндос.

Вот сейчас походи и объясни. Есть желающие? Кен уже сказал все это самым лучшим, самым вменяемым – не помогло.

Кому-то это было очень нужно. Кто-то играл свою игру. Ближе к вечеру на улицы полезут все местные уроды, которым проблемы завода постольку-поскольку, зато всегда сгодится повод учинить беспорядки и под шумок – разграбление награбленного. Хилые полицейские силы не смогут ничего поделать. Им бы себя оборонить. А толпа, она только вокруг завода более-менее мирная и вменяемая. Пока однородная и трезвая. На улицах в нее вольется черт-те кто, и многие окажутся пьяны. Тогда она вспыхнет от малейшей искры. И ей будет кого сжечь.

Кен был прав: время утекало сквозь пальцы. Не угадаешь, когда, через полчаса, час или два, общественность дотумкает: чурбаны еще, может, и не приедут, а пиндосы – вот они. И пиндосы во всем виноваты. Пиндосы боятся нас, отважных патриотов, и хотят заменить бессловесными чурками. Правильно они нас боятся! Кстати, пиндосы живут богато...

Чтобы ни одна пиндосская гнида не ушла, тихую Улицу Специалистов, на которой гниду ждут ее детеныши и самки, достаточно заткнуть с двух концов. Для начала просто встать там, как встали на выездах из города, а дальше видно будет. Можно и в дверь постучаться, всего лишь постучаться, самую малость поугатать. Чтобы пиндосы осознали, как все сурово, и были поговорчивее. Ну, можно и кирпича в окошко, но легонько, конечно, не всерьез...

И туда, на Специалистов, попрется самый отборный неадекват, начиная с идейных фашистов и заканчивая укуренными гопниками. У нас этой дряни мало, но много ли надо, чтобы поджечь дом.

Неадекват будет очень расстроен, обнаружив, что улица почти пуста. Родная школа с утра пораньше укатила на плановую двухдневную экскурсию, а счастливые мамы разъехались на шопинг. Этих обзвонят, и они не вернутся, пока не кончится шухер.

Но кое-кто остался.

И целыми они доедут только до ближайшего перекрестка.

А через час-другой – никуда не доедут.

Самые невезучие – никогда.

* * *

– Мария, я уволился с завода, – сказал Кен в трубку. – Ну их к черту. Ты рада?.. Да, я тебя тоже люблю.

Я покосился на него с интересом.

– От Миши тебе привет, – сказал Кен, поймав мой взгляд. – Слушай, помоги. Злоупотребил служебным положением. Минут через пятнадцать спроси у оперативного, где еще остались свободные выходы из города. Как можно ближе к Специалистов, чтобы мы быстро выскочили. Да. А что я могу сделать? Я только это и могу... Спасибо, жду... Целую, ага.

Я и забыл, что в управе сидит оперативный дежурный. Конечно, его основная забота – прорывы канализации и обрывы электричества, но все равно он одним ухом отслеживает полицейскую волну. А сейчас еще и отмечает на карте все точки скопления народа. Это пригодится.

Улица Специалистов была словно декорация из типичного американского фильма про типичный американский городок после нашествия зомби. Ветер гнал по мостовой обрывки мусорных пакетов, желтую листву тоже не мешало бы подмести. Сегодня дворники сюда не заходили – городу было не до того.

И полиции не видно.

Полиция не может отвлечь ни единого человека на такую ерунду, как охрана женщин и детей от мифической угрозы. Ее слишком мало, она вся у завода и у пикетов – следит за порядком, точнее, за беспорядком, и ждет помощи извне. Вдобавок она, как и пиндосы, убеждена, будто Россия – полицейское государство и надо дать народу выпустить пар, а потом он сам опомнится и разойдется в глубоком смущении. Никто не верит, что в нашей глуши возможен погром. В России очень давно никого не громили, только грозились, а не громили. Русские – добрые и терпеливые. Православные, ядрена матрена. Полиция спохватится, когда станет вовсе худо. То есть – поздно.

Она пригонит на Специалистов пару экипажей, но толпа опрокинет их вместе с машинами.

Надо быть заводскими, чтобы знать, до чего у всех накопело.

И надо провокацию с чурками воспринять, наконец, всерьез. Не как нелепый слух, возбудивший толпу, а как именно провокацию.

Не имеет значения, кто играет против нас, хоть какие-нибудь Анонимные Антипиндосы, хоть китайский автопром. Да хоть правительство России – я за свою короткую жизнь так и не понял, чего оно хочет в принципе, да и никто у нас не понял. Некоторые на полном серьезе уверены, что оно задумало уморить всех русских по указке пиндосов.

Не имеет значения. Важен конкретный результат.

Важно, кого сегодня могут убить русские.

Пенни, четырнадцать лет, дочь директора, сильно простужена. Дик, ее брат, двенадцати лет, не поехал на экскурсию якобы из солидарности. Думаю, надеется, что у сестренки грипп – один удачный чих, и еще неделю в школу не ходить.

Прочие были взрослые, и Кен их толком не считал. Отпрысков Пападакиса вместе с мамой достаточно. Прекрасные мишени, чтобы излить ненависть к пиндосам. Лучше не придумаешь.

Выбраться на своей машине они просто не смогут.

Меня холодный пот пробил, едва я сообразил, что в моем распоряжении – два наглолимонных цитруса, уже знаменитых на весь город. И сами мы с Михалычем – герои, безвинно пострадавшие от пиндосов. Нам будут улыбаться и махать. Мы проскочим сквозь

любой кордон. У нас пять свободных посадочных мест. Кен, с его ногой, может только спереди... По максимуму упакуем и семерых, но будет тесно.

Куда я еду? Во что я лезу, мама дорогая?! Зачем мне это надо? Ради Кена? Не понимаю.

А скажут... А скажут ведь, что я продался! Еще вспомнят, что у меня родители в Штатах. Ясен пень – купили Мишку. Был хороший парень Мишка, не любил пиндосов, но дали ему денег – и полюбил. Кого угодно можно купить: это в России все знают, особенно хорошо это знает каждая русская сволочь и каждая русская тварь продажная...

Плавно, чтобы мой раненый пассажир случайно не доломал ногу, я затормозил у дома Пападакисов. Кен улыбнулся мне.

– Я знал, Миша, – сказал он. – Я верил. Спасибо.

Меня хватило лишь на то, чтобы отвернуться и уставиться в левое зеркало.

Подбежал Михалыч, открыл дверь, одной рукой вынул Кена и, почти взвалив на плечо, быстро поволок к дому. Кен смешно прыгал на здоровой ноге.

Мне не было страшно.

Мне было холодно.

Я чувствовал: сегодня что-то кончается.

* * *

Пять минут – и Михалыч уже тащил Кена к следующему дому. Кен обзавелся тросточкой – бейсбольной битой, – но не успевал ею пользоваться.

– Ты не поверишь, едут!

– Кто?! – я аж подпрыгнул на сиденье.

– Автобусы с дорожными рабочими! Едут асфальт на мосту переключивать! – Кен мотнул головой в сторону трассы. – Машка говорит, сейчас мэр выступит с заявлением, чтобы не разводили панику!

– Толку-то...

– Ну хотя бы так!

– Да кто его услышит...

Это я уже буркнул под нос: Михалыч увлек Кена за собой. Наше положение не стало лучше от того, что мифические штрейкбрехеры оказались ребятами с лопатами. Могло стать и хуже, ведь автобусы – объективная реальность. Значит, русским не померещилось, а пиндосы, как всегда, хотят надуть их. Например, Кен соврал русским прямо в глаза, что никаких чурок тут быть не может. Кто он после этого? Натуральная пиндосина. А подать сюда Кеннета Маклелланда!.. Вот так у нас на левом берегу спрашивают за слова – бессмысленно и беспощадно.

Пока народ поверит, что автобусы едут мимо города, много воды утечет. И поди угадай, сколько утечет крови. И чьей именно крови.

А выступление мэра люди услышат, когда захотят. Когда наиграются в русский бунт...

Прошло десять минут. Пятнадцать.

– Ой, цитрус!!! – заорали на крыльце в два простуженных голоса.

Наконец-то. Проклятье, чего там Кен застрял? Не помню, чей дом стоит рядом.

– Здравствуйте, дядя Миша!

Нас в школе знают, мы же Мишки-С-Веддинга, чемпионы и все такое. В том году вместе с Кеном урок профорientации вели, я рассказывал про сборку, чуть от натуги не помер, запинаясь и потел. Мелким-то смешно, а мне за каждый «цитрус» – штрафные баллы, потому что урок оформили как местную командировку...

– Привет, Пенелопа, – я даже не обернулся, когда дети лезли назад. – Салют, Дик.

– Ваш цитрус... Это просто чудо! Почему, ну почему их нельзя красить в желтый цвет?!

– Спроси папу. Возможно, он ответит прежде, чем удавится.

Мой кладбищенский юмор вызвал у детей приступ хохота, переходящего в кашель и чихание. Все-таки грипп.

– Ну да, я знаю, – пробасил Дик и высморкался. – Но ведь это идиотизм.

– Вырастешь – становись директором завода, а лучше президентом компании и борись с идиотизмом сколько захочешь.

– Обещаю. Если вы нас вытащите из этой задницы, так и будет.

– Ричард! – сказала Пенни укоризненно.

Я думал, Кен им что-то наврал. Похоже, я забыл, каков наш Кеннет Маклелланд, когда дело пахнет жареным. Я обернулся. Увидел, что Пенни уже совсем большая и вырастет, пожалуй, очень красивой, а из Дика получится такой же кабан, как его папаша, только глаза у парня хитрые-прехитрые. Это хорошо.

– Давно не виделись, – сказал я.

– Почему вы ушли с завода? – тут же спросил Дик.

– Ричард! Простите его, дядя Миша. Он страшный нахал.

– Устал бороться с идиотизмом, – сказал я. – Теперь ваша очередь.

Дик еще что-то трещал, Пенни его осаживала, иногда они чихали, я смотрел по сторонам и отвечал то хмыканьем, то гыканьем, то желал здоровья. В голове была одна мысль: убраться отсюда как можно скорее и как можно дальше.

Кен втравил меня в какую-то фигню.

Фигня была опасная, но мне по-прежнему не было страшно. Наверное, потому, что я сидел за рулем, а за рулем нельзя бояться.

Я просто не хотел в этой фигне участвовать.

Я пытался сообразить, где сейчас мое место, – и не понимал.

В зеркале возникла миссис Пападакис. Открыла багажник, сунула туда пару объемистых сумок. Шикарная женщина, все еще в отличной форме. Что она нашла в своем дураке, что в нем разглядела двадцать лет назад? Говорят, он добрый... А мне не все равно?

Она пробралась к детям на заднее сиденье.

– Спасибо, Миша, теперь будет быстро, остальные уже готовы, надо только Риту уговорить.

В отличие от пиндосских детей, которые шпарили по-русски не хуже местных, старшее поколение говорило либо с сильным акцентом, либо только по-английски. Знали, что пойдем, если не задвигать сложных конструкций и всяких идиом. Миссис Пападакис своего русского, видимо, стеснялась.

– Рита Калиновски, вы же знаете ее?

Опаньки. Супруга нашего самого вежливого пиндоса. Интересно, Рита в курсе, как именно мы сделали его таким лапочкой?

– Миссис Пападакис, а вы знаете, почему Рой – самый приветливый менеджер завода?

Она рассмеялась.

Позади в цитрус Михалыча грузилось целое семейство, тоже с детьми. Сколько их там? Полная машина, черт побери. А как же Кен?! Я все понимаю, детей мы забираем полюбому, но Кен... Кто мне эта жена пиндосского пшека Калиновского? Мягко говоря, не родственница.

– Я знаю, – сказала миссис Пападакис. – И Рита тоже. Она с ним три дня не разговаривала, когда ей объяснили, за что его... Научили хорошим манерам.

Как интересно. Или... Уже не интересно?

Я снова глядел в зеркало. Периферическим зрением «держал» всю улицу, а по зеркалам контролировал обстановку сзади. Время уходило, время... Чего там Кен копается? Двадцать минут прошло. Я чуть-чуть подвинулся...

И тут меня накрыло.

Я раньше не обращал внимания на эту надпись – знал, что она есть, но не вчитывался. Правое зеркало у меня случайно импортное, потому что в родное Михалыч врезался и поставил на замену «временно», ха-ха, элемент с допотопного цитруса, у которого комплекта была еще частично привозная. Поэтому там написано по-английски. И сейчас повлиял, наверное, разговор на этом языке.

Тоненькой сеточкой по низу правого зеркала было набито:

OBJECTS IN MIRROR ARE CLOSER THAN THEY APPEAR.

И наконец-то до меня дошло, что я тут делаю.

* * *

В зеркале отражалась вымершая улица русского города, населенная до сего дня пиндосами. На вид совсем американская улица. Ее нарочно такую сделали.

Все совпало.

Сошлись воедино напутствие кадровика насчет глупых иллюзий и давнишние слова Кена про то, что наши пиндосы – ссылльные. Ссылльные. Вот именно.

ОБЪЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖУТСЯ.

Ссылльные начальники у нас повсюду. Управляют Россией на всех этажах. У них русские имена, но это неважно. Главное, они уверены – это не они дураки и ворье. Это страна им досталась неправильная и плохой народ. Второсортная страна и неблагодарный народ, от которого так и жди подлянки. Господа начальники не понимают, за что им такое несчастье. И наши морды их бесят.

Поэтому у господ начальников поместья в Европах и дети их учатся за рубежом. Как русский начальник дорывается до бабла, он начинает воровать себе на спокойную жизнь подальше от немытой России, куда его случайно, по ошибке, занесло.

В ссылку, черт побери!..

Они чувствуют себя несправедливо обиженными. И ненавидят нас, простых русских. Дай начальникам волю, они бы населили страну бесправными и бессловесными чурками. В идеале – промышленными роботами. А мы тут расселись на берегу реки, да еще с такими рожами, будто имеем на это право! С нами приходится считаться.

Единственный выход – запиндосить нас.

Поэтому в немытой России – как на пиндосском заводе: шумные речи, громкие обещания... А приглядишься – надувательство. Главная задача менеджмента – нагнуть и зафиксировать народ. Создать видимость того, что к нему относятся с доверием и интересом, авось дураки поведутся, дураков у нас хватает. Потом дураков надо расставить по невысоким командным должностям – и они сами начнут пиндосить русских направо и налево. Будут внедрять нелепые ритуалы и сурово спрашивать за их исполнение.

А если кто шибко умный – его обезличат. Уравняют с остальными, чтобы никому не обидно. Издадут закон об оскорблении всякой твари чем угодно – и попробуй только пасть разинуть. Попробуй иметь свое мнение... Нескольким Малаховым разрешат ходить с табуретками. Их будут очень беречь, этих полезных клоунов. А ты крути гайки и не вякай. Собирай обезличенные цитрусы.

Поэтому нужна «пирамида власти», в которой местные кретины нагибают местный штафф. Поэтому такой явный, даже наглый отрицательный отбор, с уровня города до страны в целом. Ведь тащат вверх полную бездарность. На одного Кена – сотня Роев... Из смелой Женьки, если загнать ее в тренд, вырастет карьеристка Джейн... Это живые люди, надо их

пожалеть, а я не могу. Ведь они нагибают мой народ и портят тех, кто мог бы вырасти действительно сильным лидером.

Мы бросили завод, чтобы не участвовать в этом. Ладно, дальше Кен уедет к родителям в Америку, у меня такой выход тоже есть, но я эмигрирую только в могилу. Нельзя, чтобы тут остались одни послушные и довольные. Это просто некрасиво.

Двадцать шестая минута. Ура!

Михалыч тащил двоих – Кена и миниатюрную блондинку с рюкзачком на плече. Кен широко улыбался.

Значит, едем?

Ну, займусь привычным делом – пламенной борьбой с идиотизмом.

И мне, пожалуй, наплевать, что скажут про хорошего парня Мишу завтра. Сегодня я здесь ради города, ради страны, ради себя. Я не хочу, чтобы мы все вместе совершили глупость.

И не о чем было размышлять так долго. Вон, Кен Маклелланд, черт нерусский, сколько всего сделал, пока я сидел и думал. А Михалыч вообще не думал. У него есть совесть, он ее слушает, и ему достаточно...

Рядом со мной на сиденье плюхнулась Рита. Михалыч сунул ей в ноги рюкзак и бросился к своему цитрусу.

Кен стоял на тротуаре, опершись на коротковатую для этого биту, что-то говорил в телефон, кивал и все улыбался мне.

– Я не понял, Кеннет!..

Шутить было не время, да никто и не шутил.

* * *

– Все прекрасно, – сказал Кен, пряча телефон за пазуху. – Джентльмены, заводите моторы!

Проклятье, я мог бы увезти его и в багажнике, выкинув сумки. Жизнь дороже барахла. Если Кен очень постарается, он сложится втрое и... Какого черта, я запихну туда эту Риту!

У меня подвеска довольно жесткая, но все равно машина сильно просядет. Будет заметно, что мы везем много народу. Впрочем, если ехать быстро... А в пикетах наверняка полно бухих. Встанут и не уйдут. Готов я давить русских из-за пиндосов?

Подбежал Михалыч.

– Как мы могли так обсчитаться?

– Поезжайте скорее, – сказал Кен очень мягко. – Они сейчас будут здесь.

– Мы подвинемся! – крикнула сзади Пенни.

Взрослые молчали. Их спасали, и они старались не мешать. Я боролся с желанием выкинуть Риту на асфальт. Как говорится, «солдат ребенка не обидит», но очень хотелось. По-хорошему, могла бы сама выйти! Миссис Пападакис вне игры, ей нельзя геройствовать, травма у детей на всю жизнь останется.

Рита глядела вперед стеклянными глазами. Только тут я сообразил, почему Михалыч тащил обоих. Проклятье, она была под седативами. Сама нажралась или Кен ее упорол? По времени – точно его работа. Спасатель, трам-тарарам.

– Вы не понимаете, – сказал Кен. – Я не поеду.

– Что ты натворил такого, чтобы покончить с собой?!

– Ничего не случится. Я просто с ними поговорю. Это важно для меня. Я хочу с ними поговорить. Объяснить.

– Идиот. Они не будут разговаривать!

– У меня всегда получалось, – сообщил Кен скромно.

Феерический идиот.

– Ну и ну... – протянул Михалыч, оборачиваясь ко мне. Вид у него был на редкость беспомощный.

– Кеннет Маклелланд! Засунь в задницу свое чувство вины! – прорычал я сквозь зубы. – Даже если ты нас застучал, как это сделала Джейн! Мне наплевать сейчас и потом будет наплевать! Окажись здесь Женька, я увез бы и ее!..

Еще как увез бы, понял я вдруг. Без этих вот нелепых церемоний. Запихнул бы в багажник, как вещь. Свою вещь, за которую я в ответе. Потом можно и отпустить, но сначала надо обеспечить сохранность.

– Кстати, где она? – встрепенулся Михалыч.

– В дирекции сидит, ничего с ней не случится, – бросил Кен. – На завод наши не полезут, это ведь их завод!

– Это больше не их завод, – отрезал я. – Наконец-то до наших доперло, что он никогда им не принадлежал! Что они там никто и зовут их никак. Русский стафф! Дерьмо на палочке... Но ломать завод они все равно не будут, значит, Джейн в безопасности... Кен, садись в машину, я устал с тобой возиться. Сейчас Михалыч подвинет сиденье...

– Да перестань ты, – сказал Кен. – Неужели тебе непонятно?.. Мишка, не заставляй меня нести пафосную фигню! Ну... Если я сейчас убегу, значит, признаю себя пиндосом! А я не для того уволился через окно. И ребята не дали мне разбиться! Я больше не мог оставаться с пиндосами, вот и прыгнул. Они плохо на меня влияли, я нахватался от них всякого дерьма... К черту! Хочу быть человеком. И мое место – рядом с теми, кто сейчас бунтует. Пусть они сто раз не правы, но я с ними! Попробую что-то сделать, чтобы они не натворили глупостей... Это мой город, моя страна. И мне тут некого бояться. Ребята меня знают. Они меня послушают.

– Пафосная фигня, – согласился я. И ляпнул первое, что пришло в голову: – При Дональде такой фигни не было!

– Вот это уже мне решать, – сказал Кен. – Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов. Остаться должен только один.

– Во дает... – восхитился Михалыч.

И тут я их увидел.

Враги не приплыли брюхом кверху, они приехали на автомобилях, которые я делал своими руками.

* * *

Три цитруса появились в конце улицы и затормозили, перегородив ее. Из машин лениво выбралось человек с дюжину, кто-то остался на месте, но большинство не спеша двинулись в нашу сторону.

И почти сразу замельтешило темное в зеркалах. Толпа.

Ну, правильно, с той стороны удобнее дойти переулками. Там асфальт ужасный, машины приползут не скоро. А мне терять нечего, именно там я и проскочу: больше газу – меньше ям.

– Давай! – крикнул Кен.

Не знаю, чего ему было надо, но добрейший Михалыч за долю секунды перекинулся в берсерка Бьерна Бьернссона – и дал.

Он пробил Кену с локтя в челюсть и схватил падающее тело на руки. Миссис Пападакис тоже не подкачала. В одно движение она сложила переднее сиденье вместе с Ритой. Раздался громкий стук – это Рита треснулась лбом о переднюю панель.

Михалыч воткнул Кена головой вперед на колени Пападакисам, откинул Риту на место, захлопнул дверь и убежал.

Я крутанул баранку до упора и топнул по газам.

Улица была узковата, и я схватился за ручник, чтобы забросить с его помощью корму. Руль я доворачивал одной левой и просто не успел как следует зажать его в мертвой точке. Поэтому мне не выбило палец, когда замечательный усилитель российского производства внезапно сделал «право на борт».

Нас швырнуло на тротуар. Удар в переднюю подвеску был такой – удивительно, как мы ее там не оставили. Потом оказалось, с колес отлетели балансировочные грузики... Рита снова врезалась лбом в панель, хорошо, не носом. Сзади визжали дети. Думать было некогда. Распахав чудесный газон Пападакисов, желтый цитрус прямо по тротуару рванул на толпу.

Уже смеркалось, и я врубил дальний свет, чтобы было страшнее.

В зеркалах полыхнуло: Михалыч шел точно за мной.

Но я успел заметить ходовые огни погони.

Оставалось выяснить, у кого дури больше.

Одно я знал точно: если выживу, цитрус свой убую кувалдой.

Часть 2

Как это не было

Это было время, когда любая дорога вела за горизонт, и, начиная путь, ты знал, что уже не вернешься в исходную точку. Потому что нет края земли и нет предела возможного. Дни летят под колеса, словно километры, и любой из них – новый, и ты сделаешь с ним что захочешь.

Застывшая реальность убегала назад в зеркале заднего вида. А впереди сверкало чудо каждодневного творения мира нашими руками, что едва заметно подправляют руль.

Сейчас я понимаю: это была молодость.

Сейчас я знаю: мы были правы.

* * *

– Вот объясни мне, ты, художник, – сказала Машка Трушкина. – Чего вы все такие, блин, герои? Почему как симпатичный парень, обязательно у него в заднице шило?

– У Кена не шило. У него муравьи в штанах, – сообщил я, чем ввел красавицу в легкий ступор. – И потом, он действительно герой. Кстати, что он поимел со своего героизма – челюсть набок?..

Машка хмыкнула.

Помимо свернутой челюсти, Кен получил уникальный сувенир – простыню, на которой гуашью было написано: «ПРИВЕТ ПИНДОССКИМ ОККУПАНТАМ!» Под этим транспарантом бесстрашно, попирая закон об оскорблении и разжигании, народ стоял на въезде в город. Негодяев и экстремистов теперь пытались вычислить поименно, чтобы сурово наказать. Только все в отказ ушли, и главное вещественное доказательство – транспарант – пропало куда-то. Полиция с ног сбилась, разыскивая этот важнейший вещдок. А ребята его Кену подарили.

Давайте смотреть реально: если бы пиндосы не договорились с русскими на самом высоком уровне, чтобы инцидент с городским бунтом замять вплоть до полной информационной блокады и стирания любых следов из Интернета, Кен Маклелланд сейчас был бы звездой в планетарном масштабе.

Он спас детей от толпы разъяренных идиотов – грудью закрыл практически – и попал в больницу. Это даже не джек-пот. Это такой эпический выигрыш, с которого можно остаток жизни стричь купоны.

И ведь все правда. Кен действительно в тот день шел на верную смерть, и куча народу видела его на Улице Специалистов, и, едва добравшись до соседнего города, мы вынесли героя из машины прямо в приемный покой. И машина выглядела тоже героически. И пиндосские мамы, у которых, как нарочно, в кафе напротив больницы образовался временный штаб, пришли от этой картины в шок и трепет. А там уже была пресса. И Дик Пападакис, язык без костей, придумал, чего им рассказать, пока мы клали Кена под томограф, чтобы проверить, не свернул ли ему Михалыч вместе с челюстью мозги, а Риту – просто на кушетку, потому что девушку совсем развезло... А как все было в деталях и на самом деле – не имеет значения.

Но в деталях или без, скромно или с преувеличениями, история того дня оказалась неприемлема ни для русских начальников, ни для пиндосских. Они все в ней слишком плохо выглядели. Ну просто все до единого. Только народ российский показал себя именно с той стороны, которой любит поворачиваться к остальному миру, чтобы как следует напугать

его. Почему-то наши любят всех пугать и уверены, что это у них хорошо выходит. Русские отстали от жизни лет на пятьдесят: никто давно уже не пугается, всех просто тошнит. Народ не знает этого, ему некогда следить за трендами: он сидит на берегу реки и ждет врагов. К счастью, это был тот случай, когда мнение народа не спросили. Уж на что я злой на начальников, но иногда от них есть польза, с их манерой прятать концы в воду. А то бы ужас, что про нас подумало мировое сообщество.

И истории не стало.

Остались только мы.

* * *

– Это русская школа оптимизации процессов, – сказал Кен Маклелланд и бросил в реку пивную банку. – Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп врага, рано или поздно тебе все станет ясно. Настолько ясно, что уже не надо класть записку в бутылку. Сама бутылка и есть сообщение.

– Сообщение о чем?

– Блин, да о том, что все понятно!

– А если она утонет? Ты же ее не заткнул.

– Да и черт с ней.

И тут я это увидел: бесконечная река, вдоль которой сидят бесконечные русские – и кидают бесконечную посуду в бесконечную ленту конвейера. То есть, простите, в бесконечные мутные воды. И хоть бы какая зараза приплыла. И всем все понятно.

Понятно, например, что никто уже не приплывет.

И сообщения об этом тонут по пути. За ненадобностью.

Мне прямо дурно сделалось.

– Запиши эту жуть, а то забудешь, – привычно сказал я.

Кен достал наладонник, поглядел на него и спрятал.

– Надоело, – сказал он. – И так уже целая камасутра. Я ее тебе потом завещаю как соавтору. Будешь читать, сидя на берегу реки, и поражаться, какие глубины разглядел в моей болтовне. Я уезжаю, Миша. Видимо, навсегда. Только не спрашивай почему.

Я чуть в реку не свалился.

– Не спрашивай почему. Спроси зачем, – сказал Кен.

* * *

Говорил он невнятно, едва приоткрывая рот. Нелегко разглагольствовать, когда тебе Михалыч заехал в челюсть локтем. Спасибо, обошлось без сотрясения мозгов, амнезии и прочих спецэффектов. Хорошо, что Михалыч сразу Кена поймал, когда тот завалился. Обычно он не ловит, жертва падает и бьется головой, отсюда все неприятности. Поэтому с Михалычем давно никто не дерется – потому что он не ловит.

Кен его поблагодарил, когда очухался и узнал все последние новости: про то, как спасал детей и хотел выйти в одиночку против толпы.

И Машка Трушкина позвонила, когда заваруха кончилась.

– Спасибо, мальчики, – сказала, – что выручили Кена. Я знаю, вы с детства вместе, но вы понятия не имеете, какой он идиот. Вы, конечно, сами хороши, всегда готовы свернуть челюсть всем желающим и себе шею свернуть заодно во имя отчизны и прогрессивного человечества, но до этого чудака вам как до звезды. Намекнули бы ему по-хорошему, чтобы валил на историческую родину, пока совсем тут не запутался на почве романтического идиотизма и не пошел искать новый повод стать героем...

Я тогда сорвался с места, едва в трубке раздались гудки. Прилетел в управу Правобережья на своем легендарном уже желтом цитрусе, мятом и исцарапанном до полной утраты товарного вида – пришлось от толпы удирать сначала палисадниками, а потом и огородами вполне буквально. Приехал и спросил: что с Кеном?

– А что с Кеном? – удивилась она. – Как огурчик, только говорить ему трудно. Вчера заходил, если тебе интересно.

И поглядела на меня оценивающе. Я не впечатлился: она на всех так смотрит. Мало ли, чего она высчитывает своим бухгалтерским калькулятором внутри красивой головы.

– Неинтересно. Ты говорила, он может запутаться... В чем?

Машка глядела, калькулятор щелкал. Потом она опустила глаза и сказала тихонько:

– Да он уже. В трех соснах практически. В бабах запутался, в себе самом, в производстве этом вашем... Прямо душу чуть не продал ради долбаной эффективности на долбаном производстве. Как будто вы на этом дурацком заводе не цитрусы, а звездолеты делали, ей-богу...

Подумала и добавила:

– Ну и в друзьях он тоже запутался.

Бабы Кеннета Маклелланда и долбаное производство меня не волновали, а вот друзья – это было что-то новенькое. У него, конечно, опять полгорода друзей, с тех пор как он вернулся на нашу сторону Силы, показал фак пиндосам, уволился через окно, и все такое – немудрено запутаться. Но разговор сейчас о вполне конкретных людях, я же вижу.

И как-то прямо спросить больше не о чем. Я могу, конечно, только она не ответит, да еще и подумает, что дурак. Будто сама умная, со своим встроенным калькулятором. Страшно подумать, сколько он мощности отъедает от ее слабенького процессора.

– Ладно, с друзьями разберемся как-нибудь, – говорю. – Хотя бы с врагами все ясно.

– Чего тебе ясно?

– Ну откуда у него враги...

А она зыркнула на меня эдак понимающе и процедила:

– Враги – приплыли.

Я не ждал, что будет так сильно и прямо под дых – когда чужой совсем человек, которому я всего лишь цитрус слегка покрасил, вдруг заговорит словами, которые у меня строго с Кеном соотносятся, и только с ним одним. Это как детский секретный код: штука интимная, задача которой не столько хранить смешные мальчишеские тайны, сколько подчеркнуть доверительную атмосферу внутри команды. И мне отчего-то всегда казалось, что наши с Кеном философствования о русских на берегу реки – для своих. Строго между нами. Должна же у нас быть, черт возьми, территория внутри души, на которую чужим хода нету.

Мы же друзья.

Почему мне так казалось – что за глупость? Или ревность? Или тот самый романтический идиотизм, в котором Машка обвиняла Кена... Никогда он мне зарока не давал, что не будет щеголять на стороне нашими афоризмами. Для начала афоризмы принадлежали целиком и полностью ему. Я только кивал в нужный момент. Это вам не жестокий до мордобоя копирайт Дартов Веддеров на дурацкие шутки про жопу, которых никто не понимает.

Это просто болтовня на берегу реки.

Наверное, дело в интонации, с которой все говорилось. Интонация каждый раз была особая. Как будто тайну открывали для себя – только для себя. И неважно, что за слова звучали, – это были слова доверия, слова верности, слова, извините за выражение, любви. Ведь я действительно любил этого сукиного сына, да и сейчас люблю: а как еще назвать отношения, когда всю жизнь друг с другом и друг за друга – в огонь и воду?

Вдруг стало больно. И возникло ощущение, что я плохо знаю Кена Маклелланда.

И возникло ощущение, что плохо знаю себя.

И как обычно – когда уже поздно – я все понял.

Уже не про Кена, а про отдельных его друзей.

Я очнулся в позе задумавшейся гориллы – стоял, тяжело опершись кулаками о Машкин рабочий стол, нависнув над красавицей и хмуро глядя ей в третий глаз. Позабыв о приличиях и забыв дышать.

– Тебе плохо, Миша? – спросила она совсем по-человечески.

– Извини, – сказал я и распрямился едва не со скрипом. – Кен наделал глупостей, верно?

Машка ответила утвердительно. К сожалению, я не могу привести здесь ее слова. Слишком много богом обиженных захочет подать на нас обоих в суд за унижение их человеческого достоинства.

С другой стороны, я никогда не одобрял нецензурной брани в художественной литературе. Большинство писателей вовсе не умеет материться – вот и не надо им.

В общем, судя по Машкиной реакции, Кен и правда наделал глупостей.

– Это мы виноваты, – сказал я.

Машка снова поглядела на меня оценивающе, но теперь уже по-другому, без калькулятора.

– Добрый ты парень, – сказала она. – И страдать тебе через твою доброту... много.

И взялась за пилочку для ногтей, давая понять, что разговор окончен.

А я вышел из управы, рухнул в свой продольно-полосатый цитрус и пригорюнился. Ничего уже нельзя было исправить, ничего. Оставалось только с камнем на сердце жить-поживать.

Я ведь, сволочь, бросил Кена в самый трудный момент.

* * *

Ладно, не я один его бросил. Но с Джейн взятки гладки, она оттолкнула Кена давным-давно. А Михалыч у нас человек-загадка, вещь в себе наподобие матрешки: сколько ни открывай, там внутри сидит плюшевый медведь, лучший друг маленького мальчика. Образцовый пофигист, талантливый и безбашенный, некуда печать ставить: «Сделано в России, второй сорт». Мне очень нравится. Но как конфиденгент для Кена наш медведь не годится. Он не сможет делать серьезное лицо. Он скажет: Маклелланд, ты задолбал, ведь и так все понятно.

И швырнет бутылку в реку.

А я скажу, чтобы Кен записал, – и тот запишет.

С виду такой независимый, Кен часто со мной советовался. Точнее, проигрывал какие-то ситуации, проговаривал их. Была у него такая манера думать – брэйнсторм в одиночку, и для этого требовался слушатель, да не пассивный, а чтобы внимал с интересом и подавал реплики. Можно не понимать, важно реагировать, тогда у Кена все нарисуеться в лучшем виде.

Попутно он какую-нибудь философскую муть выдумает и очередной афоризм про русских – пригодится в хозяйстве. Ну и я от его эрудиции нахватуюсь по верхам, тоже полезно.

Наш симбиоз оборвался, когда Кен ушел с конвейера, а когда через несколько лет вернулся – все уже стало иначе. И Кен стучался ко мне, а я не мог ответить. И черт с ними, с брэйнстормами, думать молча он уже научился. Ему было некому пожаловаться, что опять в судьбе намечается развилка и надо сворачивать. А это для Кена без дружеского участия, без возможности как следует выговориться – беда.

Меня многие называли бы скрытным: я ведь молчу о наболевшем. А Кена, который был действительно скрытным – недоговаривал, зажимал информацию, рассчитывал, кому что

сказать, – все принимали за рубаху-парня. И тоже правильно: эмоционально он был открыт. И серьезные решения принимал на эмоциях.

Я знаю, например, благодаря нашим посиделкам на берегу, почему он так носился с эффективностью, – она для Кена была справедливостью. Так выражалась его мечта об упорядоченном и разумно обустроенном мире. Эффективностью он измерял даже моральные установки – и считал, что это рационально.

Очень эмоционально, на самом деле.

Иногда я думаю: плохо, что Кен не был приучен чисто по-американски ходить к психологу, а набрался с детства наших аборигенных манер. Они и для нас-то не вполне хороши: одно только пьянство да засорение реки невнятными месседжами. У нас теперь многие, кто поумнее да посмелее, ходят на терапию – и довольны. С другой стороны, если к психологу – это уже не Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов: первый на деревне, смерть пиндосским оккупантам, валенки-валенки, калинка-малинка и всем по сто пятьдесят с прицепом.

И он, конечно, чего-то на голых эмоциях накосячил, за что теперь должен расплачиваться. Как там было, Машка не скажет. Обмолвилась она о проданной душе, конечно, неспроста – и впустую. Откуда ей, девчонке с правого берега, понять, что у любого заводского такой намек вызовет максимум усмешку. В силу нулевой информативности. На заводе дьяволы представлены в широчайшем ассортименте – только успевай торговаться. Вот навскидку: можно продать душу отделу кадров русского штаффа, Васе-Профсоюзу, службе безопасности и мелким пиндосам (крупные пиндосы сами покупают мелких). Это для тех, кто не эстет. А кто знает толк в извращениях, тот продается «отделу культуры», где служил, на минуточку, некто Кеннет Маклелланд.

А вы как думали.

Пока я стоял на вединге, бригаде отдельно завидовали из-за нас с Михалычем. Боялись сказать это в лицо – ведь Михалыч не ловит падающих тел и они бьются головами, – но все подозревали и подразумевали, что нас прикрывают «кадры»: меня же туда вызывали, а потом не выгоняли! Но стоило нарисоваться Кену в обличье «культуриста», до пубрики наконец дошло: волосатая рука у нас с самого начала была в «культуре». Вот почему Дарты Веддеры такие смелые и несгибаемые!

А мы просто были смелые и несгибаемые.

Только друга своего мы профукали, бросили на произвол судьбы.

Когда Кен вернулся на завод, я уже был задерган, несчастлив и зол на весь мир. Кен не изменился – изменился я. Что-то надломилось в отношениях, по уважительной причине – потому что у меня не хватало сил на отношения. Все всегда надламывается по уважительной причине. Я отталкивал Кена, и он начал отдаляться, а больше приткнуться по-человечески, так, чтобы понимали с полуслова, ему было не к кому. Кену пришлось тяжело, а меня не было рядом, я оставил его без поддержки, оставил наедине с заводом – и Кен наделал глупостей...

Я нажал кнопку «старт», двигатель приятно заурчал, и рука на руле ждала, куда прикажут. Прямо через старый мост и налево – в гараж, к Михалычу, работать. За мостом направо – на завод, вызвонить к проходной Джейн и сказать ей что-то важное. За мостом через сто метров во дворы и стоп – это домой, а то вдруг придет Кен и позовет сесть на берегу реки.

Ехать к Михалычу было правильно, но скучно и не обязательно. Он кладет на машину грунт, а рядом сидит его подружка с серьезными намерениями, и им хорошо вдвоем. Ехать к Джейн было очень правильно и очень страшно. Теперь уж нет сомнений, что мы с Михалычем вылетели с завода из-за этой стервы, и все равно она, зараза, лояльная компании до гробовой доски – наша Женька, мы не умеем к ней иначе относиться, я это понял, когда представил, как запихну ее в багажник, лишь бы спасти. Ну и чего я ей скажу? Подруга, я все простил? А она глаза такие сделает: чего простил? А я буду смотреть в эти глаза и жалеть, что десять лет назад дал слабину, и знать, что ничего не исправишь. Да ну ее к лешему, это

не дружба, и не любовь, и даже не детская привязанность, а голый синдром незавершенного действия. Топором его рубить. Приказать себе забыть.

А ждать Кена было глупо. Когда ему надо, он приходит без разрешения и приглашения.

Можно еще сдать назад, развернуться, обогнать вон ту блондинку и поглядеть на нее в зеркало уже с другой стороны. Что-то есть в ее походке... Неуловимо трогательное и притягательное. Сильный вызов для художника – передать такое непростое движение во всей его полноте. Если честно, я еще слабоват для этого, но попробовать-то надо.

Ладно, хватит на сегодня провинциальной интеллигентской рефлексии. Поехали.

Рука, ты помнишь: руль до упора не крутить, ни вправо, ни влево. И цитрус останется прекрасной машинкой, верной и послушной человеку. Вот как мы решаем проблемы с сумасшедшими усилителями. И нечего бояться, и не надо с перепугу никого убивать кувалдой. Себя надо контролировать для начала, себя.

И чего все такие нервные?..

Ну так куда едем, хозяин?

Я бросил взгляд в зеркало – и воткнул задний ход.

* * *

– Спроси зачем, – сказал Кен.

Я положил на лавку бутылку и крутанул ее. Покажет в сторону реки – прикинусь веником, повернется к дому – скажу, что думаю. А она упала. Ну, сама бутылка и есть сообщение, не правда ли?

– Они решили, что ты защитил интересы компании, и хотят тебя повесить, – сказал я. – Им невдомек, что ты увольнялся через окно на полном серьезе.

– Бинго. И ты говоришь, что тормоз? Ты понимаешь логику этих уродов куда лучше меня.

– Логика всех уродов одинакова. Они бы сами прыгали в окна для карьеры, только знают, что ради них рабочие не прибегут под стену с баннером...

Я не совсем уж врал, но слегка лукавил. Мне казалось, тут не обошлось без Дона Маклелланда. Логика всех родителей одинакова. Мои, к счастью, не в курсе, какой я герой, а то едва представлю, так вздрогну: мамуля летит в Россию со смирительной рубашкой, а папуля хлопчет об американской визе для меня. Потому что на исторической родине нездоровая обстановка и ребенок тут допрыгается, того и гляди. А чтоб я не брыкался, они сначала звонят маме Михалыча. И эта добрая женщина, всегда готовая помочь, говорит: наконец-то! – и высылает бригаду крепких ребят в белых халатах. И я к назначенному часу тих, смирен и покорен, только иногда падаю, как Рита Калиновски в тот памятный вечер... Я все забываю сказать: мамочка нашего Мишеньки – главврач областной психиатрической больницы, и в радиусе пары сотен километров ее один только Михалыч не боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.